

ВОПРОСЫ

№ 4
2016

Научно-практический
и методический журнал

КУЛЬТУРОЛОГИИ

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК РФ (в редакции, действующей до 30.11.2015 г.)

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и международную реферативную базу данных ERIN PLUS

Уважаемые читатели!

Сегодня мы хотели бы рассказать об удивительном человеке. Это Матвей Григорьевич Писманик — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и философии Пермской государственной академии искусства и культуры. Уже несколько лет Матвей Григорьевич активно участвует в работе экспертного совета по религиоведению, существующего в нашем журнале.

Скупые слова автобиографии представляют жизненный путь, казалось бы, ученого и педагога, каких немало в России. Окончил Молотовский государственный университет по специальности «юриспруденция». Сферой научных интересов являются социальная философия, социология и психология религии, культурология, методология научного исследования, этика. Автор более 200 научных публикаций, в том числе 5 монографий, 7 учебников и учебных пособий по религиоведению, 15 брошюр, более 170 научных статей. Награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ».

Однако личное знакомство позволяет не только ближе узнать Матвея Григорьевича, но и проникнуться глубоким пониманием масштаба, широты и бескрайнего обаяния этого человека. Энергия, дальновидность, практический ум, такт — это далеко не полный перечень достоинств профессора Писманика как ученого, тип которого становится с годами все более редким. Он истинный ГУМАНИСТ. Стоя у истоков известнейшего и влиятельного ежегодного Форума-диалога светских и религиозных ученых, в 2014 г. перешагнувшего эти рамки и ставшего Всероссийским форумом-диалогом по проблемам единства российской нации и региональной национально-конфессиональной политики, собирая под своим крылом вузовских исследователей, религиоведов и священников всех конфессий, Матвей Григорьевич последовательно отстаивает принципы светского гуманизма как парадигмы современного общественнознания. Эта позиция заслуживает уважения и признательности.

Дорогой Матвей Григорьевич, желаю Вам богатырского здоровья, верных учеников и новых встреч ученых на гостеприимной пермской земле!

С глубоким уважением,

А. В. Агошков,
главный редактор

Издается при информационно-методической поддержке Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва и Ассоциации культурологических кафедр и научных центров

Содержание

Contents	1
Новости образования и культуры	6

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ: МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

Уваров П. Б. Отечественная интеллигенция: путь компрадора 8
Функция интеллигенции как социальной группы рассматривается как функция информационного посредника. В рамках посреднической деятельности медиатор заинтересован в поддержании постоянной неопределенности и коммуникативных затруднений. Посредник (инфо-компрадор) эксплуатирует ситуацию конвертации традиционного общества в систематику новоевропейской цивилизации.

Гришин М. В. Анализ различий духовных культур Востока и Запада в труде «Маски Бога» Д. Кэмпбелла 18

В этой статье рассматриваются концепции американского мифолога Д. Кэмпбелла относительно различий духовных культур традиционного Востока и Запада, начиная с эпохи готики. Культуры Востока, как пишет Кэмпбелл, в основе которых лежат индуизм и буддизм, обращаются к выходу за пределы мирской обусловленности в поисках высшего «Я» человека, тождественного Абсолюту.

Мельниченко В. А. Искусство как сопротивление 24
Роль искусства в культуре, в социальной и политической сферах — создавать ситуацию отзеркаливания онтологической реальности. Задача власти — создавать тотальную симуляцию реальности. В противоречии целей рождается фигура художника как контрабандиста, партизана, а искусство становится формой сопротивления.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Пушкарева Т. В., Шемякина Е. М. «Memory studies» в развитии социогуманитарного знания. Часть 2. «Memory boom»: современное состояние и перспективы 28

Авторы статьи показывают причины возрастания интереса социогуманитарных наук к проблематике исторической, культурной, коллективной памяти с 80-х гг. XX в. по настоящее время. Формирование национальных исследовательских школ *memory studies* (французской и немецкой) рассматривается как основное достижение этого периода. Делается вывод о том, что ориентация ведущих исследовательских школ *memory studies* на решение актуальных общественных задач и междисциплинарный характер новых подходов пока затрудняет создание единой мемориальной парадигмы.

ДИДАКТИКА И МЕТОДИКА

Муравьев В. В. Религиоведение в системе культурологического образования 33
Религиоведческая подготовка специалистов в области культурологии направлена на раскрытие, постижение смысла, законов, направлений, движущих сил, основных этапов религиозной истории человечества и методов ее изучения, настоящего состояния религиозной сферы культуры и ее будущего.

Панищев А. Л. Культура православного христианства в России (дидактические материалы по курсу «Религиоведение») 39
Представленная работа посвящена культуре православного христианства. Данный материал предназначается для решения дидактических задач и адресован студентам, обучающимся по гуманитарным специальностям. Информация, изложенная в данной учебно-методической работе, может быть полезна и интересна любому человеку, который интересуется культурологией и религиоведением.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Агошков Андрей Валерьевич — кандидат философских наук

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
Окороков Александр Васильевич — доктор исторических наук, первый заместитель директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, действительный член Академии военных наук, действительный член Русского географического общества, член-корреспондент Международного комитета по подводному культурному наследию

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Абрамов Сергей Рудольфович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Астафьева Ольга Николаевна — доктор философских наук, профессор, директор научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Багдасарьян Надежда Гегамовна — доктор философских наук, профессор МГТУ им. Н. Э. Баумана, действительный член РАН, заведующая кафедрой социологии и гуманитарных наук Университета «Дубна»

Гачева Анастасия Георгиевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН, главный библиотекарь Музея-библиотеки Н. О. Фёдорова

Гончаров Сергей Александрович — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, первый проректор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Горлова Ирина Ивановна — доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва

Дочуцаев Илья Игоревич — доктор филологических наук, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета, член Научно-методического совета по культурологии Министерства образования и науки Российской Федерации

Драч Геннадий Владимирович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, декан факультета философии и культурологии Южного федерального университета

Загребин Сергей Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, заведующий кафедрой культурологии Челябинского государственного педагогического университета

Запесоцкий Александр Сергеевич — доктор культурологии, профессор, действительный член РАО, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный артист Российской Федерации, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Злотникова Татьяна Семёновна — доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член РАН, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

Круглова Л. К. Концепты «идея университета», «миссия университета»,

«университет в руинах»: культурологический анализ. Часть 3 46

В статье анализируются концепты «идея университета» в трактовке Дж. Ньюмена и К. Ясперса, «миссия университета» как он представлен Х. Ортегой-и Гассетом, «университет в руинах» — Б. Ридингом, рассматривается концепция университетского образования Р. Барнетта. Показано, что в концепте Б. Ридинга «университет в руинах» отражены негативные тенденции трансформации современного университета, среди которых излишняя формализация и односторонняя ориентация на экономический эффект.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СРЕДА — СИМВОЛ —

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

Забродина Г. Д. Трансляция культурных смыслов в системе «человек — среда» .. 53

В статье предлагается условная модель синергии аксиологических образов, основанная на взаимодействии векторов смыслообразования в субъектно-объектных отношениях и иллюстрирующая процесс трансляции смысловых конструктов в системе «человек-среда». Новизна исследований заключается в разработке аксиологического модуля, отражающего суть культурного кода, и способного служить «поверочным инструментом» в измерении семантического текста при решении проектно-эстетических задач современности.

Архангельская И. В. Методы изучения визуального облика промышленной

архитектуры дореволюционного Саратова 59

В статье предпринята попытка создания методологического алгоритма исследования текстов промышленной архитектуры дореволюционного Саратова, который позволит осмыслить механизм трансформации исследуемого информационного поля.

Кошетарова Л. Н. Антропологическая реальность рекламы 63

В настоящей статье анализируются различные стороны рекламной реальности. С антропологической точки зрения рассматриваются концепции виртуальной реальности. Показано, что реклама является частью антропологической реальности и подобно ей подвержена динамическим изменениям.

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Максимович В. Ф., Александрова Н. М. Создание Школы народного искусства: взгляд

из настоящего в прошлое 68

В основу исследования вошли документы фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Российского государственного исторического архива, часть которых ранее не была опубликована. Представлены этапы и социально-образовательные условия появления в начале XX в. Школы народного искусства в Санкт-Петербурге. Охарактеризована специфика становления обучения рукоделию девочек и девушек в России, что повлияло на создание Школы народного искусства.

Карлова А. И. Цифровое искусство и музей 74

В статье прослеживается история музейной институционализации цифрового искусства, а также осуществляется попытка выявить проблемное поле бытования цифрового искусства в музейном контексте. Рассмотрение специфики репрезентации и коллекционирования цифрового компьютерного искусства в виртуальном и реальном музейном пространстве позволяет наметить основные характеристики и тенденции развития феномена Музея цифрового искусства.

КРИТИКА. ПУБЛИЦИСТИКА

Житенёв С. Ю. Отечественная культура для России и мира: размышления о книге

А. С. Запесоцкого «Культура: взгляд из России» 80

В статье изложены размышления автора о наиболее важных и актуальных вопросах и проблемах российской культуры и культурологии, представленные в книге известного отечественного учёного, члена-корреспондента РАН А. С. Запесоцкого. Автор статьи старался в сжатой форме отразить многогранные научные интересы А. С. Запесоцкого в сфере культуры и образования.

Иконникова Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член РАЕН, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, действительный член РАЕН, ректор Московского гуманитарного университета

Кондаков Игорь Вадимович — доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета

Костина Анна Владимировна — доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, декан факультета философии, культуры и искусства, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета

Кузнецова Татьяна Фёдоровна — доктор философских наук, профессор, действительный член МАНПО, председатель Научно-методического совета по культурологии Министерства образования и науки Российской Федерации

Марков Александр Петрович — доктор педагогических наук, доктор культурологии, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Масленников Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН

Мосолова Любовь Михайловна — доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Новиков Владимир Геннадиевич — доктор экономических наук, доктор социологических наук, главный советник при ректорате Московского государственного областного университета

Новичков Николай Владимирович — доктор экономических наук, советник министра культуры Российской Федерации

Пономарёва Галина Михайловна — доктор философских наук, профессор философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Рыбак Кирилл Евгеньевич — доктор культурологии, советник министра культуры Российской Федерации

Спивак Дмитрий Леонидович — доктор филологических наук, профессор, директор Северо-Западного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва

Флиер Андрей Яковлевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом теории искусства Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации

Contents

Education and culture news 6

INTELLECTUAL HISTORY OF RUSSIA: BETWEEN THE WEST AND THE EAST

Uvarov P. B. Native intelligentsia: the way of info-comprador 8

Functions of intelligentsia as a this social group is seen as the function of information intermediaries. Within the limits of intermediary activity mediator is interested in maintenance of permanent uncertainty and communication difficulties. Intermediary (info-comprador) operates situation of conversion of traditional society in systematics of new European civilization. Mediator is more concerned with optimization of his own situation than with mutual understanding between traditional and new European societies.

Gryshyn M. V. The analysis of distinctions of spiritual cultures of the East and West in the work "God's Masks" of D. Campbell 18

In this article analyze conception by American mifologist D. Campbell about differences between spiritual cultures of traditional Orient and West, at the beginning gothic epoch. Oriental culture has in its basis induism and Buddhism try to attain going out from depending on the world in looking for the highest "Ego" of human being, identity of "Absolute". In the western culture suppose realization of individual's destine as the unique personality with stand by on the physical, mentality and intellectual descriptions in the world of sensual perception.

Melnychenko V. A. Art as resistance 24

Art role in culture, in social and political spheres – to create a situation of an otzerkalvaniye of ontologic reality. A task of the power – to create total simulation of reality. In a contradiction of the purposes the artist's figure as smuggler, guerrilla is born, and art becomes resistance form.

THEORY QUESTIONS

Pushkareva T. V., Shemyakina E. M. «Memory studies» in the development of socio-humanitarian knowledge. Part 2. The «Memory boom»: current status and prospects 28

The authors disclose the reasons for the growing interest in social sciences and humanities to the problem of historical, cultural, collective memory from 80s of XX century to the present. Formation of national research schools memory studies (French and German) is regarded as the main achievement of this period. The conclusion is that the orientation of the leading research schools memory studies to address pressing social problems and the interdisciplinary nature of the new approaches yet difficult to create a memorial paradigm.

DIDACTICS AND TECHNIQUE

Muravyev V. V. Religion as a subject of education in cultural studies 33

The education in cultural studies includes religion as an important subject to investigate and understand. It focuses on causes, laws, major steps of religious history and its cultural outcomes. It also grapples with the problem of future of religious sphere. Turning attention to investigation methods we have to resolve a controversy of neutral and evaluative intents.

Panyshv A. L. Culture of orthodox Christianity in Russia (didactic materials at the rate "Religious studies") 39

The work is devoted to the culture of Orthodoxy Crisstianity. This material addresses to decide to didactical questions and can be use by students of humanitarian specialization. This work can be applied for any people, who interest to culturology and religious studies.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Валеева Елена Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры социальной работы, сервиса и туризма Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, член Всероссийского общества германистов

Люсий Александр Павлович — кандидат культурологии, старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва

Пархоменко Татьяна Александровна — доктор исторических наук, начальник отдела культурного взаимодействия государства, религии и общества Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва

Поляков Тарас Пантелеймонович — кандидат исторических наук, профессор, заведующий сектором Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва

Святославский Алексей Владимирович — доктор культурологии, профессор филологического факультета Московского педагогического государственного университета

Тихомиров Сергей Александрович — кандидат культурологии, начальник управления аспирантуры, доцент кафедры теории и истории искусств Высшей школы народных искусств (института)

Трошин Андрей Алексеевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва

ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

по преподаванию социально-гуманитарных дисциплин в технических высших учебных заведениях

Горшенин Владимир Петрович — доктор экономических наук, декан международного факультета Южно-Уральского государственного университета

Жилина Вера Анатольевна — доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова

Невелев Анатолий Борисович — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Челябинского государственного университета

Стожко Константин Петрович — доктор исторических наук, директор Гуманитарного института Уральского государственного экономического университета

Шабатура Любовь Николаевна — доктор философских наук, заведующая кафедрой философии Тюменского государственного нефтегазового университета

Шалютин Борис Соломонович — доктор философских наук, профессор Курганского государственного университета

ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

по гуманитарным исследованиям социально-трудовых отношений

Ветошкин Анатолий Петрович — доктор философских наук, действительный член Академии социальных наук, профессор Московского государственного университета путей сообщения

EDUCATION AND SOCIETY

Kruglova L. K. Concepts «the idea of a University», «mission of the University», «University in ruins»: culturological analysis. Part 3 46

The article analyzes the concepts of «the idea of a university» in the interpretation of J. Newman and K. Jaspers, «mission of the University», presented by J. Ortega-y-Gasset, «the university in ruins» by B. Readings, and considered the concept of University education R. Barnett. It is shown that the concept of B. Readings «university in ruins» reflects negative tendencies in the transformation of modern university, including excessive formalization and one-sided focus on economic effect. It is concluded that from the point of anthropologically oriented cultural studies the embodiment of the idea of the university as the universality and the fulfillment of culture-making mission are possible on the basis of the principle of universal humanism.

THE SPATIAL ENVIRONMENT — A SYMBOL — A WORK OF ART

Zabrodina G. D. Broadcast cultural contexts in the system «man-environment» 53

The article proposes a conditional model of synergy axiological images, founded on the interaction of vectors of personal in subject-object relations and illustrating the process of translating the semantic constructs in the system man- environment. The novelty of the research lies in the elaboration of axiological module, capturing the essence of cultural code and able to serve as a verification tool "semantic dimension text when addressing design and aesthetic challenges.

Arkhangelskaya I. V. Methods of studying the visual appearance of the industrial architecture of pre-revolutionary Saratov 59

In article attempt of creating a methodological algorithm of research of texts of the industrial architecture of pre-revolutionary Saratov, which allows to understand the mechanism of transformation of researched information field.

Koshetarova L. N. Anthropological reality of advertizing 63

The article analyzes the various aspects of the advertising reality. From an anthropological point of view, considered the concept of virtual reality. It has been shown that advertising is part of the anthropological reality, and like her is subject to dynamic changes.

PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE

Maksimovich V. F., Alexandrova N. M. The foundation of the school of folk art: a view from the present to the past 69

The study includes documents of funds of the Central State Historical Archive of St. Petersburg, the Russian State Historical Archive, part of which has not been previously published. The stages of social educational conditions for the appearance at the beginning of the XXth century the School of Folk Art in St. Petersburg are presented. The specific of formation of handicraft teaching of girls in Russia is characterized, which influenced the creation of the School of Folk Art.

Karlova A. I. Digital art and museum 74

The paper traces the history of museum institutionalization of digital arts and deals with the problem field of interaction of digital art and museum context. Analysis of representation and collecting practices concerning digital arts in virtual and real museum space lets the author to define basic characteristics and tendencies of development of the Museum of digital arts as a cultural phenomenon.

CRITICISM. JOURNALISM

Zhitenev S. Yu. National culture for Russia and the world: reflections on the book by A. S. Zapesotsky «Culture: a view from Russia» 80

The article presents the author's reflections about the most important and relevant issues and problems of Russian culture and cultural studies presented in the book by the famous Russian scientist, corresponding member of RAS A. S. Zapesotsky. The author tried in compressed form to reflect the multifaceted research interests of A. S. Zapesotsky in the field of culture and education.

Марцева Лидия Михайловна — доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор кафедры «Связи с общественностью, сервис и туризм» Омского государственного университета путей сообщения

Миняйло Александр Максимович — доктор экономических наук, профессор, академик Академии информатики Украины, ректор Уральского института бизнеса

ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ по религиоведению

Капустин Николай Стратонович — доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения Южного федерального университета

Панищев Алексей Леонидович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета, профессор РЯЕ

Писменик Матвей Григорьевич — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Пермской государственной академии искусства и культуры

Рязанова Светлана Владимировна — доктор философских наук, старший научный сотрудник Пермского филиала Института философии и права Уральского отделения РАН

Степанова Инга Николаевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Курганского государственного университета

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-18243 от 30.08.2004 г.

Журнал распространяется через каталоги ОАО «Агентство «Роспечать», «Пресса России» (индекс на полугодие — 46310) и «Почта России» (индекс на полугодие — 24192), а также путем прямой редакционной подписки.

Отдел подписки
Тел./факс: (495) 664-27-61

Отдел рекламы
Тел. (495) 664-27-94
E-mail: reklama@panor.ru

Учредитель
Некоммерческое партнерство Издательский Дом «Просвещение»
117042, г. Москва, ул. Южнобутовская, д. 45

Издательский Дом «Панорама»
Адрес редакции: Москва, Бумажный проезд, 14, стр. 2. **Для писем:** 125040, Москва, а/я 1.
Тел. (495) 664-27-45, <http://culturolog.panor.ru>

Редактор
Тел.: 8 (985) 728-68-00, 8-916-125-75-38,
vk@panor.ru

Подписано в печать 12.04.2016 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕРМОСКОГО ПЕЧАТИ

РЕКОМЕНДАЦИИ ВСЕРОССИЙСКОГО НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО
ФОРУМА-ДИАЛОГА «РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(Пермь, 22–23 декабря 2015 г.)

22–23 декабря 2015 г. в Перми при поддержке Администрации губернатора Пермского края Пермский государственный институт культуры (ПГИК) совместно с Институтом философии РАН, Институтом этнологии и антропологии РАН, Пермской митрополией Русской православной церкви, Уполномоченным по правам человека в Пермском крае и АНО «Центр поддержания гражданского единства» провели очередной Всероссийский научно-практический Форум-диалог, посвященный вопросам дальнейшей реализации в регионах Приволжского Федерального округа «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» и Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этно-культурное развитие народов России (2014–2020 гг.)». Сформулированные в этих правительственных документах новые, долговременные и особо сложные социальные проблемы, в первую очередь — задачи формирования прочного гражданско-патриотического единства россиян нуждаются в оперативном и конструктивном осмыслении постепенно нарастающего опыта по разрешению этих проблем.

В работе Форума приняли участие А. Ю. Маховиков — руководитель Администрации губернатора Пермского края и ведущие эксперты Приволжского Федерального округа — директор научно-исследовательского института истории и этнографии Оренбургского государственного университета профессор В. В. Амелин и директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН профессор А. Е. Загребин. В работе Форума также приняли участие Пермская митрополия русской православной церкви, Уполномоченный по правам человека в Пермском крае профессор Т. И. Марголина, директор Института философии РАН академик А. А. Гусейнов, заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН профессор В. Ю. Зорин и иные авторитетные ученые-гуманитарии, исследующие наиболее актуальные вопросы гражданско-патриотического единства россиян.

В мероприятии участвовали представители научных и образовательных организаций, учреждений культуры, органов власти, религиозных конфессий и национально-культурных объединений Пермского края.

Программа и формат работы этого мероприятия позволили вновь использовать г. Пермь в качестве одной из дискуссионных площадок Приволжского Федерального округа для обмена опытом по осуществлению Стратегии государственной национальной политики и реализации выше названной Федеральной целевой программы. В докладах, дискуссиях Круглого стола и в работе дискуссионной площадки были затронуты и проанализированы некоторые остро назревшие проблемы, выявленные на раннем этапе реализации этой стратегии в Приволжском Федеральном округе.

Для наиболее успешного разрешения этих проблем участники Форума высказывают следующие научно-практические соображения и рекомендации в адрес органов государственной власти, а также в адрес общественных объединений.

1. Участники Форума с удовлетворением констатируют факт создания органа, непосредственно ответственного за реализацию Стратегии государственной национальной политики. Указом Президента РФ от 31 марта 2015 г. образовано Федеральное Агентство по делам национальностей. Среди первостепенных функций Федеральному Агентству поручено «осуществление мер, направленных на укрепление единства многонационального

народа Российской Федерации (русской нации), обеспечение межнационального согласия, этнокультурного развития народов Российской Федерации, защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов Российской Федерации».

Участники Форума — ведущие ученые-гуманитарии, активисты общественных объединений, а также специалисты, курирующие в регионах и муниципальных образованиях вопросы реализации Стратегии государственной национальной политики, хорошо осознают, что эта стратегия органично включает в себя задачи преодоления кризиса гражданской идентичности и формирования гражданско-патриотического единства.

2. Участники Форума свидетельствуют, что Стратегия государственной национальной политики и выше названная Федеральная целевая программа, ориентированные на формирование прочного гражданско-патриотического единства, по мере начавшейся их реализации, получают нарастающую поддержку общественности Приволжского Федерального округа. В продвинутом самосознании соотечественников укрепляется убеждение в том, что гражданско-патриотическое единство является необходимым и надежным гарантом общественной безопасности. Единство россиян активно способствует действенной защите социальной стабильности и стратегических интересов Отечества против внешних и внутренних угроз, проявлений агрессии и терроризма. Патриотическое единство российских граждан противопоставит как латентным, так и явным напряжениям и конфликтам в сфере национальных и конфессиональных отношений, а также деструктивным проявлениям радикального национализма, ксенофобии, политического и религиозного экстремизма.

3. В регионах Приволжского Федерального округа и в муниципальных образованиях под воздействием праздника семидесятилетия Победы над фашизмом в Великой Отечественной войне наблюдается несомненный подъем патриотических умонастроений. В самосознании россиян отчетливее выявляется готовность лично содействовать процессу формирования гражданского единства. Со стороны продвинутой части общественности Приволжья поступают конструктивные предложения по дальнейшему стимулированию этого процесса. Несомненного внимания заслуживают предложения по более глубокому мотивированию и активизации гражданско-патриотического воспитания в семье, школе, вузе, ближайшем социальном окружении россиян и в просветительной деятельности учреждений культуры. По мнению общественности, следует существенно обновить и перестроить работу в учреждениях образования и культуры, в деятельности СМИ по воспитанию патриотизма молодежи на героических страницах отечественной истории. Участники Форума считают, что среди предложений общественности первоочередной поддержки заслуживают инициативы по возрождению в Российской Федерации патриотических детских, подростковых, юношеских и молодежных объединений, а также и по соответствующему их концептуальному оснащению.

4. Вместе с тем, в ходе реализации Стратегии государственной национальной политики приходится сталкиваться с недопониманием в массовом сознании различия смыслов конструктивно используемых в этом процессе понятий «русские» и «россияне». К сожалению, среди обывателей подчас распространены провоцирующие пассивность и скепсис, глубоко ошибочные суждения относительно самого замысла гражданского единства. При этом, в частности, высказываются опасения в том, что укрепляющееся гражданское единство якобы вызовет нивелирование этнической самоидентификации личности и даже приведет к исчезновению культурного многообразия этносов. Устранение ошибочных суждений относительно замысла упрочения гражданско-

патриотического единства, содействие верному пониманию этого креативного замысла, вовлечение всех граждан в его активную поддержку — вырисовываются участникам Форума в качестве наиболее актуальных идейно-психологических задач реализации Стратегии государственной национальной политики.

5. Эти задачи нуждаются в новом, более глубоком научно-практическом осмыслении и привлечении независимых, объективных, особенно авторитетных и компетентных ученых-гуманитариев, экспертов и опытных специалистов-практиков. В этой связи участники данного мероприятия ознакомились с накапливаемым в Пермском крае соответствующим позитивным опытом. Регион тесно сотрудничает с Институтом философии и Институтом этнологии и антропологии РАН. С 2002 г. в крае проводятся систематические научно-практические конференции по проблемам духовного возрождения Отечества, нравственного и гражданско-патриотического воспитания. С 2014 г. в Перми прошло несколько федеральных Форумов национального единства. Мероприятия включали проведение Круглых столов, дискуссионных площадок по обмену опытом, консультации экспертов для сотрудников региональных и муниципальных органов власти, курирующих вопросы реализации Стратегии государственной национальной политики. В регионе разработаны программы соответствующих научных исследований.

6. Всероссийский Форум-диалог обращается к отечественному гуманитарному научному сообществу с просьбой о более эффективном научном и методическом содействии процессу реализации Стратегии государственной национальной политики. Начальные итоги практической реализации этой Стратегии свидетельствуют, что со стороны ученых особенно необходимо представить более глубоко теоретически осмысленные научно-практические и методические рекомендации по оптимальному разрешению следующих актуальных и сложных проблем:

- концептуальное обновление и дальнейшее продуктивное насыщение самой теоретической парадигмы и научно-методических подходов к формированию гражданского единения и патриотического воспитания в постсоветском обществе;
- анализ и конструктивный учет архаичных и креативных начал в традициях российской культуры — их значения и роли в процессе гражданского единения россиян;
- анализ оптимального соотношения и продуктивного взаимодействия этнического и общенационального в процессе гражданского единения россиян;
- вопросы надежной профилактики и более эффективного преодоления этно-конфессиональных напряжений, конфликтов и проявлений политического и религиозного экстремизма;
- пути купирования и упреждения все еще нередких в обществе интолерантных проявлений предвзятости к представителям других этносов и верований, а также к сторонникам иных мировоззренческих убеждений;
- направления и подходы к дальнейшей, более эффективной социальной адаптации мигрантов;
- вопросы возможности и эффективного применения примирительных процедур, технологий урегулирования конфликтов на местном уровне;
- вопросы гражданского формирования и образования, особенно среди молодежи;
- вопросы конструктивного освещения социальных проблем и событий в публичном пространстве.

7. За минувшие два года в большинстве регионов Приволжского Федерального округа для сотрудников региональных и муниципальных органов власти, непосредственно курирующих

деятельность по реализации названных правительственных решений, были организованы целевые курсы и семинары, проведены занятия по освоению означенных в этих документах задач, содержания, основных направлений и методов реализации Стратегии государственной национальной политики. Вместе с тем существует востребованность в дополнительных методических пособиях и рекомендациях, отражающих местные особенности и затруднения в реализации названной Стратегии.

8. Проведенный на дискуссионной площадке Форума обмен опытом начальной реализации названной Стратегии в Приволжском Федеральном округе свидетельствует, что региональные и муниципальные органы власти, как правило, уже разработали адаптированные к местной ситуации долгосрочные программы по реализации Стратегии и последовательно опираются на их указания.

В ряде региональных и муниципальных образований при органах власти начинают функционировать Советы содействия реализации Стратегии. Форум, в частности, заслушал сообщение о позитивной деятельности Совета по межнациональным и межконфессиональным отношениям при Пермской городской Думе и аналогичных Советов в ряде муниципальных образований региона.

Постепенно налаживается и мониторинг реализации Стратегии. При проведении мониторинга Форум советует опираться на ценные и конструктивные рекомендации, предоставляемые Институтом этнологии и антропологии РАН по результатам обобщения и анализа исследований динамики этнологической ситуации в различных регионах РФ.

9. Участники Форума указали на необходимость усиления работы по привлечению актива органов власти, учреждений образования и культуры. Необходимо также усилить вовлечение широкой общественности и прежде всего представителей интеллигенции, сотрудников учреждений образования и культуры, способных с учетом местных условий разъяснять, популяризировать и стимулировать успешное разрешение этих задач.

Необходимо более активно привлекать к этой работе религиозные объединения, добровольческие, волонтерские, благотворительные и милосердные организации.

10. Участники Форума рекомендуют органам власти Приволжского Федерального округа разработать программу систематических научных исследований по дальнейшей практической реализации Стратегии государственной национальной политики, в том числе, по обеспечению строгими и действенными индикаторами мониторинг этой долговременной и чрезвычайно важной деятельности по укреплению единства российской нации.

11. С учетом изложенных выше рекомендаций, участники Форума призывают органы власти и широкую общественность Приволжского Федерального округа энергично активизировать дальнейшую деятельность по успешной реализации Стратегии государственной национальной политики.

Рекомендации одобрены 23 декабря 2015 г. на заключительном заседании Всероссийского научно-практического Форума-диалога «Реализация Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации» и направляются в адрес органов государственной власти и управления, а также в адрес ряда общественных объединений и ведущих вузов Приволжского Федерального округа.

*Оргкомитет Всероссийского научно-практического Форума-диалога «Реализация Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации»,
Пермь, 22–23 декабря 2015 г.*

УДК 331

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ
4/2016

Отечественная интеллигенция: путь компрадора

Native intelligentsia: the way of info-comprador.

© Уваров Павел Борисович
Uvarov P.B.

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет». Россия,
454080, Челябинск, просп. Ленина, 69.
E-mail: pbuvar@mail.ru

Статья поступила 27.04.2015 г.

Функция интеллигенции как социальной группы рассматривается как функция информационного посредника. В рамках посреднической деятельности медиатор заинтересован в поддержании постоянной неопределенности и коммуникативных затруднений. Посредник (инфо-компрадор) эксплуатирует ситуацию конвертации традиционного общества в систематику новоевропейской цивилизации. Посредника волнует оптимизация собственного положения, а не повышение адаптивности и взаимопонимания традиционного и новоевропейского общества.

Ключевые слова: интеллигенция, информационные посредники, религиозный центризм, закон «производства неопределенности», вестернизация, квази-традиционное сознание, инфо-компрадор, комплекс неопита, экзоцентризм.

Functions of intelligentsia as a this social group is seen as the function of information intermediaries. Within the limits of intermediary activity mediator is interested in maintenance of permanent uncertainty and communication difficulties. Intermediary (info-comprador) operates situation of conversion of traditional society in systematics of new European civilization. Mediator is more concerned with optimization of his own situation than with mutual understanding between traditional and new European societies.

Key words: intelligentsia, information intermediaries, religio-centrism (society "concentrated on religion"), law making of life uncertainty, westernisation, quasi-traditional consciousness, info-comprador, Neofit's complex, exo-centrism.

31 августа 1915 г. В. В. Розанов записывает за чтением газет: «Пока не передадут интеллигенцию — России нельзя жить. Ее надо просто передавать. Убить» [12. С. 292].

Именно этот, по-розановски экспрессивный вопль, навечно перевел тему российской интеллигенции в разряд актуальнейших, по крайней мере, в отечественной гуманитаристике.

НЕМНОГО О СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»

Считаем необходимым солидаризоваться с точкой зрения В. С. Вахштайна на то, что «хорошим тоном» в области социальных наук является отчетливое заявление автором принимаемых им самим допущений: «Исследователь видит мир таким, каким его делает доступным взгляду его собственный теоретический словарь. Изменяя «настройки» теории, мы изменяем пространство ее «оптических» возможностей <...> В конечном счете, исследователь может действовать лишь в границах «видимого», поскольку используемые им понятия являются «условиями видимости» изучаемых им объектов, всякое

исследовательское действие, т. е. действие эпистемическое, направленное на приращение знания об объекте, оказывается «оптически заданным»: невозможно изучать то, чего нет в словаре исследователя. Поэтому «теория» (выбранная осознанно или принятая имплицитно) есть в любом эпистемическом действии» [4. С. 21,22].

Наша теоретико-методологическая «оптика» базируется на коммуникативной теории исторического процесса, суть которой заключается в предельном допущении о природе исторической реальности и максимальном использовании в связи с этим возможностей дедуктивно-археологического подхода¹.

Результаты применения заявленного эпистемологического комплекса по проблематике интеллигенции нашли свое отражение в ряде монографий и статей² и кратко могут быть изложены в следующем виде.

С точки зрения автора интеллигенция как социально значимая группа зарождается при переходе в рамках западноевропейской цивилизации от религиозноцентристского к современному, инновационному/информационному обществу. Ее социальным конституирующим признаком является исполнение посреднических информационных функций в рамках цивилизации неопределенностного, плюралистического характера. Хаос инновационной коммуникации породил в обществе потребность в ежедневной социальной навигации. В свою очередь, объективная социальная и профессиональная диспозиция интеллигенции как «детей хаоса» порождала у них равнодушие к структурам порядка как генетически враждебной для себя реальности. «Навигаторы» скорее предпочтут поддерживать перспективный для себя неопределенностный статус мира.

Вместо «детей хаоса» можно использовать конкурирующую метафору, порожденную эпохой Барокко — «птенцы Минервы». «Птенцом Минервы» называли фигуру слона, выполненную Эрколе Феррата, и превращенную в скульптурную композицию Джан-Лоренцо Бернини. Слон в этой композиции олицетворял собой мощь разума, способного выдержать груз знаний, который, в свою очередь, воплощал древнеегипетский обелиск, поставленный на фигуру слона. В рамках барочного мироощущения груз знаний — это именно груз неопределенности, обрушившейся на человека эпохи мировоззренческого смятения. Хотя, как показало время, интеллектуалы — «птенцы Минервы» скорее переложили груз неопределенности на остальное общество, сделав для себя из этой ситуации эффективный источник социальных предпочтений.

Но самая главная проблема во взаимоотношениях интеллигенции

¹ Уваров П. Б. «Дедуктивная археология» как принцип исторического познания: сущность и когнитивные возможности реконструкции прошлого // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, МАГУ, 2010. № 3. С. 54–68; *Он же*. Информационное общество как неопределенностная коммуникативная система // Вопросы культурологии. 2010. № 8. С. 9–13; *Он же*. Исторические методы исследования интеллигенции: концептуальные основания и когнитивные возможности. Автореф. дис. д-ра ист. наук. Челябинск, 2010; *Он же*. Коммуникативный формат как матрица исторического процесса // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Челябинск, 2008. С. 44–63.

² Уваров П. Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М., 2005; *Он же*. Интеллигенция и революционные формирования (конец 20-х — конец 60-х годов XIX века). Челябинск, 1998; *Он же*. «Когда истина обнаружена, она налагает ограничения на мысли людей» (к вопросу корпоративных вопросов интеллигенции) // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, Горно-Алтайский гос.ун-т, 2010. № 4 (август). Ч. 2. С. 262–266; *Он же*. Коммуникативный формат и коммуникаторы: священство и интеллигенция // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Челябинск, 2009. С. 47–63; *Он же*. «Не иносказаниями говорим мы с вами, но обещаем привести вас к простому и понятному толкованию, объяснению и познанию всех тайн» (к вопросу об историко-культурных функциях интеллигенции) // Клио. Журнал для ученых. 2010. № 2. С. 73–80; *Он же*. Отечественная историография интеллигенции: проблемный подход // Интеллигенция восточных регионов России в первой половине XX века: Сборник научных трудов. Новосибирск, 2011. С. 7–37.

и общества вне зависимости от того, насколько она будет осознаваться обеими сторонами, заключается в том, что только интеллигенция из всех социальных групп не заинтересована в устойчивости, определенности существования. Инфо-посредники и их интересы неразрывно связаны с современным, инновационным типом цивилизации, при котором люди лишились столь необходимых для них параметров определенности, существовавших в традиционных цивилизациях, утраченных вместе с религиозным центризмом. Современный человек в том числе и в связи с деятельностью интеллигенции оказался в ситуации серьезнейшего экзистенциального дефицита: 1) отсутствие нерелятивных смысла и цели существования; 2) утрата императивных поведенческих оснований; 3) минимизация укореняющих социальных корреляций; 4) слом пространственно-временной адаптированности. Принципиальное разногласие по всем параметрам экзистенциального порождает и будет порождать впредь ментальное отчуждение интеллигенции в рамках любого социума. Хотя уже один из «отцов» новоевропейской интеллигенции Ф. Бэкон с недоумением и сожалением говорил о людях, «которые испытывают восторг от неопределенности» [3. С. 354]. Наиболее взвешенная оценка природы инфо-посредничества была дана представителями религиозноцентристских обществ. Ещё Бернар Клервоский в проповеди на Песнь Песней выделил пять стремлений к знанию, которыми руководствуется человек: «Есть те, которые хотят знать с намерением «лишь знать», и это есть позор любопытства. Другие же — чтоб их самих знали... Именно их высмеивал сатирик, говорящий: «Знание твое ни к чему, коль не знает другой, что ты знаешь — и это есть позор суетности. Некоторые хотят знать, чтобы продавать знания за деньги и почет, — и это есть позор стяжательства. Есть те, которые учатся, чтобы учиться, — и это любовь к знаниям, а есть... — чтобы быть обученными, — и это благоразумие» [20. С. 124–125]. В свою очередь Винсент из Бове следующим образом резюмировал эти слова одного из крупнейших деятелей католицизма: «Из этих пяти стремлений лишь два последних — добрые и полезные, три же первых суетные и порицаемые, и, даже более того, ужасные...» [20. С. 125]. Выбор между двумя этими векторами стремлений оказывается поистине экзистенциальным выбором интеллигенции. Хотя он представляет собой скорее дилемму, а не проблему — выбор предопределен самой природой социальных интересов, которые, в конечном счете, и генерировали феномен новоевропейской интеллигенции. Остается вспомнить высказывание еще одного крупного религиозного мыслителя и педагога Средневековья Гуго Сен-Викторского: «Недостойн мудрости тот, кто пытается получить через нее что-либо кроме ее самой, который ... ищет мудрости не затем, чтобы владеть ею, но чтоб выставить ее на продажу» [20. С. 125].

Еще А. Ф. Лосев в своей работе «Логика исчисления бесконечно-малых чисел как отражение социальной действительности» прямо указал на то, что у интеллигента и буржуа один и тот же алгоритм эксплуатации действительности. Как интеллигент, так и предприниматель являются посредниками («медидумами» по А. Ф. Лосеву), организующими взаимодействия человека/общества с реальностью и, как любой посредник, стремятся максимально замкнуть данный процесс на себе. Правда, интеллигент в отличие от буржуа-предпринимателя посредует субстанцию принципиально нового типа — информацию, знание [8. С. 732–746].

В условиях современного (ноевропейского) общества интеллигент — это тот, кто производит, хранит, тиражирует и реализует «определенность» требуемого формата. Действительно, деятельность интеллигенции в таких объективных институционализированных формах общественной коммуникации, как наука, СМИ, искусство и образование является «торговлей определенностью», но с заложенным механизмом одновременного «производства неопределенности». «Производство неопределенности» уже заложено в самой противоречивой

репрезентативной природе явления и понятия «информация». Весьма односторонне понятие «информация» связывается исключительно с «уменьшаемой неопределенностью», что игнорирует способность новой информации генерировать новую неопределенность, часто заставляя пересматривать структуру известного (определенного) вплоть до ее разрушения, без всякой гарантии окончательности вновь полученных результатов, в соответствии с законом «производства неопределенности», по которому производство репрезентаций вне абсолютной системы координат контррадиктивно. Тем самым, производство ситуативного знания обеспечивает расширяющееся воспроизводство информационной потребности в обществе, практически с регулярностью, напоминающей собой принцип вечного двигателя.

ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ И ИСКУССТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Российская интеллигенция принадлежала и принадлежит к многочисленной фракции неевропейских национальных интеллигенций, выработанных, как правило, достаточно искусственно в процессе вынужденной вестернизации традиционных обществ. При всей претензии на собственную оригинальность отечественная интеллигенция характеризовалась теми же историко-культурными и социо-психологическими особенностями, что и сформированные в процессе вестернизации интеллигенции Востока, Африки и Латинской Америки³.

Если усвоение «неодушевленных» элементов западного общества (машины, технологические процессы, научная информация) происходило относительно легко, то попытка «усвоить» носителей научно-технических достижений Запада в лице интеллигенции оказалась более сложным и неоднозначным процессом. В отличие от механических составляющих интеллигенция исторически полноценно может существовать только в определенном цивилизационном контексте, то есть для ее нормального существования требуется наличие целого ряда условий экономического, социального, правового, политического и культурного характера. Эти необходимые условия ее бытия невозможно перенести на почву традиционного общества с такой же легкостью, как материальные знаки европейского технического прогресса.

Переходный гибридный формат свежевестернизируемых обществ создает крайне дискомфортную среду для бытования интеллигенции в качестве инфо-посредника.

Переходное общество оказывается крайне несовершенным потребителем инфоресурсов, видя в информации не столько связь с социальными перспективами, сколько явление, осложняющее привычную повседневную социальную активность. В свою очередь, интеллигенция сталкивается с ситуацией не столько удовлетворения информационного спроса, сколько с необходимостью этот спрос формировать, вплоть до крайних мер по преобразованию действительности.

Не стоит лишний раз говорить о том, насколько переходному обществу чужды ключевые интересы интеллигенции как инфо-посредника, в первую очередь связанные с обеспечением его функциональной востребованности, автономности и мобильности. Даже правящая элита, иницилирующая и проводящая

³ См.: *Black C.E. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History.* N.Y., 1966; *Хорос В. Г. Мирский Г. И. Майданик К. Л. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах.* М.: Наука, 1996; *Левин З. И. Общественная мысль на Востоке. Колониальный период.* М.: Восточная литература, 1993. 245 с., *его же. Общественная мысль на Востоке. Постколониальный период.* М.: Восточная литература, 1999. 196 с.; *Непомнин О. Е. Меньшиков. В. Б. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох.* М.: Восточная литература, 1999; *Синицына И. Е. В мире обычая.* М.: Восточная литература, 1997. 143 с.; *Хорос В. Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах.* М.: Наука, 1980. 286 с.; *Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного.* М.: Наука, 1984. 581 с.

вестернизацию, заинтересована в интеллектуале как носителе полезного и прагматичного знания, а не новоевропейского сознания. Ситуация ментального отчуждения «искусственного» интеллигента вне зависимости от историко-культурной принадлежности удачно отражена в характеристике востоковеда З. И. Левина: «Мыслящая элита ощущает собственную маргинальность, которая порождается несоответствием между традиционным укладом жизни и образом мысли, чувством этнической идентичности, с одной стороны, и приверженностью западной культуре — с другой. В то же время она начинает осознавать зыбкость положения между своей и чужой культурой, невозможность полностью принять ту или иную» [7. С. 12].

Усложняет ситуацию и то, что сам «искусственный» интеллигент по архитектонике собственной личности является в значительной степени носителем своеобразного квази-традиционного сознания. Для него характерно почти религиозное по степени безусловности служение идее европеизации, т. е. приближение настолько это возможно к явленному новоевропейской цивилизацией идеалу. Формируются качества, свойственные сектантскому типу сознания: фанатизм, нескритичность, пренебрежение реальным опытом, ограниченность, обскурантизм, повышенная социальная решительность и т. д.

Именно «религиозный» тип «вестернизатора» является ключевой проблемой для российского общества на протяжении трех столетий, т. к. данный ментальный тип, вне зависимости от субъективных намерений, создает вокруг себя специфическую социальную коммуникацию, объективно разрушительную для традиционных основ жизни и малопродуктивную для задач вестернизации, т. к. он сам практически не контактирует с той «почвой», которую тщится преобразовывать.

В столь некомфортных условиях значительная часть интеллигенции с разной степенью осознанности начинает реально оформлять свою социальную диспозицию как компрадорскую, чему отчасти способствовала необходимость формально соответствовать процессам вынужденного, осуществляемого прежде всего государством, «озападнения».

Хронологические рамки существования данной исторической формы интеллигенции целиком зависят от длительности перехода того или иного общества от традиционного/религиоцентристского к информационному/внерелигиозному. Временный, переходный тип общества представляет собой своеобразную социальную химеру, в рамках которой сосуществуют противоречащие друг другу смысловые, логические и конструктивные коммуникативные составляющие. «Переходность» не обладает собственным автономным коммуникативным основанием, но способна, в силу ряда причин, заполнять значительное временное пространство.

КРУГ ПЕРВЫЙ: «БРЕМЯ ПРОСВЕЩЕННОГО ЧЕЛОВЕКА»

Мы уже упоминали о функциональном сходстве между интеллигенцией и буржуазией. Это сходство бросается в глаза и для обществ переходного типа, каковым являлась послепетровская Россия. При этом данная аналогия вполне корректно отражает сходство отношений с реальностью, характерных для информационных и товарно-денежных посредников в условиях вестернизации, особенно с точки зрения информационной теории денег⁴. И в том, и в другом случае посредник (медиатор) эксплуатирует ситуацию конвертации традиционного общества в систематику новоевропейской цивилизации. При этом посредник заинтересован не столько в адекватности перевода, сколько в консервации коммуникативных затруднений. Естественно, это вызвано тем, что его волнует в первую очередь оптимизация собственной диспозиции, а не повышение адаптивности и взаимопонимания

⁴ См., напр.: Юровицкий В. М. Денежное обращение в эпоху перемен. М., 2007.

традиционного и новоевропейского обществ. В этом смысле небезынтересно вспомнить слова выдающегося английского антрополога Э. Эванса-Притчарда: «Все мы знаем поговорку «толкователь-предатель» [17. С. 21]. Как правило, «толкователь» вводит в заблуждение обе стороны, оказывающиеся жертвами его медиативных притязаний. Для инфо-посредника гораздо перспективнее поддерживать дефектную коммуникацию между традиционной элитой и патриархальными массами, нежели способствовать установлению между ними нового «переходного» консенсуса. Вестернизаторам инфо-посредник экспонирует преувеличенно «отсталый», косный, «протестный» образ своего социума, в рамках которого он же одновременно формирует демонизированный образ государства. Кроме того, инфо-компрадор суживает формат своих посреднических услуг, изначально предполагающих организацию взаимодействия человека/общества с реальностью до масштабов взаимодействия всего лишь с одним из *сегментов* реальности, каковым являлась новоевропейская цивилизация. При этом ограниченному участку реальности присваивается качество абсолютного и эталонного, превращая его таким образом в культовый сакральный объект, находящийся вне критики и контроля со стороны действительности.

Таким образом, в рамках собственной проективной активности российская компрадорская интеллигенция использует в значительной степени фиктивный, идеализированный образ Запада как эталон и меру качественных и количественных преобразований в вестернизируемом обществе. Само собой разумеется, что презентация новоевропейской цивилизации в качестве нового Абсолюта лишила интеллигенцию титульной способности к непредвзятому экспертному «пониманию», превращая её в группу идеологов-утопистов. При этом деятельность интеллигенции вступала в объективное противоречие и с интересами реальной вестернизации, так как «наивное» восприятие Западной Европы по своей природе очень напоминало карго-культы, описанные антропологами в Океании: незнание предмета, поверхностное копирование, социальная магия вместо социальной прагматики, что в совокупности создавало пародийный эффект⁵ и неэффективный результат, о чём со свойственной ему язвительностью писал В. О. Ключевский: «Я удивляюсь, как здешние господа не понимают той простой вещи, что если можно посадить французскую шляпу на русскую голову, то из этого ещё не следует, что можно на русские плечи посадить французскую голову. Здесь не понимают, что можно и должно заимствовать и чего нельзя. <...> Зато и ждёт их печальная участь — приучившись понимать своё по-чужому, они разучиваются понимать своё и только привыкнут разуместь чужое по-своему, т. е. не [как] следует» [6. С. 329].

Некорректный характер коммуникации в обществах переходного типа неизбежно повышает неопределённость и придаёт ей дополнительный конфронтационный, конфликтный характер. Усугубляло ситуацию то, что в отличие от западной, естественно возникшей интеллигенции, привыкшей, в условиях постепенно формировавшего её спроса рассматривать остальное общество как ценного и необходимого партнёра, российская интеллигенция относилась к собственному обществу как к объекту патерналистских трансформаций и деформаций.

В связи с этим, весьма интересна следующая мысль А. М. Эткінда: «В России отношения интеллигенции и народа представляли собой специальный вариант колонизации и потом деколонизации. В отличие от классических империй с заморскими колониями колонизация России имела внутренний характер. Империя осваивала собственный народ. Внутренняя колонизация совпала с эпохой Просвещения, с расцветом и упадком идеалов полицейского

⁵ См.: Уваров П. Б. Российская вестернизация: коммуникативная пародия // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Челябинск, 2010. Кн. 1. С. 86–104.

государства. Интеллигенция и бюрократия понимали народ как объект культурного воздействия, радикальной ассимиляции, агрессивного преобразования по образцу доминирующей культуры. Мессионерство, этнография и экзотические путешествия, характерные феномены колониализма, в России имели преимущественно внутренний характер. Все это делалось не в отношении заморских дикарей, а в отношении своего народа» [18. С. 59]. Хотя, на наш взгляд, отношение к традиционной элите со стороны интеллигенции было ровно таким же, как и к «народу» и разнилось исключительно инструментально. Если для создания нормального спроса на информационные услуги в одном случае требовалось форсированное «просвещение» масс, то в другом — точечное повышение у части элиты чуткости к радикальной социально-политической тематике путём пропаганды и индивидуального террора. Иными словами, посредник принципиально процессуален и по характеру своей деятельности «обездушивает» любую субъектность, нуждающуюся в его услугах, превращая живую реальность в практично «расфасованный» ресурс. Думается, что речь шла изначально всего лишь о принуждении к форсированной вестернизации, а понятие «революции» использовалось лишь из-за бедности и неточности социального вокабуляра. Косвенным подтверждением данного предположения может являться факт эйфории широких кругов собственно интеллигенции, наступившей после успеха Февральской революции.

Кроме того, интеллигенция никогда особенно и не скрывала своего социального эгоцентризма. Например, М. А. Бакунин в своей работе «Федерализм, социализм и антитеологизм» прямо заявлял следующее: «Нам чрезвычайно важно освободить массы от религиозных суеверий, и не только из-за любви к ним, но также и из-за любви к самим себе, ради спасения нашей свободы и безопасности [курсив наш. — П. У.]. Но эта цель может быть достигнута лишь двумя средствами: рациональной наукой и пропагандой социализма» [1. С. 46]. Ещё более убедительное подтверждение этому мы находим в письме Н. П. Огарёва к А. И. Герцену от 20 февраля — 6 марта 1840 г.: «Первая идея, которая запала в нашу голову, когда мы были ребятами, это — социализм. Сперва мы наше «я» прилепили к нему, потом его прилепили к нашему «я», и главную цель сделали: что мы создадим социализм. Не отрекайся, это — правда. Чувствуешь ли ты, что в этом много уродливости, что тут эгоизм, хорошо замаскированный, но тот же эгоизм?» [10. С. 306]. Хотя, на наш взгляд, цитаты методологически являются скорее иллюстрациями, нежели доказательствами, в данном случае, в рамках заявленного теоретико-методологического основания и выстроенной в строгом соответствии с ним исследовательской логики, они приобретают уликовый характер.

КРУГ ВТОРОЙ: «БРЕМЯ ПРОСВЕЩЕННОГО НЕОФИТА»

Мы уже упоминали о том, практически религиозном отношении компрадорской интеллигенции к Европе, очень напоминающем тургеневское, которую он (Тургенев), по словам П. Д. Боборыкина, «читил как общую мать науки, свободы и человечности, откуда он взял почти всё духовное добро» [2. С. 386]. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что и один из вождей славянофильства А. С. Хомяков отзывался в своих стихах о Европе, Западе как о «стране святых чудес» [16. С. 103].

Именно «комплекс неофита» ответствен за формирование такой ключевой особенности российского интеллигента, которую условно можно обозначить как *экзоцентризм*. Под ним мы понимаем тип ментальности, в рамках которого представления о цели, смысле, ценностях существования базируются/центрируются за пределами актуальной действительности. При этом мировоззрение человека может формально оставаться вполне рациональным, что отличает его от мировоззрения религиозного. Интересно, что практикующий экзоцентризм внутри вестернизируемой этно-культурной среды неизбежно превращается

в эксцентрика («хождение в народ»), что ещё более затрудняет его взаимоотношения с социумом на бытовом уровне, вплоть до явно выраженного отчуждения⁶. Более того, эксцентрик — весьма несовершенный коммуникатор.

Экзоцентричная компрадорская интеллигенция начала выстраивать крайне нереалистичную коммуникацию между Россией и Европой/Западом, демонизируя первую и сакрализуя вторую, и в обоих случаях в весьма значительной степени демонстрируя незнание предмета. Позиция эксцентрика-компрадора оказалась сколь драматичной, столь и непродуктивной (мы даже не говорим о трагическом разрушении в России традиционного религиозноцентристского синкретизиса, так как это прямое непосредственное следствие самого процесса вестернизации).

С одной стороны, субъективно (и часто вполне искренне) он мог считать себя патриотом, но, в пределах своего социума объективно занимал крайне сомнительную позицию, так как в рамках выстроенной им утопической коммуникации в случае любого конфликта Европы и России принимал, как это и положено эксцентрику, сторону Европы как обретенного им Абсолюта, а не несовершенной грешной реальности (Россия). Стоит вспомнить строки возмущённого Ф. М. Достоевского из письма к А. Н. Майкову: «Я вон как-то зимою прочёл в «Голосе» серьезное признание в передовой статье, что «мы, дескать, радовались в Крымскую кампанию успехам оружия союзников и поражению наших». Нет, мой либерализм не доходил до этого; я был тогда еще в каторге и *не* радовался успеху союзников, а вместе с прочими товарищами моими, несчастенькими и солдатиками, ощутил себя русским, желал успеха оружию русскому и — хоть и оставался еще тогда все еще с сильной закваской шелудивого русского либерализма, проповедованного г<--->ками вроде букашки навозной Белинского и проч.; — но не считал себя нелогичным, ощущая себя русским. Правда, факт показал нам тоже, что болезнь, обуявшая цивилизованных русских, была гораздо сильнее, чем мы сами воображали...» [5. С. 145].

В сходной ситуации, Достоевскому вторит В. В. Розанов: «Прочёл в «Русск. вед.» просто захлебывающуюся от радости статью по поводу натолкнувшейся на камни возле Гельсингфорса миноноски... Да что там миноноски... Разве не ликовало все общество и печать, когда нас били при Цусиме, Шахэ, Мукдене? <...> Да, русская печать и общество, не стой у них поперек горла «правительство», разорвали бы на клоки Россию и роздали бы эти клоки соседям, даже бы и не за деньги, а просто за «рюмочку» похвалы. И вот отчего без нерешимости и колебания нужно прямо становиться на сторону «бездарного» правительства, которое *все-таки* одно только все охраняет и оберегает. Которое одно еще только не подло и не пропито в России» [13. С. 371]. Большой мыслитель и тонкий аналитик Л. А. Тихомиров прямо ставит диагноз своеобразному «патриотизму» отечественной компрадорской интеллигенции: «Анархист французский или немецкий ненавидит *вообще* современное общество, а не специально свое — немецкое или французское. Наш космополит, в сущности, даже не космополит, для его сердца не все страны одинаковы, а все приятнее, нежели отечество. Духовное отечество для него — Франция или Англия, вообще «Европа»; по отношению к ним он не космополит, а самый пристрастный патриот. В России же все так противно его идеалам, что и мысль о ней возбуждает в нем тоскливое чувство. Наш «передовой» образованный человек способен любить только «Россию будущего», где от русского не осталось и следа» [15. С. 77].

Надо сказать, что и сама компрадорская интеллигенция не скрывала своих мировоззренческих и цивилизационных приоритетов. При этом, даже не будем касаться явных экстремистов. Например, даже весьма умеренный

⁶ Совершенно блестящий и, на наш взгляд, лучший историко-философский текст на тему эксцентризма отечественной компрадорской интеллигенции представлен в четвертой главе романа В. В. Набокова «Дар».

М. М. Стасюлевич легко солидаризовывался с весьма радикальными «Отечественными записками»: «А мы-то церемонились! И все говорили обиняками! Прямо сказано: «Если мы считаем себя вправе защищать болгар от притеснений, притом преувеличенных, то и Западная Европа могла бы напасть на нас в защиту тех, которые угнетаются у нас» [19. С. 31].

С другой стороны, демонизируя Россию в глазах Европы/Запада, в том числе крайне идеологизированным экспертным продуктом, интеллигенция, сама того не понимая, формировала у новоевропейской цивилизации крайне примитивный по своему характеру спрос на её посреднические функции — спрос конфронтационный. В силу этого, данные функции, упрощаясь, трансформируются в услуги политического лоббиста, что делает её с таким узко-прикладным ресурсом неконкурентоспособной на западных научных и художественных рынках. Во многом об этом писал Н. Н. Страхову Ф. М. Достоевский: «<...>Если человек талантлив действительно, то он из выветрившегося слоя будет стараться воротиться к народу, если же действительного таланта нет, то не только останется в выветрившемся слое, но еще экспатри<и>руется, перейдет в католичество, и проч. и проч. Смрадная букашка Белинский (которого Вы до сих пор еще цените) именно был немощен и бессилён талантишком, а потому и проклял Россию, и принес ей сознательно столько вреда» [5. С. 208].

В рамках такого репертуара она неизбежно разделяет судьбу другого компрадора — классического буржуа-скупщика из Китая: «Такой «синтезированный» делец работал не на капитализм и феодализм в их чистом виде, а на смешанную, переходную, многоукладную полукOLONиальную экономику. Для него это и «золотая жила», и наилучшая «среда обитания», ибо она одновременно — и относительный застой, и относительное развитие. <...> Обстановка переходности и межформационности как ничто другое больше и лучше всего «работала» на скупщика. <...> Скупщик всегда уподоблялся игроку, делающему игру на двух столах, или две игры за одним столом. <...> В силу этого скупщик не был полноценным представителем прогресса. Служа трансформации Китая под воздействием Запада, <...> он представлял не столько буржуазную тенденцию развития Китая, сколько в известном смысле «стагнативный» рост вширь переходности и межформационности, был не столько двигателем быстрого капиталистического обновления страны, сколько одним из выразителей худшего, отсталого варианта эволюции промежуточного плана, <...> застойной и поэтому реакционной межформационной переходности» [9. С. 125, 126].

Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что в рамках переходного общества компрадорская интеллигенция играет столь же разрушительную даже с точки зрения новоевропейского прогресса роль, сколь и компрадорская буржуазия — именно тем, что заинтересована в сохранении режима «переходности», крайне мучительного для остальной части общества. Ментальная генетика, природа функциональности и корпоративных интересов формирует у тех, кто номинально по роду своих экспертных обязанностей отвечает за взаимопонимание и гармонизацию социальной взаимосвязи, крайний социальный аутизм, что входит в явное противоречие с семантическим наполнением термина «интеллигенция».

ВОЗВРАЩЕНИЕ К РОЗАНОВУ

Необходимо вернуться к страшным, находящимся за пределами рационального обсуждения, словам В. В. Розанова, с которых мы начали данную статью. Из социального аутизма компрадорской интеллигенции как *болезни непонимания контекста* сформировались нарциссизм, высокомерие, склонность к агрессивной риторике, что неизбежно провоцировало раздражение со стороны общества. Огромное количество тому примеров, в том числе из дня сегодняшнего, освобождает нас от неприятного цитирования, хотя бы в рамках научно-

го текста. А отождествление себя с «мозгом», «совестью» и «лучшими людьми» нации переходило в сектантское *самообожествление*. Даже Д. С. Лихачёв однажды, по ходу дискуссии, воскликнул: «Дело в том, что создаётся впечатление, что интеллигенция как будто бы абсолютное добро, а все остальное к добру не относится. Нет!» [14. С. 98]. При этом, очень важно понимать, что в научном смысле речь идёт даже не о морально-нравственном аспекте проблемы, а о профессиональной непригодности к общению на уровне межкультурной коммуникации. Кстати, ещё один гигант отечественной культуры в далёком 1836 г., размышляя о судьбе идей А. Н. Радищева, обронил своеобразный диагноз-предостережение будущим поколениям отечественной интеллигенции: «Они принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностью и благоволением; ибо нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви» [11. С. 257]. Ад розановских слов порождён тем, что пушкинские слова так и остались неслышанными.

Список литературы

1. Бакунин М. А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. — М.: Издательство «Правда», 1989.
2. Боборыкин П. Д. Воспоминания: в 2-х т. — М.: Худож. лит., 1965. — Т. 2.
3. Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Соч. в 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1978.
4. Вахштайн В. По ту сторону постсоветской социологии: парадоксы и тавтологии // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения. — М.: Университетская книга, 2009.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 29. Кн.1. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986.
6. Ключевский В. О. Письмо французенки // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. — М.: Наука, 1983.
7. Левин З. И. Общественная мысль на Востоке. Постколониальный период. — М.: Восточная литература, 1999. — с. 12.
8. Лосев А. Ф. Некоторые элементарные размышления к вопросу о логических основах исчисления бесконечно-малых // Лосев А. Ф. Хаос и структура. — М.: Мысль, 1997.
9. Непомнин О. Е., Меньшиков В. Б. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. — М.: Восточная литература, 1999.
10. Огарёв Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. — М.: Гослитиздат, 1956. Т. 2.
11. Пушкин А. С. Александр Радищев // Пушкин А. С. Мысли о литературе. — М.: Современник, 1988.
12. Розанов В. В. Мимолетное. 1915 год // Розанов В. В. Собрание сочинений. Мимолетное. — М.: Республика, 1994.
13. Розанов В. В. Опавшие листья // Сочинения. Т. 2. — М.: Правда, 1990.
14. Судьба российской интеллигенции: сб. — СПб.: СПбГУП, 1999.
15. Тихомиров Л. А. Начала и концы. Либералы и террористы // Тихомиров Л. А. Критики демократии. — М.: Москва, 1997.
16. Хомяков А. С. Мечта // Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. — Ленинград: Советский писатель, 1969.
17. Эванс-Притчард Э. Теории примитивной религии. — М.: ОГИ, 2004.
18. Эткин А. Хлыст (Секты, литература и революция). — М.: Новое литературное обозрение, 1998.
19. Цит. по: Алафаев А. А. Русское европейство: (Из истории либерально-конституционного движения на рубеже 1870–1880-х гг.). — М., 1998.
20. Цит. по: Винсент из Бове. О наставлении детей знатных граждан // Антология педагогической мысли христианского средневековья. В 2 т. Т. 2. Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом мире глазами ученых наставников и их современников. — М.: Аспект Пресс, 1994.

УДК 930.85

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ
4/2016

Анализ различий духовных культур Востока и Запада в труде «Маски Бога» Д. Кэмпбелла

The analysis of distinctions of spiritual cultures of the East and West in the work «God's Masks» of D. Campbell

© Гришин Михаил Владимирович
Gryshyn M.V.

ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания»
Россия, 125009, Москва, Козицкий пер., 5.
E-mail: grishin.mihail@yandex.ru
Статья поступила 27.01.2016 г.

В статье рассматриваются концепции американского мифолога Д. Кэмпбелла относительно различий духовных культур традиционного Востока и Запада, начиная с эпохи готики. Культуры Востока, как пишет Кэмпбелл, в основе которых лежат индуизм и буддизм, обращаются к выходу за пределы мирской обусловленности в поисках высшего «Я» человека, тождественного Абсолюту. В культурах Запада предполагается реализовывать предназначение индивида как уникальной личности с опорой на телесные, психические и интеллектуальные характеристики именно в мире, данном чувственному восприятию.

Ключевые слова: различие духовных культур Востока и Запада, личность, жизненное предназначение, самореализация, поиски Абсолюта.

In this article analyze conception by American mifologist D. Campbell about differences between spiritual cultures of traditional Orient and West, at the beginning gothic epoch. Oriental culture has in its basis induism and Buddhism try to attain going out from depending on the world in looking for the highest "Ego" of human being, identity of "Absolute". In the western culture suppose realization of individual's destine as the unique personality with stand by on the physical, mentality and intellectual descriptions in the world of sensual perception.

Key words: differences between spiritual cultures East and West, personality, individual's destiny, self-realization, looking for Absolute.

Американский специалист по сравнительным исследованиям в области мифологии Д. Кэмпбелл во второй половине XX в. был одним из самых признанных научных авторитетов в сфере интерпретации мифологических образов. В своих получивших широкую известность и признание в научных кругах работах «Герой с тысячей лиц» (1948) и, особенно, в четырехтомном исследовании «Маски Бога» (1959–1970) Д. Кэмпбелл на основе анализа колоссального историко-культурного материала образов и сюжетов мифологий Востока и Запада, от архаики до XX в., опираясь на аналитическую психологию К.Г. Юнга и, особенно, на его теорию «архетипов», рассматривает «маски Бога», т. е. те культурно обусловленные формы, которые являют собой образно-символическое «воплощение» через миф универсальных структур человеческой психики.

В данной статье предполагается рассмотреть только один, но в то же время чрезвычайно важный аспект фундаментального труда Д. Кэмпбелла — тезис

о «культурном» перевороте в западном сознании, начавшемся приблизительно с XII в., и определившем, по Кэмпбеллу, радикальный «разрыв» с Востоком, с теми духовными постулатами, на которые человечество опиралось в течение нескольких тысячелетий.

Новую эпоху в развитии мировых цивилизаций, предопределившую уникальность «западного культурного проекта» в сравнении с культурами Востока, можно охарактеризовать как формирование на Западе, начиная с эпохи готики и до XX в., принципиально иных, чем в «Азии», отношений и способов взаимодействия между человеком и Богом, человеком и предшествующей культурной традицией, предполагающих новое понимание жизненных задач и предназначения человеческой личности.

Рождение нового мировосприятия на Западе Д. Кэмпбелл, как уже было сказано выше, относит уже к готической эпохе, каковое мировосприятие находит свое образное выражение в рыцарском романе, в первую очередь к циклу о поисках священного Грааля. Так, по словам Д. Кэмпбелла, в романе «Парсифаль» Вольфрама фон Эшенбаха «благодатью должно стать наступление нового века человеческого духа — века светской духовности, который питали бы люди, исполненные ответственности за самих себя, действующие не с позиции неких общих законов, призванных выражать волю или особенности какого-то личного бога или безличной вечности, но каждый с позиции своего собственного развивающегося осознания блага. Идея эта явно и исключительно европейская... Уже давно исследуя мифологию народов мира, мы с вами не встречали ничего подобного» [1. С. 208].

Развивая свою мысль, Д. Кэмпбелл сравнивает западную идею реализации уникальной жизненной задачи неповторимой человеческой личности с выражением в священном тексте индуизма «Бхагаватгите» постулата о том, «что лучше несовершенно исполненная собственная Дхарма (Закон), чем чужая, исполненная в совершенстве». Согласно Кэмпбеллу, радикальное различие состоит в том, что «свадхарма» (собственный Закон) индуизма подразумевает вовсе не реализацию жизненного «призвания», отмеченного «печатью» неповторимости личности, как это понималось на Западе, а исполнение Дхармы (Закона), налагаемого на человека принадлежностью к определенной касте. При этом попытки вырваться за пределы закона, налагаемого на человека кастой, считались большим грехом, поскольку сама кастовая система была структурой, берущей свое начало не в человеческих установлениях, но в устройстве Вселенной, представляющей собой эманацию «вовне» божественной природы.

Подтверждение своего взгляда на радикальное различие в понимании «Я», индивида, личности (идеи которой, по Кэмпбеллу, на Востоке просто не могло возникнуть), на Западе и Востоке Кэмпбелл находит в анализе понятия «Я» в религиозно-философских текстах Востока и западной концепции индивидуальности, произведенном его учителем К.Г. Юнгом. «В восточных текстах, — пишет Юнг, — «Я» олицетворяет собой чисто духовную идею, тогда как в западной психологии «Я» обозначает совокупность, включающую в себя инстинкты, физиологические и полуфизиологические феномены» — иными словами, именно «одеяние», которое надевает и сбрасывает «монада в процессе перерождений» [1. С. 209].

Согласно индийским представлениям, как их трактует Кэмпбелл, «обитающая в нас сущность» — это монада в процессе перерождений, а цель хорошо прожитой жизни — не осознание уникальных возможностей временного воплощения, а, напротив, достижение такого бесстрастия по отношению к этому телу и его ограничениям, возможностям и превратностям, что, «полностью избавившись от понятий «я» и «мое», человек обретает покой». Он обретает избавление от судьбы, предназначенной этому телу, и от его привязанности к нашему миру — источника всех заблуждений, и тогда претерпевающая процесс перерождений монада исчезает, по выражению Рамакришны, «как соляная кукла, вошедшая

в океан» — океан космического «Я» (брахма-атман), которые есть ничто и в то же время все» [1. С. 209].

По Кэмпбеллу, «в нашем западном искусстве портрета, в творчестве Рембрандта, Тициана это ощущение метафизического измерения человека как ценности находит выражение, которому нет равных в мировой истории изобразительного искусства... Ибо здесь (в отличие от Востока) человек является не просто плодом заблуждения, который следует подвергнуть анализу и в конце концов отбросить, а реальным существом, которое необходимо познать и довести до полного расцвета» [1. С. 209–210].

Как пишет Кэмпбелл, «ибо внутри себя, в своем «опознавательном знаке» каждый (на Западе. — М.Г.) является непревзойденным образцом, чей жизненный путь и жизненное воплощение может раскрыть и осуществить только он сам, самостоятельно. Отсюда и чувство тяги и стремления к неведомому концу, столь характерное для западного образа и стиля жизни и столь чуждое восточному. То, что является неведомым и все же глубоко, безошибочно умышленным, есть собственная, личная телеология человека, а не его «прямой путь в рай» [1. С. 283–284].

Как абсолютно чуждое друг другу Кэмпбелл трактует и понимание жизненных задач человека на Востоке и Западе. Согласно трактовке Кэмпбеллом материалов индийской культуры, в классическом укладе индийской жизни стадии жизненного пути (*ашрамы*), коих насчитывалось четыре, разделялись на две группы: «первую половину надлежало прожить в деревне, а вторую в лесу, причем каждая из этих частей, в свою очередь, тоже делилась на две, и первая служила подготовкой ко второй. 1. Ученик, практикующий послушание, осваивающий ремесло и обязанности своей касты (*антевасин*). 2. Ответственный домохозяин, состоящий в браке и безоговорочно исполняющий все обязанности своей касты (*грахастха*). 3. В середине жизни — уход в лес, дабы серьезно предаться медитации (*вананрастха*). 4. Свершение цели жизни (мокша, «освобождение» от желания жить), за которым следовало скитание без цели, жизнь неприкаянного и бесстрастного бродяги-нищего (*бхикшу, санньясин*), до тех пор, пока тело, наконец, не «спадет» [1. С. 367].

На Западе же классический подход к реализации человеком себя и его жизненной задачи был абсолютно противоположен индийскому и в образной форме выражен в «Пире» Данте Алигьери. Данте, подобно индусам, также делит человеческую жизнь на четыре этапа: юность (послушание, безмятежность, чувствительность к стыду и телесная грация), зрелость (умеренность, смелость, любовь, учтивость и верность), цель этой стадии — свершение. Однако, как пишет Кэмпбелл, в понимании третьей стадии выявляется колоссальный культурный разрыв между Востоком и Западом: если для культуры Индии третья стадия жизненного пути — уход в «лес», начало постепенного разрыва с миром, ведущего далее к отречению на стадии «санньясина» от всех форм обусловленности, — социальных или природных, и сосредоточенность только на личном «освобождении» от уз «сансары», то на Западе ситуация прямо противоположная. Для культуры Запады третья стадия — не уход в лес, а полезность, отдача. Согласно Кэмпбеллу, «поистине картина, очень отличная от восточной, особенно отмеченная контрастом с идеалами третьего периода: в первом случае это уход от мира, во втором — служение миру, что во многом обусловлено разницей в экономическом и политическом устройстве, науке и искусстве Востока и Запады» [1. С. 369].

Следует заметить, что при анализе различий в представлениях восточной и западной культур о сущности индивидуального бытия и жизненной задаче человека, Д. Кэмпбеллу удалось выделить мировоззренческие особенности культур Востока и Запады, которые можно верифицировать на более широком историко-культурном материале, нежели только анализ мифологических текстов. Так, направленность «вовне» представителей европейской и североамериканской

культур подтверждается неудачными попытками художников, философов и писателей Запада путем практики монашеской аскезы и медитации, которые они практиковали в японских дзэн-буддийских монастырях и ашрамах индийских йогинов, обрести «Абсолют» религиозно-философских восточных текстов. Показателен опыт американского поэта-битника Гэри Снайдера, а также американского художника-абстракциониста Марка Тоби, отправившегося в 1934 г. в дзэнский монастырь и прожившего там некоторое время [2. С. 406], основателя гештальт-терапии, немецкого психиатра Фридриха Перлза, который, по словам его биографа С. Гингера, «в 70 лет отправляется в Японию и на несколько месяцев остается в монастыре дзэн... но так и не обретя сатори, Перлз в разочаровании возвращается в США» [3. С. 52]. И М. Тоби, и Г. Снайдер так и не пришли к реализации сатори, оставили монашескую (впрочем, не очень продолжительную) аскезу и реализовали себя в «миру». Об одном из главных пропагандистов и популяризаторов дзэн в США Алане Уоттсе эксперты также писали, что «Уоттс никогда не знал сатори» [4. С. 199].

Опыт западного интеллектуала в восточных практиках достижения «Абсолюта» прекрасного суммировал американский религиовед и писатель румынского происхождения М. Элиаде, подытоживая в мемуарной книге «Посулы равноденствия» свое пребывание в йогическом ашраме. «Я не имел права отречься от этого мира раньше, чем исполню свой долг перед ним, то есть раньше, чем истощу свои творческие силы. У меня было бы право окончательно удалиться в Гималаи в конце своей деятельности на ниве культуры, а не в ее начале. (Элиаде так и не предпринял этот шаг даже и в конце жизни. — М. Г.). Мнение, что в двадцать три года я могу пожертвовать историей и культурой ради «абсолюта», — вот еще один довод в пользу того, что я не понимал Индию. Моим призванием была культура, а не святость» [5. С. 172].

Значимой культурной параллелью к анализу Кэмпбеллом различного понимания жизненной задачи человека на Востоке и Западе и проистекающего из него отношения к миру является роман немецкого писателя Г. Гессе «Игра в бисер» (1943). Не вдаваясь в пересказ содержания романа (надеясь, что оно известно любому образованному человеку), остановимся лишь на сходстве интеллектуальных позиций Гессе и Кэмпбелла. Главный герой «Игры в бисер» Йозеф Кнехт, добившийся вершин в реализации практик Игры, основанных на колоссальной эрудиции адепта и его способности к синтетическому мышлению, в конце жизни по просьбе своего отчаявшегося друга детства осознанно оставляет «оазис духа» Касталию, где ему было гарантировано спокойное и обеспеченное существование, непререкаемый авторитет, возможность жить полностью «в духе», ради неопределенности и рисков мирской жизни воспитателя отбившегося от рук сорванца. Завершением судьбы «великого магистра Игры» был главный и решающий урок, преподанный Кнехтом своему трудному воспитаннику: Учитель, достигший преклонных лет, не слишком крепкого здоровья бросается по зову своего ученика в ледяную воду альпийского озера, полностью сознавая, что проявленная им слабость, забота о самосохранении навеки «отрежут» от него душу мальчика, и никакие глубокие, правильные и умные слова ее уже не затронут. Шаг в ледяную воду привел Кнехта к гибели, но в тоже время, очевидно, что этот один шаг стал таким уроком для его воспитанника, который он не забудет всю свою жизнь. Для Магистра Игры Кнехта итогом его продолжавшегося десятилетиями затворничества в «интеллектуальном монастыре» был выход в «мир». В то же время в сохранившихся бумагах Кнехта, в которых он «примеривал» на себя «прожитые» воображаемые жизни, в «Индийском жизнеописании» его герой Даса, подвергнутый влиянию магических чар лесного отшельника, проживает жизнь, в которой была страсть к несравненной красавице, получение титула раджи, потом предательство жены и своих приближенных, судьба зверя, затравленного охотниками. Итогом «индийского жизнеописания»

стало решение Дасы, прямо противоположное выбору Магистра Кнехта. Завершение «Индийской судьбы» таково: «Наверно, этот молодой человек (герой жизнеописания Даса. — М. Г.) однажды уже или даже несколько раз пробуждался и надыхался действительностью, а то бы он не пришел сюда и не оставался бы здесь так долго, но теперь он, кажется, пробудился по-настоящему и созрел, чтобы начать долгий путь (третья стадия жизненного пути в индийской культуре. — М. Г.). Только этим взглядом, в котором были и доброжелательное участие, и намек на возникавшие между ними отношения, отношения учителя и ученика, — только этим взглядом совершил йог обряд приема в ученики. Этот взгляд прогонял бесполезные мысли ученика и призывал его повиноваться и служить. Ничего больше о жизни Дасы нельзя рассказать, остальное происходило по ту сторону картин и историй. Он больше не покидал леса» [6. С. 466].

Различие между пониманием жизненной задачи человека на Востоке и Западе может быть кратко суммировано следующим образом: на Западе человек проживает свою «судьбу», которая определяется, несмотря на все внешние воздействия, уникальными особенностями именно этой человеческой личности, ее волей, психикой, интеллектом, физическим здоровьем, нравственным складом. Западный индивид хотя бы в идеале на своем жизненном пути должен реализовать именно свою неповторимую сущность, не сводимую к каким-либо факторам обусловленности, биологическим или социальным. На Востоке, несмотря на то, что Будда перед уходом в «*паринирвану*» заповедовал своим ученикам: «будьте сами себе светильниками, на себя одних полагайтесь» или на призывы чаньского учителя эпохи китайской династии Тан Линь-цзы исюаня «Встретишь Будду, убей Будду! Встретишь патриарха, убей патриарха!» и чаньского (дзэнского) постулата о «передаче Учения без опоры на письменные знаки», достоверность «трансперсонального» (термин синолога Е. Торчинова. — М. Г.) переживания ученика должны быть удостоверены мастером. Переживание «*сатори*» уникально, но в тоже время «включено» в «цепь» традиции. По словам индолога В. С. Семенцова, в традиционной культуре «священный текст, при всем безграничном к нему уважении, играл в обучении подчиненную, инструментальную роль; главной же целью было воспроизводство не текста, но личности учителя — новое духовное рождение от него ученика... Существо трансляции традиционной культуры состоит в том, что с помощью ряда специальных приемов духовная личность учителя возрождается в ученике. В тех случаях, когда эта передача личности имеет место, культура воспроизводится, в противном случае — нет» [7. С. 8].

По словам Д. Кэмбэлла, «эрудированный критик западной цивилизации, доктор Ананда Кент Кумарасвами, индиец, который больше сорока лет прожил в Англии, но так и не постиг ни принципа, ни смысла уникального величия этого западного направления духовности, создал по-настоящему красноречивую и умышленно уничижительную характеристику «фаустовской души», когда писал (подразумевая под местоимением «мы» не себя, мастера «вечной» мудрости Индии, а своих западных коллег из Бостонского музея и Гарвардского университета): «Мы, называющие искусство «значимым», не зная что оно значит, гордимся тем, что идем по пути прогресса, не ведая куда». И мы действительно такие, — комментирует Кумарасвами Д. Кэмпбелл, — и пусть такими и останемся» [1. С. 284].

В то же время, те события «ухода» из мира в западной культуре, осуществленные ее значимыми в духовном отношении личностями, вели к прекращению или, во всяком случае, отсутствию всяких внешних проявлений, творческой активности. Характерно, что подобный «уход» представителей культуры Запада из «мира» «внутри» себя был связан с включением данного индивида в духовные практики какого-либо восточного религиозно-философского учения. Для американского писателя Д. Сэлинджера стимулом для «отвержения»

мира стала система индуистской философии Веданты. Биографы Сэлинджера Д. Шилдс и Ш. Салерно так писали об этом увлечении выдающегося писателя: «С начала 50-х гг. и до смерти Сэлинджера в 2010 г. в жизни писателя была одна постоянная величина — индуизм Адвайта-Веданты, который превратил автора художественных произведений в пропагандиста мистицизма, уничтожившего его творчество и со временем заставившего Сэлинджера замолкнуть во имя выполнения заключительных стадий избранного им религиозного учения» [8. С. 433]. Чуть ниже биографы Сэлинджера выносят такой убийственный приговор его занятиям индуистской религиозной философией: «Его преданность Веданте была, несомненно, самой серьезной и самой длительной привязанностью его жизни. Его религиозное служение прямо зависело от его послевоенной травмы. Оно было душераздирающей попыткой выйти из травмы, но обернулось вторым самоубийством. В первый раз Сэлинджера убила война, во второй раз — Веданта» [8. С. 447]. Подобные «отречения» от творческой активности ради поисков не постижимого чувствами и интеллектом «Абсолюта» как минимум не поощрялись в рамках западной культуры, а чаще всего, как показывает оценка биографов Сэлинджера его увлечения Ведантой, вызывала суровую отповедь. Как писал исследователь буддизма Э. Конзе, «в нынешнее время общество склонно считать созерцательных людей паразитами. С буддийской же точки зрения наличие созерцателей — единственное оправдание существования человеческого общества» [9. С. 79].

Произведя верификацию произведенных Д. Кэмпбеллом различий между духовными культурами Запада и Востока, не следует считать эти различия абсолютными. Вплоть до эпохи готики (когда, по Кэмпбеллу, стало формироваться новое мироощущение) созерцательная жизнь в средневековой культуре Запада также ставилась на вершину, как и в культурах Востока. Здесь надо оговориться, что влиятельная мода на восточные религиозно-философские практики на Западе со стороны европейцев и американцев имеет целью либо решение внутренних психологических проблем, через обретение новых возможностей получения удовольствия именно в этом мире, либо для обретения силы, чтобы противостоять его «вызовам». С другой стороны, современные культуры Востока, как и Запад, проходят через период «посюстороннего» активизма.

По мнению американского культуролога ливанского происхождения Э.В. Саида, «внедрение» идеи контрарной противоположности духовных культур Запада и Востока дало возможность Европе и США выиграть в силе и идентичности именно за счет того, что Запад противопоставил себя Востоку как своего рода суррогатному и даже тайному «Я» [10. С. 10].

Список литературы

1. *Кэмпбелл Д.* Маски Бога. Созидательная мифология. Том I, книга вторая. — М., 1998.
2. *Wichmann S.* Japonism. The Japanese influence on Western art since 1858. — London, 1981.
3. *Гингер С., Гингер А.* Гештальт-терапия контакта. — М., 2015.
4. *Рошак Т.* Истоки контркультуры. — М., 2014.
5. *Элиаде М.* Посулы равенства. Жатва солнцеворота. — М., 2008.
6. *Гессе Г.* Игра в бисер // Собр. соч. в 8-ми томах. Т. 5. — М. — Харьков, 1994.
7. *Семенцов В. С.* Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагавадгиты // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. — М., 1988.
8. *Шилдс Д., Салерно Ш.* Сэлинджер. — М., 2015.
9. *Конзе Э.* Буддизм. Сущность и развитие. — СПб., 2003.
10. *Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. — СПб., 2006.

УДК 304.444

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ
4/2016

Искусство как сопротивление

Art as resistance

© Мельниченко Василий Александрович
Melnychenko V.A.

ФГБОУ ВПО «Омский государственный институт сервиса».

Россия, 644024, Омск, ул. Певцова, 13.

Email: basillium@gmail.com

Статья поступила 26.02.2015 г.

Роль искусства в культуре, в социальной и политической сферах — создавать ситуацию отзеркаливания онтологической реальности. Задача власти — создавать тотальную симуляцию реальности. В противоречии целей рождается фигура художника как контрабандиста, партизана, а искусство становится формой сопротивления.

Ключевые слова: искусство, миф, абсурд, капитализм, эксплуатация, власть, политика.

Art role in culture, in social and political spheres — to create a situation of an otzermalivaniye of ontologic reality. A task of the power — to create total simulation of reality. In a contradiction of the purposes the artist's figure as smuggler, guerrilla is born, and art becomes resistance form.

Key words: art, myth, absurdity, capitalism, operation, power, policy.

Документ — речь идет об «Основах государственной культурной политики», — ставший предметом в разной степени интенсивного обсуждения в академической среде, — не более чем знак в синтагматической цепочке явлений постимперской\постсоветской реальности в период декомпенсации старинных комплексов. 2014 г. с его главным событием для правящей группы в России — свержением режима Януковича в Украине и столкновением интересов России и Украины — породил невиданный прежде всплеск педагогических инициатив российских законодателей. Исходя из положения, выдвинутого Ж. Рансьером в его работе «Несогласие» и которое мне кажется верным, политика — это учет неучтенных, появление голоса у тех групп, которые ранее не были замечены в качестве сообществ.

Чей голос выводит соло в современном политическом поле России? Поет чиновничество, кажется, теперь осознавшее себя как класс, превратившееся из молчаливого врага государства и подданных в единственную реальную политическую силу, переставшую разделять свои интересы с интересами государства. То, что сдерживается в европейских демократиях сложностью институциональных отношений и общественной активностью, в России стало возможным благодаря исторической недоразвитости общественных институтов и общей мировоззренческой отсталости российской культуры. Мы присутствуем при рождении нового государства, с новым Князем, новой религией и новыми чудесами. Но этот дискурс останется за скобками этого исследования.

Утверждение всякой первобытной власти — это не более чем акт физического насилия, способности одного лишать жизни другого. Биополитика зарождается там, где психопатические личности, утвердив свой авторитет в качестве прямой угрозы жизни, через страх — сохранение жизни в такой системе уже является наградой — приобретают друзей, готовых реализовывать волю Князя в обмен на определенные блага. Эта модель экономических и политических отношений требует легитимации. И здесь на арене появляется еще одно лицо власти — Маг. От него зависит то, насколько эксплуатируемые будут лояльны к несправедливости,

а в идеале примут эту несправедливость как единственно возможный правильный порядок, в силу обожествления Князя, наделения его атрибутами потустороннего порядка. Две фигуры — Князь и Маг рождают чудо, некую надежду на чудеса, ради которых подданные готовы терпеть лишения с особой лояльностью. Это своего рода испускание «духа святого» первыми лицами «святой триады».

Чудо — то, что должно произойти с народом, то, что с ним происходило когда-то, то, что каждый имеет шанс избежать наказания и получить отпущение грехов при наличии определенных заслуг, это пророчества, особые аффекты, производимые теми или иными вполне рукотворными явлениями. И здесь ансамбль завершается фигурой художника. Художнику предстоит формировать миф, сакрализировать прошлое, обожествлять будущее. В определенный момент фигура Мага расщепляется надвое — на фигуры Священника и Художника. И если Священник и «князь» находятся в жесткой диспозиции друг к другу, то Художник не имеет своей территории, подвижен, несмотря на длительное формальное подчинение то Священнику, то Князю. «Художник» здесь и далее употребляется в качестве общего понятия, определяющего человека, занятого эстетическими практиками.

То, что художник детерриторизирован, понятно уже в силу его нечеткого социального статуса. Но особенно впечатляющим является то, как он контрабандой проводит в мир мыслимого все новые и новые референты. Экономика художественного состоит в постоянном нелегальном проведении через границы «дозволенного» новых знаков. «Дозволенное» — это шизоидная картина власти, транслируемая на подданных. Кто или Что находится по ту сторону границы, куда художник, повторюсь, в силу своей детерриторизованности, имеет доступ? Потустороннее — все, что не атрибутировано, не апроприировано властью, все, что ускользает от ее взгляда, то, что в христианских культурах приобрело имя хаоса, хаоса как разрушения, хаоса как смерти. Собственно, на предотвращение возможности проникновения хаоса в российское политическое и культурное пространство и направлены «Основы государственной культурной политики».

Итак, Князь и Священник, призвав Художника, выработали некий долгосрочный план по формированию картины реальности у подданных. «Основы» должны, по замыслу авторов, стать преградой на пути хаоса, на пути возможных угроз новому правящему классу. Акт вполне в духе мистических посланий Проханова, но и профанен этот акт так же, как профанен главный «соловей империи». Абсурд здесь заключается в том, что за «художников» близорукий Князь принял деятелей культуры, которые сами — не более чем часть чиновничества, тем самым возложив задачу по формированию устойчивого мифа на тех, кто занят процессуальной деятельностью, производством культурного продукта и его монетизации. Между искусством и культурным продуктом есть некоторая разница. Она заключена в том, что культурный продукт функционирует в границах разрешенной знаковой системы, искусство прямо связано с контрабандой, с активным поиском и включением нового в оборот чувственного мыслимого. Именно это свойство искусства позволило ему стать проводником будущего в настоящее через создание новых плоскостей отражения настоящего, благодаря которому происходит узнавание культурой себя и формируется новый запрос на новый образ.

В эпоху развития капитализма художник лишился ориентиров в виде Князя и Священника, оказавшись вполне соответствующей эпохе экономической единицей, индивидуально производящей продукт для неизвестного потребителя. То, что отличало художника от пролетария — аура избранности, спасения по благодати в противовес ауре спасения через приобретение, которой обладала буржуазия. В силу все большего распыления власти на государственные институции капитал, парламентаризм, номинально «демос», в силу все большей секуляризации западного общества, художник, со своим индивидуализмом и «неотмирностью» на какое-то время становится в позу пророка, примеряет

одежды Священника, и осознает себя Магом. Отказ от искусства в пользу тотального эстетического переустройства мира, союз с новыми социалистическими республиками — Советской и Веймарской — словно возвращает нас к архаическому спектаклю «Зарождение государства». Но у Князя с Магом уже были разные цели.

Распыление власти, скорость изменения отношений между различными участниками экономической и политической деятельности выдвинули на пост Мага и Художника масс-медиа, средство, которое вполне соответствует текущей модерности, способное решать тактические задачи, включать и выключать различные группы населения, но неспособное сформировать миф, решающий мировоззренческие запросы. В силу тотальной бессмысленности мифологизации элементов рынка и политики, масс-медиа стали инструментом фрустрирования общества. Смысл и исцеление в таких условиях мог предложить Художник. 60-е гг. XX в. — время осознания себя Художником в качестве фигуры трансполитической власти.

Институциональная критика, участие в политических манифестациях, появление политического искусства и, наконец, арт-активизма как формы осмысленного сопротивления капитализму, государству, с их отчуждением человека от собственного бытия и созданием конкуренции между людьми. Это все последовательные ступени восхождения Художника на трон Князя при условии, что теперь на этот трон приглашается всякий.

«Всякий человек — художник!» — лозунг, сформулированный Йозефом Бойзом, превратился в программу нового искусства, искусства, которое видит своим медиумом все сферы человеческой жизни, все плоскости социальной архитектуры. При том, что с искусства сорваны покровы сакрального, Художник превратился в Бога. В своем желании влиять на социальное, в своем стремлении скрыться — стать анонимным — за художественными явлениями, он атрибутировал себя теологическими категориями, став скрытой силой, создающей ситуации, пройдя через которые, никто не останется прежним. Художник стал предметом интерпретации, который можно описывать бесконечно, подобно ПсевдоАреопажиту, подбирающему эпитеты для сверхестественного существа.

Опыт Художника в условиях государственного капитализма и тоталитаризма СССР показателен не менее, чем западный опыт. Художник аккумулировал в своих произведениях элементы реальности, выходящие за пределы «разрешенного», создавая ситуацию зеркала, узнавания, критики, формирования нового аттрактива. СССР закончился вместе с распространением различных форм технических средств хранения информации. Особо «опасной» была информация художественного порядка.

Каковы же шансы «Основ государственной культурной политики» стать успешной стратегией? Шансы тем больше, чем ниже будет технологический уровень развития общества, чем больше откровенно демонстрируемого насилия в отношении «другого» будет проявлять власть. При сохранении технологических благ шансы стремятся к нулевой отметке. Впрочем, первый сценарий тоже не оставляет шансов для длительного существования в современных условиях. Здесь представители нового правящего класса России ведут себя как двоечники, которые что-то о чем-то слышали, но не способны к продумыванию. Да и информация, которая создает иногда в шум в этом коллективном мозгу, относится к механистической эпохе, сформированной классической физикой, где не учитывается вектор времени: вот они запретят одно и разрешат другое, и армия наново переформатированных рабов в строю.

Основа управления с целью эксплуатации всегда одна — это идентификация, мягкое принуждение к осознанию себя индивидуумом в качестве человека определенного цеха, клуба, класса, нации, конфессии. Особенность современной художественной стратегии состоит в том, что кроме как единицей в ситуации множества единичностей реципиент себя ощущать в художественном событии

не может. Разрушение идентификаций, вымывание устоявшихся смыслов — основа нового искусства. Пространство художественного — во многом пространство, в котором вырабатываются новые знания, вырабатывается новая система социальных отношений, то, что должно привести общество в завтрашний день. Но общество, достойное будущего, — это общество с максимально расплывенной властью, где биополитика — это пространство общего — распределения труда по индивидуальным предпочтениям, увеличение продолжительности жизни, сопротивления старению. Возвращение к архаическим формам отношений — путинская Россия, ИГИЛ — не более чем страшный, но нелепый симулякр традиционного, выполняющий роль контраста, относительно которого будет выбираться цвет и тональность нового дня. И «Основы государственной культурной политики» — не более чем попытка Князя, присвоить себе качества Мага. Но заклинания из уст профана остаются пустыми словами. Новизна — единственное основание для человеческого развития не является атрибутом государства.

Список литературы

1. Ален Бадью. Можно ли помыслить политику? Краткий курс метаполитики. Пер. с фр. Б. Скуратова, К. Голубович. — М.: Логос, 2005.
2. Жак Рансьер. Несогласие Политика и Философия. — СПб.: Machina, 2013.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Институт экспериментальной социологии. — СПб.: Алетейя, 1998.
4. Йозеф Бойз. Я исследую характер поля // «Невозможное сообщество» / Антология. — М.: MAIER, 2013.
5. Мивон Квон. Паблик-арт как публичность // «Невозможное сообщество» / Антология. — М.: MAIER, 2013.
6. Кристиан Краванья. Работа в сообществе // «Невозможное сообщество» / Антология. — М.: MAIER, 2013.
7. Ги Дебор. К ситуационистскому интернационалу // «Невозможное сообщество» / Антология. — М.: MAIER, 2013.
8. Джорджо Агамбен. Грядущее сообщество // «Невозможное сообщество» / Антология. — М.: MAIER, 2013.
9. Жан-Люк Нанси. Бытие единичное множественное. *Conditio humana*. — М., 2004.

Финансирование научных фондов за 4 года выросло в 3 раза

Финансирование научных фондов за четыре года выросло в три раза, сообщила на пресс-конференции заместитель министра образования и науки РФ Людмила Огородова.

«Изменения в фондах связаны с увеличением государственного финансирования. За четыре года финансирование фондов выросло в три раза — это 29 миллиардов рублей», — сказала Людмила Огородова.

Премьер-министр РФ Дмитрий Медведев 1 марта подписал распоряжение о реорганизации Российского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда. Документ внесен Министерством образования и науки РФ.

Подписанным распоряжением утверждается решение о реорганизации фондов в форме присоединения Российского гуманитарного научного фонда к Российскому фонду фундаментальных исследований.

РГНФ был создан на базе РФФИ постановлением Правительства в сентябре 1994 г. для поддержки гуманитарных научных исследований.

Реорганизованный РФФИ будет оказывать финансовую и организационную поддержку фундаментальных научных исследований, уточняется в сообщении, также и в области гуманитарных научных дисциплин. Сфера его ведения расширится за счет исследований, которые ранее поддерживались РГНФ.

Источник: http://www.ceninauku.ru/news/page_33758.htm

УДК 009

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ
4/2016

«Memory studies» в развитии социогуманитарного знания

Часть 2. «Memory boom»: современное состояние и перспективы*

“Memory studies” in the development of socio-humanitarian knowledge.

Part 2. The “Memory boom”: current status and prospects

© Пушкарёва Татьяна
Витальевна
Pushkareva T.V.

ФГБОУ ВПО «Российский государствен-
ный социальный университет».
Россия, 129226, Москва,
ул. В. Пика, 4, стр. 1
E-mail: ap-bib@yandex.ru

© Шемякина Елена
Михайловна
Shemyakina E.M.

ФГБОУ ВПО «Московский педаго-
гический государственный
университет».
Россия, 119882, Москва,
ул. Малая Пироговская, 1.
E-mail: simbaplus@mail.ru

Статья поступила 08.04.2015 г.

Авторы показывают причины возрастания интереса социогуманитарных наук к проблематике исторической, культурной, коллективной памяти с 80-х гг. XX в. по настоящее время. Формирование национальных исследовательских школ memory studies (французской и немецкой) рассматривается как основное достижение этого периода. Делается вывод о том, что ориентация ведущих исследовательских школ memory studies на решение актуальных общественных задач и междисциплинарный характер новых подходов пока затрудняет создание единой мемориальной парадигмы.

Ключевые слова: Memory studies, национальные исследовательские школы memory studies, память культуры, память, забвение, места памяти, идеология, историческая память, культурная память, культура исторической памяти.

The authors disclose the reasons for the growing interest in social sciences and humanities to the problem of historical, cultural, collective memory from 80 s of XX century to the present. Formation of national research schools memory studies (French and German) is regarded as the main achievement of this period. The conclusion is that the orientation of the leading research schools memory studies to address pressing social problems and the interdisciplinary nature of the new approaches yet difficult to create a memorial paradigm.

Key words: “memory studies”, national research school of memory studies, cultural memory, memory, forgetting, memory site, ideology, historical memory, cultural memory, culture of historical memory.

Внимание к проблемам исторической памяти, которое обнаружили историки «третьего поколения» школы Анналов, приобрело поистине глобальный размах в 80-х гг. XX в., когда memory studies стали не просто интеллектуальной модой, но и фактом общественной и политической жизни Европы, Америки и России.

* Окончание. Начало см.: Вопросы культурологии. 2016. №3.

Социальной предпосылкой активизации «memory studies» можно считать события 80–90-х гг. прошлого века, когда на территории постсоветской Европы и России образовалось порядка десятка новых государств, которым пришлось заново формировать государственную идеологию и в связи с этим «переписывать историю», а также решать проблему культурной, политической идентификации больших национальных групп. Это резко актуализировало национальное измерение исторической памяти и привело к целому ряду «войн памяти».

Одновременно с этим шли процессы осмысления и переосмысления уроков Второй мировой войны в странах Западной Европы, становления международных институтов по правам человека. Логика экономической и политической интеграции Европейского союза требовала и продолжает требовать культурного и идейного оформления новой Европы, что нашло отражение в попытках конструирования наднационального варианта исторической памяти.

Гносеологическая предпосылка связана с определенным теоретическим поворотом в изучении наций и национализма, произошедшим в 80-х гг. XX в. Поворот этот отчасти был обусловлен выходом ныне ставшей классической работы Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества» (1983). Констатируя беспомощность современных ему теорий в объяснении феномена нации и национализма (выглядеющих, по его мнению, в современном мире как «патология» или «аномалия» общественного развития), американский исследователь задается вопросом: «Что же делает нацию ценностью, за которую можно умереть?» Отвечая на этот вопрос, он делает вывод о том, что принадлежность к нации выступает как своего рода религия современного общества, сулящая человеку бессмертие в вечном существовании нации, к которой он себя причисляет в своем воображении. Андерсон говорит о ценностной, культурной, укорененности «воображаемых сообществ», на конкретном историческом материале раскрывает механизмы создания («воображения») наций — на примере развития переписи, карты и музея в Юго-Восточной Азии, разрабатывает понятие «национальное сознание» [1]. Можно сказать, что у Андерсона нация трактуется как универсальная полезная иллюзия, без которой бытие человека в секуляризованном мире оказывается невозможным.

Как замечает А. Мегилл, наиболее характерной особенностью современной жизни является недостаток стабильности на уровне идентичности, что приводит к проекту конструирования памяти с целью конструирования самой идентичности [5]. И здесь идеи Андерсона о «воображаемых сообществах» оказываются более актуальными, чем идеи Хальбвакса, который считал, что социальные идентичности возникают еще до коллективных воспоминаний, которые они конструируют. Коллективные воспоминания только придают новую форму идентичности, которая их выстроила, но идентичность всегда предшествует памяти.

ПЬЕР НОРА И КОНЦЕПТ «МЕСТА ПАМЯТИ» КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Всплеск внимания к проблематике исторической памяти тесно связан с деятельностью и творчеством Пьера Нора (1931 г. р.), сейчас возглавляющим «Новую историческую школу» (таково современное название школы Анналов). В 1984 г. в связи с празднованием юбилея Великой Французской революции по инициативе и под общей редакцией Пьера Нора началось издание семитомника «Места памяти» [6], где были каталогизированы памятники, идеи, символы, тексты, праздники, с которыми связывается идентичность французской нации. Понятие «места памяти», сегодня давшее название целой исторической школе, было заимствовано Пьером Нора у Фрэнсис Йейтс, которая в своем классическом труде «Искусство памяти» (1966) вводит это понятие для описания приема

мнемотехники ораторов и докладчиков в Средние века: связывать каждый тезис своего выступления с определенным предметом (мебель, светильник и т. п.) или областью пространства (атриум, окно и т.п.) в аудитории.

История, считают авторы труда (а в составлении «Мест памяти», изданной в издательстве «Галлимар» под ред. П. Нора, приняли участие 45 известных французских историков), существует не в форме целостностей, а в форме отдельных мест, поскольку историческая память не сохранила нам общей непрерывной картины истории, и отдельные её места — всё, чем мы располагаем: национальный архив, памятники людям или событиям, и самые абстрактные создания человека — язык, поколение, регион, и даже отдельные люди — символы, носители, воплощения исторической памяти. Пьер Нора различает «историю-память» и «историю-критику», как он называет историю «изучающую» в отличие от истории «хранящей», — это разные вещи, и «изучающая» разрушает «хранящую». Но и «хранящая» история все равно оказывает влияние на «изучающую», ставит ее результаты под сомнение. Вслед за французскими учеными с аналогичными проектами выступили голландцы, итальянцы и немцы, в 2008 г. вышли в свет также и русские «места памяти» на французском языке (автор — известный швейцарский славист Жорж Нива).

Концептуализация французского понятия «места памяти» в отечественной гуманитаристике, как и активно используемое понятие «историческая память», вызывает неоднозначную реакцию научного сообщества. В частности, И. М. Савельева замечает, что в конце XX в. понятие «историческая память» фактически подменяет собой понятие «историческое сознание», до сих пор используемое для обсуждения ментальности современного человека [8. С. 406].

Интересно, что в то время, как во французской гуманитарной мысли зарождаются идеи мемориальной проблематики, связанные с символической политикой государства, с актуальными общественными проблемами, в отечественной философской и социальной мысли социальная память рассматривается как метафорический синоним понятия «культура».

Так, отечественный ученый Я. К. Ребане вводит понятие «социальная память» в отечественную социальную науку и определяет ее как «накопленную в ходе социально-исторического развития информацию, зафиксированную в результатах практической и познавательной деятельности человека, передаваемую с помощью социокультурных средств, которая и является основой индивидуального и общественного познания на каждом конкретном этапе исторического развития» [7. С. 3]. Ребане отмечает, что социальная память не субстанция, ее нельзя интерпретировать в качестве попперовского «третьего мира». Он выделяет три большие группы носителей памяти: 1) орудия производства и овеществленные результаты труда, часто обобщаемые в понятии «материальная культура»; 2) объективные социальные отношения; 3) язык в широком смысле, то есть «естественные» языки, их различные технические видоизменения, а также внеязыковые семиотические средства. Ю. М. Лотман развивает семиотическую теорию памяти, рассматривая знак и символ (в отличие от Ребане) в качестве основного структурного элемента. Он рассматривает парадигму памяти-забвения как культурную универсалию: «Культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, то есть надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, то есть пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы» [4. С. 200].

В другой из тех немногих отечественных работ, которые посвящены этой проблеме, дается еще одно определение: «Социальная память — это осуществляемый обществом с помощью специальных институтов, устройств, средств процесс фиксации в общезначимой форме, систематизации, хранении (вне

индивидуальных человеческих голов) теоретически обобщенного коллективного опыта человечества, добытого им в процессе развития науки, философии, искусства знаний и образных представлений о мире. Хранящиеся в книгах и других средствах памяти сведения тем или иным путем выдаются для «переписывания» в память индивида» [3. С. 65]. Если в западном «memory boom» используется метафора индивидуальной памяти для объяснения символической стороны жизни коллективов, то в российской советской мысли популярна метафора социальной памяти как своеобразного мегакомпьютера или библиотеки.

**ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ЯНА И АЛЕЙДЫ АССМАН: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ
В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ. КОНЦЕПТЫ «КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ» И «КУЛЬТУРА
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»**

Эстафету в исследованиях исторической памяти, инициированных французскими гуманитариями, переняли Ян и Алейда Ассман — профессора в университете немецкого города Констанц, которые разрабатывают данную проблематику на материале древних культур и современного общества Германии. Так, с работами Алейды Ассман связана наиболее развернутая попытка теоретически обосновать применение понятия «коллективная память» в исторических, философских и социологических исследованиях [2].

Для европейских memory studies в последнее время большое значение приобретает неологизм «культура исторической памяти». В работах Ассман «культура исторической памяти» означает новую политическую культуру Европы, формирование которой обусловлено требованиями глобализации (и, в частности, формированием ЕС). Отличительные особенности этой новой политической культуры, по мнению автора, — выраженное этическое измерение (основанное на идеях прав человека) и инклюзивный характер исторической памяти, ориентированной прежде всего на создание согласованной наднациональной версии трагедии Второй мировой войны.

Таким образом, теория исторической памяти А. Ассманн тесно связана с политикой памяти, с идеологией современных демократических обществ. Не будет большим преувеличением сказать, что memory studies в интерпретации А. Ассман выступает своего рода ответом на определенный социальный заказ, что в очередной раз побуждает гуманитариев к рефлексии актуальной проблемы социальной обусловленности научного знания.

Уже этот небольшой обзор основных этапов становления «memory studies» и системообразующих понятий этого направления гуманитаристики показывает сложность и многообразие поднимаемых здесь проблем, неоднозначность и проблемный характер вводимых понятий.

Проблематика исследований социальной, исторической, культурной памяти тесно связана с проблемой соотношения индивидуального и общественного сознания, проблемой соотношения обыденного, научного и идеологического общественного сознания, первичной и вторичной детерминацией социума. Она охватывает такие проблемы философии истории и современной практики, как соотношение истории и памяти, политическое использование знаний о прошлом; репрезентация прошлого в музеях, памятниках, коммеморациях; репрезентация ближайшего прошлого в масс-медиа, новые национальные субъекты и идентичности; коллективная память и ретроспективная интерпретация социального прошлого; апелляция к прошлому и способы ее выражения в искусстве и литературе.

Познавательные усилия философов, психологов, социологов, историков конца XIX — начала XXI веков привели к тому, что понятие социальной (а вслед за этим исторической, культурной) памяти утвердилось в арсенале общественных наук, хотя до сих пор нельзя сказать, что оно хорошо разработано. Междисциплинарность этого направления современной гуманитаристики, с одной стороны, открывает новые эвристические возможности, с другой

стороны, затрудняет создание единой теории. Путь научного знания от конфликтующих теорий к парадигме отнюдь не линеен и всегда не прост, что, конечно, не должно становиться причиной для познавательного пессимизма.

Список литературы

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. — 288 с.
2. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.
3. *Колеватов В. А.* Социальная память и познание. — М.: Мысль, 1984. — С. 193.
4. *Лотман Ю. М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3-х т. Т. 1. Таллинн: «Александра», 1992. — С. 200–202.
5. *Мезилл А.* Историческая эпистемология. — М.: «КАНОН+» РООИ «Реабилитация», 2007. — с. 480.
6. *Нора П., Озуф М. и др.* Франция — Память. — СПб.: Изд-во СПб. университета, 1999. — С. 333.
7. Принцип социальной памяти. Социальная детерминация познания: труды по философии (Ученые записки Тартуского гос. ун-та, выпуск 695). — Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1984.
8. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2-х т. Т. 1. Конструирование прошлого. — СПб.: Наука, 2003. — С. 632.

АВТОРЫ НОМЕРА

Александрова Н. М. — доктор педагогических наук, профессор, директор Научно-исследовательского инновационного центра традиционного прикладного искусства Высшей школы народных искусств (института).

Архангельская И. В. — преподаватель кафедры «Архитектура» Строительно-архитектурно-дорожного института Саратовского государственного технического университета имени Ю. А. Гагарина.

Гришин М. В. — кандидат культурологии, старший научный сотрудник сектора социологии искусства Государственного института искусствознания.

Житенёв С. Ю. — кандидат культурологии, заместитель директора по научной работе Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Забродина Г. Д. — кандидат культурологии, доцент кафедры «Дизайн архитектурной среды» Строительно-архитектурно-дорожного института Саратовского государственного технического университета имени Ю. А. Гагарина.

Карлова А. И. — аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета.

Кошетарова Л. Н. — кандидат философских наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, культурологии и социологии Тюменского государственного института культуры.

Круглова Л. К. — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии Государственного

университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова.

Максимович В. Ф. — доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, ректор Высшей школы народных искусств (института).

Мельниченко В. А. — художник, режиссёр, журналист, педагог, руководитель программы магистратуры "Медиа-арт и информационные процессы" Омского государственного института сервиса и Музея современного искусства и дизайна.

Муравьёв В. В. — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Панищев А. Л. — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета, профессор РАЕ.

Пушкарёва Т. В. — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии культуры Российского государственного социального университета.

Уваров П. Б. — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и права Челябинского государственного педагогического университета.

Шемякина Е. М. — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета.

УДК 372.82

Религиоведение в системе культурологического образования

Religion as a subject of education in cultural studies

© **Муравьев Виктор Викторович**
Muravyev V.V.

ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина».
Россия, 167001, Республика Коми, Сыктывкар, Октябрьский просп., 55.
E-mail: chylib@outlook.com
Статья поступила 05.02.2016 г.

Религиоведческая подготовка специалистов в области культурологии направлена на раскрытие, постижение смысла, законов, направлений, движущих сил, основных этапов религиозной истории человечества и методов ее изучения, настоящего состояния религиозной сферы культуры и ее будущего.

Ключевые слова: культурологическое образование, религиозная история, религия и наука.

The education in cultural studies includes religion as an important subject to investigate and understand. It focuses on causes, laws, major steps of religious history and its cultural outcomes. It also grapples with the problem of future of religious sphere. Turning attention to investigation methods we have to resolve a controversy of neutral and evaluative intents.

Key words: education in cultural studies, religious history, religion and science.

Одним из компонентов культурологического образования является религиоведческая составляющая. В основные образовательные программы включаются история, социология и психология религии, такие курсы как «Библия и Коран — памятники культуры», «Библейские сюжеты в произведениях искусства», феноменология религии, другие религиоведческие дисциплины. Возможности пополнения полученных в учебном заведении сведений, углубления знаний предоставляют религиоведческие публикации в журнале «Вопросы культурологии». В результате обучения выпускники специальности «культурология» готовы к проведению вузовских религиоведческих курсов, прежде всего истории религии, а также школьных курсов «Основы религиозных культур и светской этики», «Основы мировых религиозных культур». Значимость религиоведческих знаний возрастает в связи с возможным переходом к изучению указанных дисциплин учащимися 1–11 классов российских школ. Такой переход может расширить сферу трудоустройства выпускников культурологических кафедр.

В изучении религиоведческих курсов присутствует мировоззренческая составляющая, связанная с убеждениями, индивидуальными предпочтениями учащихся. С одной стороны, современное образование является научным: школа — поле, где ребенок встречается с наукой. В светских вузах образование имеет базой научные идеи. С другой стороны, мировоззренческие установки заметного числа учащихся формируются и под влиянием религиозных образов. Некоторые темы верующие учащиеся, православная общественность, последователи ислама воспринимают болезненно. Люди начинают писать жалобы, справедливо требовать уважения к их религиозным чувствам.

Когда студенты-культурологи проходят практику в школах, в негуманитарных институтах университета, случается, их просят дать однозначный ответ на вопрос

о существовании Бога. «Есть Бог или Его нет?» — с таким вопросом дети обращаются и к своим школьным наставникам. Как выяснилось, учителя поступают дипломатично: они предлагают детям спросить об этом дома своих родителей.

Каким может быть выход из подобной ситуации? История, социология, психология, география религии — это науки. Если мы откроем вузовский учебник социологии религии, во введении к нему обычно написано, что личные религиозные убеждения студентам следует «взять в скобки», говоря словами Э. Гуссерля. Темы, относящиеся к социологии религии, они должны обдумывать так, как будто бы Бога нет. А когда обсуждение выходит за пределы этой изучаемой дисциплины, идею Бога можно включить, как включают освещение в комнате.

Думается, приемлемый для носителей разных убеждений способ решения может быть найден, поскольку в поле религиоведения есть несколько дисциплин не вполне научных. Богословие, феноменология религии, философия религии — не вполне науки, это оценочное знание, поскольку в них не применяется критерий беспристрастности, их содержание меняется в зависимости от интересов субъекта. В рамках курса «Философия религии» можно обсуждать различные подходы к решению мировоззренческих вопросов, таких как доказательства бытия Бога, соотношение веры и знания, происхождение Вселенной, проблемы теодицеи, сотериологии и эсхатологии.

Одной из целей этого курса является формирование у обучающихся толерантности, стремления к диалогу, доброжелательного отношения к неверующим, религиозным агностикам, представителям различных конфессий. Это — актуальная задача; к сожалению, враждебность отравляет культурную атмосферу современной России.

Бог, по крайней мере, как субъективная реальность, существует. Идея бытия Бога мотивирует поведение значительных масс населения. В курсе философии религии исследуются разные виды бытия. Бытие натурального мира и воображаемого, явлений природы и предметов культуры, архетипов, моральных принципов, снов, галлюцинаций — это разные формы существования. Особенности этих форм и изучает философия религии.

Утверждение о независимом от сознания существовании Бога не является научным. Во-первых, оно не верифицируется. Во-вторых, явления так называемого духовного опыта не воспроизводятся. К сожалению, не все слышат голос Бога в журчании весеннего ручейка и шелесте травы на ветру. Значит, содержание религиозного духовного опыта не является общезначимым. Вместе с тем, наука — не единственный способ постижения мира, есть обыденное познание, мифологическое, философское, художественное, религиозное. Было бы неточно сказать, что научное познание должно быть моделью для остальных. У каждой из форм духовного освоения мира и антропологического самопознания есть свои функции.

Религиоведческая подготовка специалистов по культурологии направлена на раскрытие, постижение ими смысла, законов, направления, движущих сил, основных этапов религиозной истории человечества и методов ее изучения, настоящего состояния религиозной сферы культуры и ее будущего. Существует ли общее, единое направление религиозной истории, почему одни религии сменяются другими, каковы способы развития религиозных комплексов — центральные проблемы изучения религии как культурной универсалии.

На первый взгляд, история религиозных идей не имеет цели, смысла и направленности. Это — случайная смена событий, не поддающаяся пониманию, объяснению, предсказанию и оправданию. Основной показатель отсутствия закономерностей в сфере религиозной культуры — многообразие религиозных комплексов, практик и верований, каждое из которых претендует на монопольное владение священной истиной. Для теологии причина такой иррациональности в том, что священное порождает логику и законы как субстанция, но само им не подчиняется. Теоретики глубинной психологии объясняют иррациональность

религиозной истории тем, что корни религии уходят в почву бессознательной психической активности.

Изучение текстов классиков культурологии позволяет выявить пять концепций, подходов к разрешению проблемы направленности религиозной истории. Помимо идеологии господства случайных, хаотических изменений в религиозной подсистеме духовной культуры это концепции эволюционизма, циклических изменений, религиозного регресса, и секуляризации.

Принципы *концепции деградации* выражены в изречениях Конфуция: развитие общества в сфере религии и морали имеет регрессивную направленность, человечество в этом плане идет по пути упадка, от высшего к низшему, менее совершенному состоянию. В богословии авраамических религий исходной формой поклонения священным силам считается монотеизм, утраченный после катастрофы Потопа. Представители натуралистической школы оценивают произошедший в эпоху древних цивилизаций переход к почитанию антропоморфных богов как утрату возвышенного древнего астрального культа, поклонения Солнцу, Луне и другим небесным телам.

Известный исследователь древних цивилизаций А. Оппенхейм, считает, что политеистические религии имеют больше возможностей приспосабливаться к различным ситуациям, изменяющимся социальным обстоятельствам, чем монотеистические: «Множественность духовных воззрений отличает большинство высокоразвитых политеистических религий от узости тех, в основе которых лежит прямое божественное откровение» [6, С. 182]. Для этого исследователя политеизм — более высокая ступень религиозной истории, чем монотеизм.

Сторонники *концепции циклических изменений* воспринимают историю человечества в целом и религиозную историю как ее часть в виде последовательности аналогичных фаз во многом сходных периодов. Дж. Вико, Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби убеждены в том, что история — последовательность основанных на разных религиозных комплексах замкнутых культур, проходящих стадии рождения, расцвета, заката и гибели.

Вико пишет, что все народы совершенно одинаково и с полным постоянством проходят через три Века. Первый из них: «Век Богов, когда языческие люди думали, что живут под божественным управлением» [2, С. 31]. В культурологии П. А. Сорокина смена мировоззренческих парадигм приводит к формированию трех повторяющихся типов культуры: идеационального, сенситивного и идеалистического. В идеациональной фазе в обществе преобладает отношение к священным силам, Богу как к абсолютной сверхчувственной и сверхразумной ценности. На этапе сенситивной культуры за истинные принимаются только проверяемые опытным путем положения. Идеалистический тип культуры — смешанный, объективная реальность здесь частично сверхчувственна, частично чувственна [8, С. 504].

Циклические изменения могут иметь спиралеобразную и маятниковую форму. В последнем случае в истории имеет место чередование периодов религиозности и атеистического свободомыслия [7, С. 426].

Теоретики *эволюционизма* Ж.-Ж. Руссо, Г. Гегель, Л. Фейербах, Э. Тэйлор, В. Вундт, Э. Дюркгейм, Э. Фромм, христианские и мусульманские теологи рассматривают религиозную историю как прогрессивный процесс. Религии развиваются по восходящей линии от простого к сложному, от низшего к высшему, от одностороннего к совершенному. Для них история религиозных комплексов подчинена притяжению суператтрактора. Движение к сверхцели, «суперрелигии» — смысл религиозной эволюции.

Представители эволюционистской линии, полагающие, что у истории религии есть завершение, по-разному определяют элементы и признаки идеальной религии. Для Руссо это универсальная, единая для всех естественная религия разума. Э. Тэйлор считает монотеизм высшей формой развития анимистических религий. Л. Фейербах призывает к созданию религии любви, имеющей основой догмат «Человек Человеку — Бог». Э. Фромм, В. Франкл, А. Маслоу предсказывают

замену современных авторитарных религий гуманистическими, ведущими каждого по пути личного совершенствования. Для христианских богословов земная история человека есть процесс все более адекватного постижения божественного начала мира. В теологии ислама последней стадией истории станет время, когда не будет разных религий, а только одна.

Французские просветители XVIII в., К. Маркс, В.И. Ленин, З. Фрейд, теоретики позитивизма, М. Вебер рассматривают историю духовной культуры как путь рационализации. Религиозное мировоззрение, основанное на признании сверхъестественных сил, на этом пути частично или полностью вытесняется позитивным. Мистика и вера уступают место опытным данным и знанию. Сторонники *концепции отмирания религии* полагают, что в будущем люди станут относиться к вере в сверхъестественное, как взрослые к собственным наивным детским представлениям о реальности Деда Мороза.

Размышляя о направленности религиозной истории, культурологи пытаются определить, как происходят изменения религиозных комплексов. В исследованиях религиоведческой направленности описываются различные способы этих изменений: эволюционизм, диффузионизм, переоформление, конфликтное взаимодействие и обмен.

Принцип *эволюционистского подхода* — идея существования универсальных законов религиозной истории народов. Под их действием все конкретные общества проходят одинаковые стадии, ступени развития во времени, например: первобытные религии, политеизм, монотеизм.

Диффузионистский подход противоположен эволюционистскому: каждая культура изменяется по особым, только ей свойственным законам, задаваемым присущей ей религией. Религиозные идеи передаются от одних культур к другим, соседним, распространяясь в пространстве. Великие цивилизации и их религиозные комплексы — центры «культурных кругов», областей влияния определенных типов религии.

Последователи системной концепции находят способ религиозной динамики в *изменениях формы*, способов связи некоторых сходных базовых компонентов, структурных перестройках религиозных комплексов. Подобные переоформления анимистической религии, основанной на вере в возможность независимого существования души, приводят к появлению шаманизма, культа предков, оборотничества, спиритуализма, учений о переселении душ и загробной жизни, политеизма и монотеизма.

В *теории конфликта* жизнь общества понимается как противоречивое взаимодействие разнообразных групп. В этом взаимодействии гармония, равновесие — подчиненное, переходящее состояние, а конфликты — преобладающее, устойчивое. Религиозные группы — одно из звеньев социальной системы, в которой сталкиваются интересы враждующих сил. Каждая новая фаза религиозной истории есть результат разрешения предшествующих конфликтов. В силу многообразия верований конфликты на религиозной основе неизбежны. Выбор одной из мировоззренческих позиций является отказом от других: служение одному Богу есть оскорбление всех остальных богов.

Межрелигиозные конфликты, религиозная рознь и нетерпимость имеют разные формы. Последствия межконфессиональных конфликтов католиков и протестантов, шиитов и суннитов, христиан и мусульман выходят за пределы религиозной сферы. Противоречия в рамках деноминации, одной церкви в большей степени ограничены пределами религиозной жизни. Они имеют вид столкновений интересов высшего и низшего духовенства, борьбы мирян и клира, стремящегося монопольно управлять церковными делами, течений религиозного модернизма и фундаментализма, сторонников и противников новшеств.

В *теории обмена* социальные взаимодействия понимаются как обмен разнообразными ресурсами сторон по справедливым «ценам». Современная религиозность характеризуется возрастающим индивидуализмом: носителем веры

в значительной степени становится не религиозная организация, а личность, берущая на себя функцию интерпретации догм. Возрастает роль обращения как способа включения индивида в религиозное сообщество. В такой ситуации выбор религии подобен покупке. Священные тексты, проповеди, требы, предметы культа, психотерапевтические влияния — своего рода товары. Предполагается, что плата за них должна оправдываться приносимой покупателю пользой.

Пожалуй, наиболее значительный интерес культурологов вызывает проблема определения причин и обстоятельств появления и существования религии. Применяя типологический метод, пути ее решения можно разделить на три вида. К первому относятся *натуралистические концепции*. Появление ранних религий в них объясняется влиянием окружающей среды. Древний человек наделяет священными, сверхъестественными качествами явления, элементы окружающего мира. Объектами ритуалов в первобытной культуре и древних цивилизациях оказались камни, деревья, реки, горы, небесные тела, ветер, дождь, грозы, молнии и гром. Основные факторы религиозной динамики, смены религий — качественные изменения природной среды.

В исследовании обстоятельств генезиса ранних верований и религиозной динамики эпохи цивилизации У. Джеймс, Ст. Холл, З. Фрейд, К. Юнг используют *психологическую методологию*. Если священные силы существуют, полагает У. Джеймс, дверь, ведущая к ним, открывается в подсознании. Стэнли Холл считает фактором формирования духовного мира личности закон рекапитуляции: этапы индивидуального психического развития есть ускоренное повторение фаз религиозной истории человечества.

В религиозоведческих концепциях З. Фрейда и К.Г. Юнга мощь влияния бессознательного, врожденных импульсов, стереотипных реакций на поведение и сознание индивидов и поколений — базовый религиозный феномен. З. Фрейд рассматривает религию как массовое психическое расстройство, неизбежное следствие неразрешимого противоречия культуры и природы. Юнг утверждает, что душевные недуги исцеляет индивидуация — трансформация коллективного бессознательного стремления к священному в осознанную религиозность.

Сторонники *социологического подхода* обоснованно предполагают, что движущие силы, базовые факторы появления и смены религиозных систем следует искать не в психике или изменениях внешней природы, а в сфере социальных взаимодействий. Наиболее известными результатами применения этого методологического принципа являются функционализм, формационная и цивилизационная концепции.

Формационная концепция строится на принципе эволюционизма. В ней выделяется базовая, ведущая сфера общественной жизни — экономическая. Способ производства материальных ценностей (единство производительных сил и отношений собственности) определяет существенные признаки разных культур. Тип материального производства, составляющий основание общественно-экономической формации, определяет особенности религиозного сознания, влияния религии на общественную жизнь.

Цивилизационная эпистема противоположна формационной. В ней духовная культура, прежде всего ее религиозная составляющая, субстанциональны. Цивилизация или, словами Н.Я. Данилевского, культурно-исторический тип (КИТ) — социальная система, устроенная согласно определенному типу восприятия мира и человека. Цивилизации основаны на разных религиозных концептах. КИТы находятся в борьбе со средой и друг другом. Успехи цивилизаций, влияние КИТов во многом зависят от потенциала их религиозных составляющих.

Парадигма функционализма нацеливает культуролога на поиски роли той или иной религии в обеспечении стабильности сообщества. Самосохранение, гармоническое равновесие элементов — цель, суператтрактор социальных систем. Г. Спенсер, Т. Парсонс, Р. Мертон призывают объяснять существование религий путем раскрытия их функций в обществе.

Материальное производство обеспечивает адаптацию к условиям природной среды, вооруженные силы выполняют функцию защиты от внешних посягательств. Институт семьи есть способ замещения уходящих из жизни людей новыми. Достижение общезначимых целей, координация действий социальных групп — функции политики и права. Необходимые для сохранения стабильности сообщества солидарность, взаимопомощь индивидов обеспечивает мораль. Религия призвана устранять психические и социальные напряжения. Она указывает пути примирения с неизбежными негативными обстоятельствами, которые невозможно изменить.

Отчасти соглашаясь с идеологами функционализма, трудно не заметить, что взаимодействие религии с другими общественными явлениями, ее влияние на историю и современное состояние человечества имеет противоречивый характер. Выдающийся индийский богослов Свами Вивекананда предлагает оценивать историческую роль религии диалектически: хотя нет ничего, что принесло бы человеку больше благоденствий, чем религия, нет также ничего, что принесло бы ему больше ужасов. Ничто не способствовало в такой мере добру и любви, как религия, но и ничто не залило мир таким количеством крови.

Предложенный М. Элиаде диалектический, синтетический метод изучения религиозной сферы [10. С. 6] можно рассматривать как одну из перспективных составляющих культурологического образования. Используя его, мы обнаруживаем, что различные природные, психологические, социальные и культурные факторы изменений действуют комплексно. Динамика религиозных систем обусловлена сменой природных условий и эпистем, типом производства материальных ценностей и научными открытиями, военными вторжениями и политической борьбой. Изменения религиозных комплексов происходят количественным, эволюционным путем и качественным, революционным. Субъектами таких изменений могут быть народные массы, разнообразные социальные группы, «творческое меньшинство» и отдельные личности.

Синтетический подход позволяет обнаружить единство в многообразных попытках человека установить связь со священными силами. Как пишет Его Святейшество Далай-лама XIV: «В этом мире много разных лекарств для лечения разных болезней, и точно также есть много религиозных систем, служащих средством к достижению счастья всеми живыми существами» [3. С. 19].

Список литературы

1. *Азербайджани Масуд, Мусави-Асл Сейед Махди*. Введение в психологию религии. — М.: Вече, 2012. — 192 с.
2. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций // *Философия истории: Антология*. — М.: Аспект Пресс, 1995. — С. 31–37.
3. *Далай — лама XIV*. Буддизм Тибета. — М.: Эксмо, 2009. — 192 с.
4. *Ермишин О. Т.* Философия религии. Концепции религии в зарубежной и русской философии. — М.: Изд — во ПСТГУ, 2012. — 224 с.
5. *Мюррей Майкл, Рей Майкл*. Введение в философию религии. — М.: ББИ, 2010. — 410 с.
6. *Оппенгейм А.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. — М.: Наука, 1990. — 319 с.
7. *Синергетическая философия истории / Под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского*. — СПб.: Копи — Принт, 2009. — 400 с.
8. *Сорокин, П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — 544 с.
9. *Социология религии / Под ред. С.И. Самыгина*. — Ростов н/Д: Феникс, 2015. — 314 с.
10. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. — М.: Академический проект, 2012. — 622 с.

Культура православного христианства в России (дидактические материалы по курсу «Религиоведение»)*

Culture of orthodox Christianity in Russia (didactic materials at the rate "Religious studies")

© Панищев Алексей Леонидович
Panyshev A. L.

ГОУ ВПО «Курский институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета».
Россия, 305000, Курск, ул. К. Маркса, 53.
E-mail: aleksepanishhe@rambler.ru

Статья поступила 13.12.2012 г.

Представленная работа посвящена культуре православного христианства. Данный материал предназначен для решения дидактических задач и адресован студентам, обучающимся по гуманитарным специальностям. Информация, изложенная в данной учебно-методической работе, может быть полезна и интересна любому человеку, который интересуется культурологией и религиоведением.

Ключевые слова: культура, религия, христианство.

The work is devoted to the culture of Orthodoxy Crisstianity. This material addresses to decide to didactical questions and can be use by students of humanitarian specialization. This work can be applied for any people, who interest to culturology and religious studies.

Key words: culture, religion, orthodoxy.

Список литературы

1. Абаджи О. В. Духовное пение в культурной самоидентификации России / О.В. Абаджи // Наука и религия в современном образовании: материалы III научно-образовательных Знаменских чтений. — Курск, 2007. — С. 101–115.
2. Архимандрит Платон. Православное нравственное богословие / Архимандрит Платон. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994.
3. Архимандрит Эмилиан. Богопознание. Богослужение. Богомыслие / Архимандрит Эмилиан. — М.: Издательство храма святой мученицы Татианы, 2002.
4. Бердяев Н. А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. — М.: АСТ, 2002.
5. Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Н.А. Бердяев. — М.: АСТ; Харьков Фолио, 2004.
6. Беспарточный Б. Д. Деятельность русской православной церкви / Б.Д. Беспарточный, В.И. Жуков, М.Д. Черкашин, В.Л. Юрковецкий // Курский край: антология социальной работы: в 10 т.; т.1. / Курск. институт социального образования (филиал) МГСУ. — Курск, 2001. — С. 15–34.

* Окончание. Начало см.: Вопросы культурологии. 2015. № 3–11. 2016. № 1–3.

7. *Георгиева Т. С.* Христианство и русская культура / Т. С. Георгиева. — М.: ВЛАДОС, 2001.
8. *Виршевая поэзия* (первая половина XVII века). — М.: Советская Россия, 1989.
9. *Зеньковский В. В.* Идея православной культуры / В. В. Зеньковский // Человек. — 2005. — № 5. — С. 38–49.
10. *Иерей Давыденков О.* Катихизис. Введение в догматическое богословие / О. Иерей Давыденков. — М.: Изд-во Православного Свято-тихоновского института, 2000.
11. *Ильин И. А.* Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. — М.: АСТ, 2002.
12. *Мень А.* Православное богослужение. Таинство, Слово и образ / А. Мень. — М.: СПб: Слово, 1991.
13. *Митрополит Николай.* Сила Любви / Митрополит Николай. — М.: Московский Сретенский Монастырь, 2000.
14. *Никитин В. А.* Основы православной культуры / В. А. Никитин. — М.: Отдел религиозного образования и катехизации Русской православной церкви, 2002.
15. *Лосский В. Н.* Боговидение / В. Н. Лосский. — М.: АСТ, 2003.
16. *Плоды экуменического древа.* Экуменическое движение в экклесиологическом аспекте. — М.: Духовное наследие, 2005.
17. *Православная энциклопедия* под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. — М., 2014.
18. *Священник Даниил Сысоев.* Беседы на книгу «Песнь Песней». — М.: Благотворительный фонд «Христианская книга», 2010. — 224 с.
19. *Силаков Е. С.* Проявления язычества в культуре современной России / Е. С. Силаков // Россия: Духовная ситуация времени. Сборник материалов заочного методологического семинара гуманитарного института МГСУ. — М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1999. — С. 11–23.
20. *Силаков Е. С.* Роль и место дохристианских культов восточных славян в духовной культуре России / Е. С. Силаков // Россия: Духовная ситуация времени. — 1999. — № 1. — С. 23–34.
21. *Соловьёв В. С.* Россия и Вселенская Церковь / В. С. Соловьёв. — Минск: Харвест, 1999.
22. *Сопова Э. А.* Модели диалога русской православной церкви и государства / Э. А. Сопова // Россия: духовная ситуация времени. — 2005. — № 3. — С. 44–54.
23. *Тысячелетие крещения Руси.* Материалы международной церковно-исторической конференции (Киев 21–28 июля, 1986 года). — М.: Издание Московской патриархии, 1988.
24. *Юрковецкий В. Л.* Церковь и государство. Эволюция взаимоотношений / В. Ю. Юрковецкий. — Курск: Курский институт социального образования (филиал) РГСУ, 2001.
25. *Феофан Затворник.* Начертания христианского вероучения / Феофан Затворник. — Издание Свято-Успенского Псковско-Печёрского монастыря, 1994. — Том 1.
26. *Флоренский П.* Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / П. Флоренский. — М.: АСТ, 2003.
27. *Флоровский Г.* Восточные отцы Церкви / Г. Флоровский. — М.: АСТ, 2003.
28. *Франк С. Л.* С нами Бог / С. Л. Франк. — М.: АСТ, 2003.

Вопросы для повторения

1. Что выражает понятие *ипостась* в православном значении?
2. Какую роль в духовной жизни играет идея Богочеловека и образ Богочеловека Иисуса Христа?
3. Почему считается, что Иисус Христос в своём лице объединяет как Божественную, так и человеческую природы?

4. Что указывает на богочеловечество Христа в Символе Веры?
5. В чём состоит связь Ветхого Завета с Новым Заветом?
6. Почему в православной Церкви Новый Завет изучается во взаимосвязи с Ветхим Заветом?
7. В чём вы видите смысл таких слов Христа: «...если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное»?
8. В какой части Нового Завета вы можете найти молитву «Отче наш»?
9. В чём состоит смысл жизни православного человека?
10. Почему Иисус Христос, накормив около 5 тысяч людей пятью хлебами и двумя рыбами, поспешил временно удалиться от людей?
11. Почему Бога-Отца нельзя изображать в виде человека?
12. Чем христианство отличается от других религий?
13. В чём заключено таинство покаяния?
14. Почему человеку жизненно важно соблюдать девство и вести целомудренную жизнь?
15. Что такое *целомудрие*?
16. В чём заключена святость и величие брака?
17. Почему необходимо избегать расторжения брака и в чём вы видите трагедию расторжения супружеского брака?
18. Какой образ жизни способствует созданию здоровой семьи?
19. Почему грехи родителей негативно влияют на состояние их детей?
20. Какое чувство (переживание), по мнению апостола Павла, является особенно важным?
21. Какую роль в развитии Руси сыграла деятельность Кирилла и Мефодия?
22. Какие предпосылки были на Руси к принятию христианства?
23. В чём проявилось влияние христианства на государственную жизнь Киевской Руси?
24. Как христианство на Руси повлияло на представления о ценности человеческой жизни?
25. В чём состоит духовное значение труда иконописца?
26. Какими качествами должен обладать иконописец?
27. В каком случае иконописец может изображать Святого Духа в виде Ангела?
28. На основе какого фрагмента из Символа Веры можно обосновать изображение на иконах Иисуса Христа?
29. Почему икона не может писаться с модели?

Тест

1. ЧТО В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ТАИНСТВОМ?
 - а) Соборование
 - б) Причастие
 - в) Крещение
 - г) Миропомазание
 - д) Пост

2. КАКОЕ ИЗ ДАННЫХ ТАИНСТВ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПРОИСХОДИТ ВО ВРЕМЯ КРЕЩЕНИЯ И СОСТАВЛЯЕТ С КРЕЩЕНИЕМ ЕДИНЫЙ БОГОСЛУЖЕБНЫЙ ЧИН?
 - а) Причастие
 - б) Венчание
 - в) Крещение
 - г) Соборование
 - д) Миропомазание

3. В КАКОЙ РЕЛИГИИ РАЗВИТО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БОГОЧЕЛОВЕКЕ?
- а) Зороастризм
 - б) Ислам
 - в) Иудаизм
 - г) Буддизм
 - д) Христианство
4. КТО БЫЛ ГЛАВНЫМ ОППОНЕНТОМ ДЛЯ НИЛА СОРСКОГО В ВОПРОСЕ ОТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ К СОБСТВЕННОСТИ?
- а) И. Волоцкий
 - б) И. Лойола
 - в) Царь Иван III
 - г) Григорий Палама
 - д) Сергей Радонежский
5. ИДЕИ КАКОГО ДЕЯТЕЛЯ ПОДДЕРЖИВАЛА БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА?
- а) Кальвина
 - б) Лютера
 - в) Аввакума
 - г) Никона
 - д) Августина Блаженного
6. ПРИНЦИП, В СООТВЕТСТВИИ С КОТОРЫМ БОГ ИЗ НИЧЕГО СОТВОРИЛ ЖИВУЮ И НЕЖИВУЮ ПРИРОДУ, НАЗЫВАЕТСЯ...
- а) Креационизм
 - б) Экзегетика
 - в) Провиденциализм
 - г) Апологетика
 - д) Патристика
7. В КАКОЙ КНИГЕ БИБЛИИ ТЕМА СТРАДАНИЙ ПРАВЕДНОГО ЧЕЛОВЕКА ЯВЛЯЕТСЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ?
- а) Второзаконие
 - б) Откровение Иоанна Богослова
 - в) 1-ое Послание к римлянам
 - г) Книга Иова
 - д) Исход
8. ИСКУССТВО ИСТОЛКОВАНИЯ ТЕКСТОВ БИБЛИИ, ТОЧНОГО ВЫВЕДЕНИЯ СМЫСЛОВ ИЗ ТЕКСТОВ БИБЛИИ НАЗЫВАЕТСЯ...
- а) Схоластика
 - б) Экзегетика
 - в) Суфизм
 - г) Апологетика
 - д) Креационизм
9. В КАКОМ ГОДУ ИВАН ФЁДОРОВ ИЗДАЛ ПЕРВУЮ В РОССИИ ПЕЧАТНУЮ КНИГУ?
- а) В 1497 г.
 - б) В 1503 г.
 - в) В 1550 г.
 - г) В 1589 г.
 - д) В 1564 г.
10. В КАКОМ ГОДУ РУССКИЙ МИТРОПОЛИТ ВПЕРВЫЕ БЫЛ ИЗБРАН РУССКИМИ ЕПИСКОПАМИ, А НЕ НАЗНАЧЕН КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМ ПАТРИАРХОМ?

- а) В 1448 г.
- б) В 1547 г.
- в) В 1550 г.
- г) В 1589 г.
- д) В 1555 г.

11. В КАКОМ ГОДУ В РОССИИ БЫЛО ВВЕДЕНО ПАТРИАРШЕСТВО?

- а) В 1453 г.
- б) В 1480 г.
- в) В 1550 г.
- г) В 1589 г.
- д) В 1725 г.

12. КТО ИЗ ДАННЫХ БОГОСЛОВОВ ОТНОСИТСЯ К ВЕЛИКИМ КАППАДОКИЙЦАМ?

- а) Августин Блаженный
- б) Григорий Нисский
- в) Ориген
- г) Тертуллиан
- д) Арий

13. ПОНЯТИЕ *ЛИЧНОСТЬ* ВПЕРВЫЕ БЫЛО ВЫРАБОТАНО В УЧЕНИИ...

- а) Фомы Аквинского
- б) Великих Каппадокийцев
- в) Джона Монтана
- г) Мартина Лютера
- д) Ансельма Кентерберийского

14. В КАКОМ ГОРОДЕ ПРОШЁЛ ПЕРВЫЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР?

- а) В Эфесе
- б) В Халкидоне
- в) В Александрии
- г) В Никее
- д) В Константинополе

15. КАКИЕ КИЕВСКИЕ КНЯЗЬЯ ВПЕРВЫЕ ПРИНЯЛИ КРЕЩЕНИЕ?

- а) Олег
- б) Игорь
- в) Святослав Игоревич
- г) Аскольд и Дир
- д) Ярополк I Святославович

16. КТО ЯВЛЯЕТСЯ АВТОРОМ «СЛОВА О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ»?

- а) Владимир Мономах
- б) Митрополит Илларион
- в) Протопоп Аввакум
- г) Ф. М. Достоевский
- д) Иосиф Волоцкий

17. КАКОГО ЦАРЯ В РОССИИ ПРОЗВАЛИ АНТИХРИСТОМ?

- а) Александра II
- б) Александра I
- в) Павла
- г) Петра I
- д) Николая I

18. НА КАКОМ ВСЕЛЕНСКОМ СОБОРЕ БЫЛО ОСУЖДЕНО ИКОНОБОРЧЕСТВО?

- а) На первом
- б) На третьем
- в) На седьмом
- г) На пятом
- д) На втором

19. КТО В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА ИНИЦИИРОВАЛ СОЗВАНИЕ СОБОРА ДЛЯ УТОЧНЕНИЯ ИКОНОПИСНЫХ КАНОНОВ?

- а) Дьяк Висловатый
- б) Митрополит Макарий
- в) Священник Сильвестр
- г) Иоанн IV Грозный
- д) Андрей Курбский

20. КТО СТАЛ ПЕРВЫМ ПАТРИАРХОМ РПЦ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ?

- а) Никон
- б) Пимен
- в) Алексей I
- г) Сергей
- д) Тихон

21. ПРИ КАКОМ ПРАВИТЕЛЕ БЫЛ ПОСТРОЕН СОБОР ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО?

- а) Василий III
- б) Пётр II
- в) Пётр I
- г) Иоанн IV
- д) Иоанн III

22. КАКОЙ ИЗ ДАННЫХ ХРАМОВ ЯВЛЯЕТ СОБОЙ ПРИМЕР ШАТРОВОГО СТИЛЯ В РОССИИ?

- а) Дмитриевский собор во Владимире
- б) Церковь Покрова на Нерле
- в) Софийский собор в Киеве
- г) Софийский собор в Великом Новгороде
- д) Церковь Вознесения в Коломенском

23. КТО ИЗ ДАННЫХ ИКОНОПИСЦЕВ НАПИСАЛ ИКОНУ ТРОИЦА?

- а) Дионисий
- б) Даниил Чёрный
- в) Андрей Рублёв
- г) Симон Ушаков
- д) Антоний Сийский

24. КТО ИЗ ПАТРИАРХОВ РПЦ ИНИЦИИРОВАЛ РЕФОРМЫ, ПРИВЕДШИЕ К РАСКОЛУ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ?

- а) Никон
- б) Пимен
- в) Алексей I
- г) Тихон
- д) Сергей

25. КТО ИЗ РУССКИХ КНЯЗЕЙ ИНИЦИИРОВАЛ ПОСТРОЙКУ СОФИЙСКОГО СОБОРА В КИЕВЕ?

- а) Владимир Красное Солнышко

- б) Андрей Боголюбский
- в) Ярослав Мудрый
- г) Владимир Мономах
- д) Иван I Калита

26. КТО ИЗ ДАННЫХ АПОСТОЛОВ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЕВАНГЕЛИСТОМ?

- а) Лука
- б) Марк
- в) Андрей
- г) Иоанн
- д) Матфей

27. КТО ИЗ ДАННЫХ СВЯТЫХ РПЦ ЯВЛЯЕТСЯ УРОЖЕНЦЕМ Г. КУРСКА И ВНЁС ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ВКЛАД В ОРГАНИЗАЦИЮ МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ В ДИВЕЕВСКОМ МОНАСТЫРЕ?

- а) Сергей Радонежский
- б) Серафим Саровский
- в) Амвросий Оптинский
- г) Иоанн Кронштадский
- д) Алипий Печерский

28. КТО ИЗ ДАННЫХ СВЯТЫХ РПЦ БЛАГОСЛОВИЛ КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО И ЕГО ВОИНОВ НА БОЙ С МАМАЕВЫМ ПОЛЧИЩЕМ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ?

- а) Сергей Радонежский
- б) Варлаам Печерский
- в) Феодосий Печерский
- г) Алипий Печерский
- д) Кассиан Затворник

29. ДМИТРИЕВСКИЙ СОБОР ВО ВЛАДИМИРЕ ПОСТРОЕН В ЧЕСТЬ...

- а) Успения Богородицы
- б) Рождества Христова
- в) Троицы
- г) Дмитрия Солунского
- д) Иоанна Крестителя

30. ПЕРВЫЕ КАНОНИЗИРОВАННЫЕ ЛЮДИ НА РУСИ ОТЛИЧИЛИСЬ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО...

- а) Многодневным постом
- б) Многочасовой молитвой
- в) Масштабным строительством белокаменных соборов
- г) Щедростью
- д) Смиренномудрием и мученичеством за Правду

Ключи к тесту

1 — д	2 — а	3 — д	4 — а	5 — в	6 — а	7 — г	8 — б	9 — д	10 — в
11 — г	12 — б	13 — б	14 — г	15 — г	16 — б	17 — г	18 — в	19 — а	20 — д
21 — г	22 — д	23 — в	24 — а	25 — в	26 — в	27 — б	28 — а	29 — г	30 — д

УДК 130.2+008

4/2016 ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Концепты «идея университета», «миссия университета», «университет в руинах»: культурологический анализ. Часть 3^{*}

Concepts “the idea of a University”, “mission of the University”, “University in ruins”: culturological analysis. Part 3

© **Круглова Лариса Константиновна**
Kruglova L.K.

ФГБОУ ВО «Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С. О. Макарова».

Россия, 198035, Санкт-Петербург, Двинская ул., 5/7.

E-mail: lkkruglova@gmail.com

Статья поступила 24.09.2015 г.

В статье анализируются концепты «идея университета» в трактовке Дж. Ньюмена и К. Ясперса, «миссия университета», как он представлен Х. Ортегой-и-Гассетом, «университет в руинах» — Б. Ридингсом, рассматривается концепция университетского образования Р. Барнетта. Показано, что в концепте Б. Ридингса «университет в руинах» отражены негативные тенденции трансформации современного университета, среди которых излишняя формализация и односторонняя ориентация на экономический эффект. Делается вывод, что с позиций антропологически ориентированной культурологии воплощение идеи университета как универсальности и выполнение им культуротворческой миссии возможно на основе принципа универсального гуманизма.

Ключевые слова: идея университета, миссия университета, университет в руинах, универсальность, антропологический принцип, универсальный гуманизм, Дж. Ньюмен, К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет, Б. Ридингс, Р. Барнетт.

The article analyzes the concepts of “the idea of a university” in the interpretation of J. Newman and K. Jaspers, “mission of the University”, presented by J. Ortega-y-Gasset, “the university in ruins” by B. Readings, and considered the concept of University education R. Barnett. It is shown that the concept of B. Readings “university in ruins” reflects negative tendencies in the transformation of modern university, including excessive formalization and one-sided focus on economic effect. It is concluded that from the point of anthropologically oriented cultural studies the embodiment of the idea of the university as the universality and the fulfillment of culture-making mission are possible on the basis of the principle of universal humanism.

Key words: the idea of a university, mission of the university, the university in ruins, universality, anthropological principle, universal humanism, J. Newman, K. Jaspers, J. Ortega-y-Gasset, B. Readings, R. Barnett.

Во второй части данной статьи речь шла о том, что анализ концепта «университет в руинах» Б. Ридингса и модели университета, построенного на принципе неопределенности, предложенной Р. Барнеттом, выявил необходимость

* *Окончание.* Начало см.: Вопросы культурологии. 2016. № 2, 3.

обращения к культурологической проблематике. При этом надо отметить, что «культура» не занимает сколько-нибудь значительного места в теоретических построениях Барнетта. Что касается Ридингса, то у него концепт «культура» имеет основополагающее значение. Однако, как уже говорилось выше, концепт «культура» он считает тождественным по смыслу концепту «национальная культура».

К такому умозаключению Ридингса приводит логика, лежащая в основе методологии так называемых «культурных исследований» (*cultural studies*) — очень авторитетному на Западе направлению исследований, ставящему своей задачей изучение отдельных культурных феноменов и процессов. Несколько скептически относясь к «культурным исследованиям», Ридингс тем не менее принимает их основную посылку — отказ от понимания и определения культуры как целостности. Концепт «культура» у Ридингса строго привязан к национальному государству и теряет свой смысл и свою значимость вместе с утратой своего значения и влияния национальным государством и национальной культурой. Здесь прежде всего следует отметить, что слухи о кончине национального государства и национальной культуры сильно преувеличены. Неожиданным сюрпризом глобализации явилось как раз обострение внимания к национальным интересам, которые призвано защищать национальное государство и, соответственно, к национальной культуре как фактору национальной интеграции. В результате глобализация самым парадоксальным образом подняла волну национализма, межрелигиозной и межконфессиональной вражды и других дезинтеграционных процессов. Все это делает необходимым поиски путей и способов построения глобальной культуры [5], которая могла бы сыграть роль мощного интеграционного фактора, способствующего осуществлению глобализации с человеческим лицом. Совершенно очевидно, что такого рода теоретическая работа может быть результативной и, следовательно, практически значимой только в том случае, если её методологической базой будет являться наука о культуре как таковой, т. е. культурология.

Для решения этих задач необходимо выполнение целого ряда условий. Одно из них — чёткое определение позиций отечественной культурологии относительно уже упоминавшегося направления *cultural studies*. Здесь, с одной стороны и прежде всего, необходимо решительное размежевание с установкой «культурных исследований» на изучение лишь отдельных феноменов культуры, что имеет своей основой отказ от понимания культуры как целостности. Об этом убедительно говорится в статье В. А. Мартынова «Опыт культурологии» [10]. Но дело не только в этом. Здесь опять, как и ранее, надо вспомнить о средневековых номиналистах и их наследниках, современных постмодернистах, утверждающих, что в современную эпоху не существует универсалий. В соответствии с этой логикой представители *cultural studies* считают невозможным определение культуры, позволяющее вместить в себя все разнообразные феномены культуры, её национальные, региональные и исторические модификации.

Однако, солидаризируясь с В. А. Мартыновым по вопросу о целостности культуры, отрицаемой представителями *cultural studies*, вряд ли можно согласиться с его идеей о том, что «культурология и *cultural studies* — это разные парадигмы, векторы которых направлены в противоположные стороны настолько, что можно говорить о враждебности этих двух парадигм» [10. С. 42]. Представляется, что это слишком сильно сказано. Вместо того, чтобы враждовать с *cultural studies*, вероятно, было бы более полезным для культурологии внимательное изучение методик, обеспечивающих практическую эффективность *cultural studies* и возможностей трансформации этих методик на иной методологической основе.

То же самое можно сказать в связи с идеей В. А. Мартынова о необходимости «...совершить *cultural turn* и встретиться с современной антропологией» [10. С. 43].

Как следует из его статьи, В. А. Мартынов усматривает возможность этой встречи на нескольких иных основах, чем те, которые могут обеспечить заметное усиление методологического потенциала культурологии. Так, В. А. Мартынов считает наиболее перспективным направлением культурологических исследований, во-первых, то, «что можно назвать сравнительной исторической эпистемологией культурологии» [10. С. 44], и конкретно — дальнейшую работу над «проектом исторической поэтики», связанным с именем С. С. Аверинцева. Другое направление развития культурологии, по мысли В. А. Мартынова, — это сравнительная историография типологической истории. При этом построение новой исторической типологии культуры В. А. Мартынов считает делом далекого будущего [10. С. 44].

Признавая указанные В. А. Мартыновым направления культурологических исследований весьма перспективными и заслуживающими внимания, нельзя не отметить вместе с тем, что встреча с современной антропологией на этих путях вряд ли возможна. Дело в том, что «модерная антропология» тесно и неразрывно связана с *cultural studies*. Как справедливо отмечает сам В. А. Мартынов, «...сегодня «культурные исследования» — это та часть евро-американской культурной антропологии, которая отвечает в ней за современность, это «contemporary cultural anthropology» [10. С. 39]. Отсюда следует, что для встречи с «модерной антропологией» необходимо освоить методику полевых исследований, о чем уже говорилось выше.

Но дело не только в этом. Представляется, что плодотворность культурологии как науки, прежде всего, зависит от прочности её союза с философской антропологией. Его необходимость следует из смысла фундаментальной идеи, согласно которой человек является творцом и творением культуры. В соответствии с этим правомерно утверждать, что проблема человека является для культурологии базовой, исходной и, следовательно, антропологический принцип должен быть методологической основой построения всего здания культурологической теории. Однако концепт «человек» не может быть осмыслен в рамках культурологии. Для этого необходимо обращение к философии и, в частности, к философской антропологии [см. об этом: 9. С. 33–52].

Исходным моментом осмысления проблемы человека в рамках философской антропологии может послужить идея принципиальной двойственности человека. Слово «принципиальная» здесь имеет тот смысл, что двойственность — это принцип устройства человеческого существа, вне этой двойственности нет человека.

Так, человек представляет собой единство различных противоположных начал. Это: телесное и духовное, рациональное и эмоциональное, объектное и субъектное, индивидуальное и универсальное, общественное и личное, биологическое и социальное.

Каждая из этих категорий обозначает сущностное свойство («силу») человека, находящееся в отношениях противоречия с другим, ему противоположным. Каждое конкретное общество, на каждом конкретном этапе своего развития имеет определенные потребности и возможности развития этих сущностных сил человека. В соответствии с этим оно, используя механизмы культуры, стимулирует одни, блокирует другие, вызывает к жизни, порождает те, которых не существовало ранее. *Этот ансамбль сущностных сил человека, которые культивируются на том или ином этапе социокультурного развития, есть не что иное, как антропологическая структура культуры.*

Таким образом, концепт «антропологическая структура культуры» позволяет понять, на какой тип человека «нацелена» та или иная культура, какие человеческие качества развивает, на какие смотрит неодобрительно, а какие и вовсе не могут развиваться в рамках той или иной культуры.

Представленную выше схему структуры сущностных сил человека можно рассматривать как своего рода «таблицу Менделеева», с помощью которой

можно «вычислить формулу» любой региональной, национальной, этнической культуры или, говоря иначе, указать на её важнейшие типологические черты, её человеческое измерение.

На этой же базе возможно и построение исторической типологии [6; 7. С. 193–413], то есть решение задачи, которое В. А. Мартынов, как уже говорилось ранее, считает делом далекого будущего.

Проблема построения историко-культурной типологии тесно связана с другой фундаментальной проблемой, каковой является проблема гуманизма.

Так, исходя из типологии, построенной на основе антропологического принципа, культуру можно определить как систему способов и результатов развития сущностных сил человека, функционирующую в целях удовлетворения потребностей общества, отдельных социальных групп и личности [7. С. 155].

В этом определении заложена идея о человекотворческой сущности культуры, которая реализуется через выполнение ею двуединой функции: для общества культура создает человека, способного осуществлять расширенное воспроизводство данных социальных отношений, человека она снабжает знаниями, навыками, умениями и т. п., овладев которыми он получает возможность «вписаться» в общество, существовать в нем, удовлетворять свои личные потребности, развивать свои способности.

Таким образом, культура изначально ориентирована на человека и в этом смысле изначально гуманистична. Исходя из этого, можно утверждать, что гуманизм имманентен культуре, является фундаментальным принципом культуротворчества.

Однако образ человека, на который ориентируется та или иная культура, будь то исторический, национальный или региональный тип, значительно варьируется. Построение исторической типологии на основании антропологического принципа позволяет утверждать, что все исторические типы гуманизма были существенно односторонни.

XXI в. должен стать веком преодоления ограниченности всех ранее известных форм гуманизма и торжества принципа *универсального гуманизма* [8]. Сущность его заключается в ориентации культуры и общества на формирование в человеке гармонического единства всех его сущностных сил на интегративной основе творческой доминанты личности.

Необходимость превращения универсального гуманизма в цивилизационный принцип требует воплощения его содержания не только в культуре, но и в социуме, т. е. в экономических, политических и собственно социальных отношениях и структурах. Так, в области экономики принципу универсального гуманизма соответствует многообразие форм собственности, подразумевающее возможность приложения, использования и развития многообразных способностей и потребностей человека; в области политики — демократия, которая, по определению, способна вовлечь в управление обществом наибольшее количество людей, в социальной области — всемерное развитие разнообразных «форм общественности» (Ю. Хабермас), т. е. негосударственных, неформальных объединений, имеющих целью отражать в своей деятельности различные оттенки мнений и интересов граждан.

Итак, торжество принципа универсального гуманизма возможно лишь в случае воплощения его содержания и в культуре, и в экономике, и в политике, и в социальных отношениях. Однако особые требования в этой ситуации предъявляются именно к культуре, поскольку воспользоваться возможностями, которые предоставляют демократия и разнообразие форм собственности, может только человек, обладающий соответствующими навыками, знаниями, потребностями, т. е. человек соответствующим образом культивированный.

Если задаться вопросом, какая из сфер культуры должна сыграть решающую роль в построении универсально-гуманистической культуры, то ответ, как

представляется, может быть лишь один: такой сферой культуры может быть сфера образования и воспитания. Для того, чтобы это произошло в реальности, необходимо, чтобы целевым ориентиром образования и воспитания стал образ гармонически развитого человека.

Представляется, что в полной мере осуществление такого подхода возможно только на базе университетского образования, поскольку университет располагает для этого наибольшими, по сравнению с другими институтами образования и воспитания, интеллектуальными и другими ресурсами.

Нельзя не отметить, что на базе университета возможно воплощение и других компонентов принципа универсального гуманизма: экономического — через разнообразие форм собственности и финансирования в сфере университетского образования, политического — через демократические формы организации университетской жизни, социального — через разнообразие различного рода объединений, кружков, клубов, что соответствует многообразию интересов и способностей обучающихся и обучающихся.

При этом нельзя не отметить, что универсальный гуманизм — принцип достаточно широкий, чтобы гарантировать сохранение многообразия культур, поскольку предусматривает возможность и необходимость специфики проявлений всех человеческих качеств, связанной с особенностями этнической, региональной или локальной культуры.

Будучи достаточно широким для того, чтобы обеспечить и гарантировать разнообразие, принцип универсального гуманизма в то же время достаточно конструктивен, чтобы служить идейной основой объединения человечества, т. е. глобализации с человеческим лицом [8].

В соответствии с этим увеличивается и смысловое наполнение концепта «миссия университета», поскольку в него включается такой компонент как содействие глобализации с человеческим лицом.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что в эпоху глобализации значение университета как действующей модели института, функционирующего на основе принципа универсального гуманизма, неизмеримо возрастает.

Используя синергетическую методологию, можно утверждать, что современный университет может и должен играть роль социокультурного аттрактора. Это означает, что он может и должен функционировать как структура, содержащая в себе «план» будущей глобальной культуры и будущего глобального мироустройства. При этом нельзя не заметить, что университет, построенный по такому принципу, является одновременно и мощнейшим источником энергии, необходимой для воплощения этих планов в жизнь.

Исходя из сказанного выше, правомерно утверждать, что принцип универсального гуманизма позволяет наиболее полно выразить основное содержание идеи Университета как универсальности. Таким образом можно констатировать, что между концептами «идея университета», «универсальность», «универсальный гуманизм» имеется глубокая смысловая связь, игнорирование которой чревато непониманием значения университета как феномена культуры.

Каковы же реальные атрибутивные признаки Университета как социокультурного института, соответствующие современному смыслу концептов «идея университета» и «миссия университета»?

Представляется, что важнейший из них — универсальность. Его можно считать родовым признаком университета, все остальные выступают его сторонами и аспектами.

Так, признаком университета является фундаментальность университетского образования. Однако это не означает, что университет чужд прикладному знанию. Речь идет о том, что в университетском образовании прикладное знание и прикладные науки неразрывно связаны с фундаментальными знаниями и фундаментальными науками, что является условием успешного развития прикладных наук.

Признаком университета является его неразрывная связь с наукой и научными исследованиями. Но универсальность как атрибут университета проявляется в том, что университет — не только наука. Его миссией является подготовка и формирование человека как субъекта культуры во всей полноте его свойств и качеств, одним из которых, но не единственным, является владение определённой профессией. С этим связаны структурные и организационные признаки университета. Среди них: разнообразие направлений профессиональной подготовки, обязательное наличие в их числе направлений гуманитарной подготовки, значительная доля гуманитарных дисциплин в учебных планах всех направлений подготовки, наличие развитой инфраструктуры, обеспечивающей возможность общения и разнообразных видов деятельности студентов и преподавателей разных факультетов, кафедр, учебно-научных центров и т. д. и т. п.

Одним из атрибутивных признаков университета является сочетание в нем элитарности и массовости. Это выражается в том, что функция подготовки научной и управленческой элиты сочетается в нем с функцией преобразования «человека массы» в культурного человека, т. е. человека во всей полноте и разнообразии развития его сущностных сил, важнейшей из которых является способность к активной новаторской созидательной деятельности.

Представляется, что принятая сейчас в университетском образовании многоуровневая система позволяет обеспечить массовость за счет бакалавриата, а отбор лучших студентов и подготовку элиты за счет магистратуры и аспирантуры.

В числе атрибутивных признаков университета следует назвать также сочетание глобализма и национально-региональной специфики в организации и содержании его деятельности.

Отличительный признак университета заключается также в том, что его функцией является формирование не только культурной, но и социальной матрицы, то есть в его призвании служить образцом социального устройства. Это выражается в таких принципах организации деятельности университета как демократия, равноправие, сочетание автономии и централизма в отношениях структурных подразделений университета и в отношениях университета с обществом и государством.

Представляется, что все перечисленные признаки университета являются необходимыми. Соответственно, отсутствие одного из них должно лишать то или иное образовательное учреждение права иметь статус университета. Вопрос о том, насколько выявленные признаки университета являются достаточными, остаётся открытым для дальнейших исследований.

Подводя итоги, следует отметить, что многие из положений, высказанных Дж. Ньюменом, К. Ясперсом, Ортегой-и Гассетом и другими мыслителями, составляют по сию пору содержательное ядро концептов «идея университета» и «миссия университета». Однако современность требует их осмысления и переосмысления.

Ценность концепта Б. Ридингса «университет в руинах» заключается в том, что в нем в весьма тревожной форме отражены негативные тенденции в развитии современного университетского образования, заключающиеся в его излишней бюрократизации и односторонней ориентации на экономический эффект.

Одной из наиболее конструктивных является в настоящее время концепция университетского образования Р. Барнетта, который в противовес собственному заявлению «университет умер» совершенно правомерно провозглашает университет «ключевым звеном» современности. Однако, как представляется, постмодернистская методология не дала возможности Р. Барнетту достаточно убедительно обосновать этот тезис. Использование

методологического и эвристического потенциала культурологии позволяет сделать вывод, что воплощение идеи университета как универсальности и выполнение им культуротворческой миссии возможно на основе принципа универсального гуманизма. В соответствии с этим в смысловое поле концепта «миссия университета» включается такой компонент, как содействие глобализации с человеческим лицом. Применение в этом контексте синергетической методологии позволяет утверждать, что современный университет может и должен играть роль аттрактора, то есть структуры, содержащей в себе не только «план» глобальной культуры и будущего глобального мироустройства, но и энергетику его воплощения.

Список литературы и источников

1. Барнетт Р. Осмысление университета. // Теоретические вопросы образования [Электронный ресурс]: Хрестоматия / Сост., под ред. М. А. Гусаковского. — Минск — 2013. — С. 5–30.
2. Гулыга А. В. Вильгельм фон Гумбольдт и немецкая философская классика / Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. — М., 1984. — С. 350–356.
3. Корбут А. М. / А. М. Корбут. От переводчика // Ридингс Б. Университет в руинах / Б. Ридингс; пер. с англ. А. М. Корбута; под общей редакцией М. А. Гусаковского. — Минск: БГУ, 2009. — С. 14–16.
4. Круглова Л. К. В. Гумбольдт и антропологический принцип в культурологии: культурологические чтения. Научно-теоретический альманах. — СПб.: СПбГУ, 2005. — С. 85–88.
5. Круглова Л. К. ПРОЕКТ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: PRO ET CONTRA / Семиозис и культура: интеллектуальные практики: монография. Гл. 2. — Сыктывкар, 2013. — С. 56–63.
6. Круглова Л. К.. Концепт «Антропологическая структура культуры»: эвристический и методологический потенциал // МИР КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ. Альманах Научно-образовательного культурологического общества России, выпуск II. Изд. РХГА. — СПб., 2012. — С. 194–206
7. Круглова Л. К. Культурология. — СПб., 2008. — 502 с.
8. Круглова Л. К. Универсальный гуманизм как принцип решения проблемы разнообразия и единства культур./ Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества. Сб. научных статей. Изд. СПбКО. — СПб., 2010. — С. 134–138.
9. Круглова Л. К. Человек как проблема философии, философии культуры и культурологии // «Человек. Культура. Образование». Научно-образовательный и методический журнал. — 2015 — №2(16) — Сыктывкар. — С. 33–52.
10. Мартынов В. А. Опыт культурологии // Вопросы культурологии. — 2015. — №3. — С. 33–45.
11. Ньюмен Дж. Г. Идея университета / Дж. Г. Ньюмен; перевод с английского С. Б. Бенедиктова, под общ. ред. М. А. Гусаковского. — Минск: БГУ, 2006. — 208 с.
12. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с испанского М. Н. Голубевой; ред. перевода А. М. Корбут; под общей ред. М. А. Гусаковского — Минск: БГУ, 2005. — 104 с.
13. Рамишвили Г. В. Вильгельм фон Гумбольдт — основоположник теоретического языкознания / Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. — М., 1984. — С. 5–37.
14. Ридингс Б. Университет в руинах / Б. Ридингс; пер. с англ. А. М. Корбута; под общей редакцией М. А. Гусаковского. — Минск: БГУ, 2009. — 248 с.
15. Ясперс К. Идея университета / Карл Ясперс; пер. с нем. Т. В. Тягуновой, ред. перевода О. Н. Шмарага; под общей ред. М. А. Гусаковского. — Минск: БГУ, 2006. — 159 с.

УДК 130.2

Трансляция культурных смыслов в системе «человек — среда»

Broadcast cultural contexts in the system “man-environment”

© **Забродина Галина Дмитриевна**
Zabrodina G.D.

ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет
имени Ю.А. Гагарина».
Россия, 410054, Саратов, ул. Политехническая, 77.
E-mail: galina.vizavi@mail.ru

Статья поступила 02.12.2015 г.

В статье предлагается условная модель синергии аксиологических образов, основанная на взаимодействии векторов смыслообразования в субъектно-объектных отношениях и иллюстрирующая процесс трансляции смысловых конструктов в системе «человек-среда». Новизна исследований заключается в разработке аксиологического модуля, отражающего суть культурного кода и способного служить «поверочным инструментом» в измерении семантического текста при решении проектно-эстетических задач современности.

Ключевые слова: Трансляция и визуализация смыслов культуры, аксиологические образы, аксиологический модуль, предметно-пространственная среда, семантический текст, субъектно-объектные отношения, система «человек-среда», эстетический идеал эпохи, образ жизни, образ места.

The article proposes a conditional model of synergy axiological images, founded on the interaction of vectors of personal in subject-object relations and illustrating the process of translating the semantic constructs in the system man- environment. The novelty of the research lies in the elaboration of axiological module, capturing the essence of cultural code and able to serve as a verification tool «semantic dimension text when addressing design and aesthetic challenges.

Key words: translation and visualization of cultural meanings, axiological images, axiological module, subject-spatial environment, semantic text, subject-object relationship, man — environment system, aesthetic ideal era, lifestyle, image space.

На сегодняшний день существует множество научных трудов, так или иначе затрагивающих проблемы трансляции культурных смыслов в семиосфере. В частности, одним из аспектов этого направления является исследование такого способа трансляции семиотической информации как «проявленность» в форме визуальной коммуникации в системе «человек — среда». Но, несмотря на то, что изучению данного вопроса посвящены исследования широкого круга учёных, нельзя сказать, что существует комплексный взгляд на эту проблему. В то время как необходимость в научном инструментарии, позволяющем структурировать и регулировать процесс смыслообразования в предметно-пространственной среде, ощущается достаточно остро. Актуальность вопросов, связанных с поиском универсальных закономерностей в процессе смыслоконструирования в визуально-предметной сфере культуры не вызывает сомнения в связи со спецификой современного общества. Она обусловлена стремительным развитием визуальной культуры

и перенасыщением информационного поля, что существенно осложняет процесс считывания человеком семантического текста, заключённого в объектах и пространствах культурного ландшафта. Всё это обязывает исследователей к более глубокому изучению процесса смыслообразования в художественно-образных структурах объектов и явлений окружающей действительности.

Итак, в первую очередь необходимо обозначить границы исследования, в пределах которых предполагается проследить путь трансляции культурных смыслов. В данном случае в качестве таких границ нами определена система «человек-среда», подразумевающая формирование аксиосферы и символического пространства культурного ландшафта, формируемого ею. Определение границ позволяет конкретизировать цель исследования — выявление и систематизация образно-символических моделей, являющихся формой проявленности смысловых конструкторов культуры.

В соответствии с целью данного исследования необходимо решение следующих задач:

- определение векторной направленности процесса смыслообразования в субъектно-объектных отношениях системы «человек-среда»;
- выявление точек локализации семиотической информации каждого из векторов смыслообразования и соответствующих им этапов трансляции культурных смыслов;
- систематизация образно-символических структур и определение этапа формирования силового поля визуализации в процессе трансляции смыслов культуры;
- выявление базовых образов процесса трансляции и визуализации смыслов культуры.

ПРОЦЕСС СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ СИСТЕМЫ «ЧЕЛОВЕК-СРЕДА»

В соответствии с обозначенными задачами необходимо конкретизировать понимание системы «человек-среда» в контексте данных исследований как моделирование субъектно-объектных отношений, транслирующих смыслы культуры в виде образных структур и формирующих силовое поле визуальных текстов предметно-пространственной среды. Среда рассматривается нами с учётом всех формообразующих факторов, включая геофизический ландшафт, материальную культуру (материальная среда) и социокультурное пространство (идеальная среда). Этот взгляд позволяет представить семиотическое пространство культурного ландшафта как систему, где её ядром является Человек. В соответствии с этим моделирование процесса смыслоконструирования основано на построении синхронного среза пространства культуры в границах обозначенной системы (рис. 1).

Разработанная нами в [2] модель пространства культуры позволила выявить общее направление смыслообразования в векторах «объект» (Среда) и «субъект» (Человек) и находящиеся на условном пересечении осей и уровней культуры основные точки локализации семиотической информации. Данные точки представляют собой «сгущение» и становление культурных смыслов в качестве проявленной формы, позволяющей осуществление процесса коммуникации.

Пространство культуры — это коммуникативное пространство, обладающее внутренней структурой и реализующее модель мира через систему знаков, формирующих образное восприятие окружающей действительности. Образное моделирование во многом зависит от ценностных установок воспринимающего. В связи с этим процесс смыслообразования в системе «человек-среда» представлен нами в виде иерархии образов и идеалов, слагающих аксиосферу пространства культуры. Структурообразующими элементами в данной иерархии

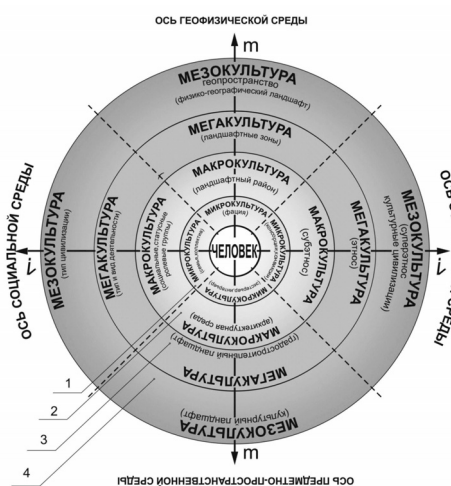
являются уровни культуры (микро-, макро-, мега- и мезоуровни) и этапы трансляции смыслов культуры. Данные этапы систематизированы нами в виде иерархии культурных моделей, формирующих в соответствии с уровнями культуры и формой репрезентации ментальные конструкции и образные модели.

Так, этапы смыслообразования в векторе «объект» представлены нами такой группой культурных моделей как: архетипы геофизического пространства — этническая картина мира — географический образ места — эстетический образ жилого пространства — индивид. Вектор «субъект», соответственно, состоит из следующих этапов формирования культурных моделей: архетипы культуры — историческая картина мира — эстетический идеал эпохи — эстетический образ жизни — базовая личность эпохи. Данные культурные модели, являясь базовыми точками локализации семиотической информации каждого из векторов смыслообразования и одновременно этапами её трансляции, формируют промежуточные аксиологические образы.

Архетипы культуры и геофизического пространства, взаимодействующие между собой на мезоуровне, являются ментальными моделями универсальных смыслов, имеющих форму проявленности в виде визуальных эквивалентов (универсальные визуальные символы). Характер синергии данных архетипов между собой находится в зависимости от парадигмы мышления эпохи, которая, в свою очередь, символизирует характер взаимоотношений Человека и Среды (Культуры и Природы). Культурные универсалии мезоуровня (архетипы) являются «словарём» для воплощения смыслов того или иного общества на последующих уровнях при помощи соответствующего культурного кода. Культурный код, представляющий собой свод правил, модель взаимодействия с окружающим миром, в фундаментальной своей основе формируется на мезоуровне через отношения в системе «Культура — Природа».

На мегауровне культуры архетипические смыслы транслируются в конкретно-исторических и пространственных условиях, слагая историческую и этническую картины мира в границах ментальной модели мира, соответствующей парадигме мышления этого периода. «Модель мира показывает место человека в мире, соотношение экологического и социокультурного бытия, создает смыслообразующий целостный ориентир жизнедеятельности» [5. С. 22]. В соответствии с моделью мира выстраиваются ментальные модели эстетического идеала культурного пространства в целом, культурных норм и традиций в частности. Культурные универсалии, участвующие в трансляции этих моделей, претерпевают трансмутацию, приобретая форму групп менее абстрактных символов и имеющих как вербальную, так и визуальную форму выражения.

Следующий уровень пространства культуры — макроуровень является уровнем проявленности ментальных моделей мегауровня (эстетические идеалы), где решающую роль в становлении образных структур играет «модель пространства». Содержание любого культурного цикла связано с определённой пространственной моделью, выступающей в качестве средства

I — ось идеальной среды
m — ось материальной среды
уровень микрокультуры
уровень макрокультуры
уровень мегакультуры
уровень мезокультуры

Рис. 1. Модель пространства культуры в системе «человек-среда»

проявленности ментального содержания. Так, на основе модели пространства приобретают проявленность образы «Города», географического пространства, социокультурные образы, формирующие нормы субэтнических, социальных групп общества. Данный уровень формирует «силовое поле» визуальных моделей, удерживая в общественной коммуникации набор значений и смыслов культуры.

Завершающим этапом трансляции смыслов и трансмутации символов культуры во внешнем пространстве является микроуровень, формирующий те социокультурные пространства, которые имеют самое тесное взаимодействие с «внутренним пространством» индивида. Это семейные, родственные и дружеские группы, профессиональные коллективы — круг непосредственного общения, а также пространство, в котором протекает повседневная жизнь человека. Этот уровень формирует тип сознания, культурные нормы и традиции микро-общества, образ архитектурной среды как обжитого, осмысленного пространства. На данном этапе трансляции культурные смыслы закрепляются в виде сложившихся культурных норм, знаков-вещей и семиотических текстов, формирующих систему ценностей субъекта-индивида.

Внутреннее пространство условной модели трансляции смыслов культуры представляет собой внутренний мир индивида, где смыслы проявляются на уровне сознания, становятся общепринятыми и проработанными рационально. На этом этапе происходит осмысление архетипических универсалий, формирование в сознании индивида образа базовой личности эпохи как становление эстетического идеала. В соответствии с конкретно-историческими и пространственными условиями формируются нравственные ценности субъекта-индивида и субъекта-личности, где человек предстаёт как носитель культуры, член общества, создающий в своей обыденной и профессиональной деятельности социокультурные пространства, наполненные глубоким смысловым звучанием. Внутренний потенциал субъекта, сформированный культурной средой, является катализатором зарождения новых идей, смыслов и нового витка смыслообразования.

СИНЕРГИЯ БАЗОВЫХ ОБРАЗОВ, ТРАНСЛИРУЮЩИХ КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

Итак, в иерархии аксиологических образов эстетические образы занимают особое место. Они на завершающем этапе трансляции смыслов культуры становятся формой выражения эстетического отношения человека к комплексу текстов, целому пласту смысловых наслоений мировоззренческого и нравственного характера. В целом рассмотренную систему образных структур, участвующих в трансляции смыслов культуры, возможно представить в виде синергии трёх базовых эстетических образов — эстетический идеал эпохи (ЭИЭ), эстетический образ места (ЭОМ) и эстетический образ жизни (ЭОЖ).

Так, на мезо- и мега- уровнях культуры формируются парадигма мышления и модель мира — мировоззренческие ценности, в границах которых слагается идеальная модель мировосприятия (эстетический идеал эпохи), влияющая на характер смыслообразующего основания всего пространства культуры той или иной эпохи. Столь ёмкому содержанию этой культурной модели соответствует настолько же ёмкая и абстрактная по степени обобщения форма коммуникации — архетип. Архетип, являясь первообразом, содержит в своём глубинном основании суть непроявленных смыслов, символическая формула которых позволяет «проявляться» как в визуальных, так и в вербальных символах.

Эстетический идеал эпохи формирует эстетический образ «Места», который является ёмким и общим выражением образных структур макро- и микроуровня пространства культуры в системе «человек-среда». Он вмещает в себя группу образов, которые имеют в своей основе соответствующую ментальную модель

пространства, и формируются под воздействием образов «Города» и географического пространства. Образ «Города», сам по себе обладающий глубокой символикой и означающий значительно больше, чем просто населённый пункт, играет особое значение в формировании образа места. Он воспроизводит в своей структуре модель мира в соответствии с культурным кодом тех пространственно-временных координат, в которых он находится. «Каждый город имеет свой небесный архетип, прообраз, которому он пытается соответствовать, свою сакральную историю. Основание любого города — это некое повторение мифа о сотворении мира» [1]. Благодаря этому географическая среда, в пределах которой существует и развивается культура, неизбежно становится символической средой жизнедеятельности

человека, включаясь в семиотическое пространство, приобретая характер культурного ландшафта как знаковой системы. «Топонимы и собственно географические локусы в такой системе выступают в роли знаков, образы — в роли означаемых. Прочтение текста культурного ландшафта находится в прямой зависимости от восприятия и моделирования образов места. И наоборот, образ места обретает особую значимость, если он воспринимается не сам по себе, а в контексте культурного ландшафта района, страны» [3]. Образ места, представляя собой модель культурно освоенного географического пространства, является чувственно воспринимаемым пространством и даже в ментальной форме имеет форму выражения визуального конструкта.

И, наконец, «образ жизни» индивида, «базовой личности» эпохи находится в прямой зависимости от культурных смыслов, заложенных в ментальных моделях пространства культуры. Именно по этой причине образ жизни является ярким, чувственно осязаемым проявлением образа культуры. Каждое общество с соответствующим ему способом существования создаёт специфические для него формы бытия человека с определёнными способами организации общения, поведения, стиля жизни, повседневного «сценарного плана» образа жизни. Образ жизни это «... динамический социокультурный «портрет» членов общества, представленный через процессы их жизнедеятельности в определенных условиях, целостность, обладающая культурным смыслом и обусловленная способностью человека к результативной активности» [4]. Для образа жизни как оформившейся характеристики первичной формой коммуникации является вербальная форма выражения.

Итак, в качестве обобщения результатов систематизации процесса трансляции смыслов культуры нами предлагается аксиологический модуль (рис. 2), представляющий собой синергию базовых эстетических образов. Аксиологический модуль по своей сути выполняет роль универсального культурного кода, поскольку слагающие его образные структуры отражают основные ценностные ориентиры общества и представляют модель взаимодействия с окружающим миром.

Трансляцию смыслов культуры данный модуль в предельно условной форме иллюстрирует в своей иерархической структуре, где эстетический идеал эпохи в качестве ментальной модели транслирует непроявленное содержание культурного пространства на уровне проявленности образа жизни и образа места.

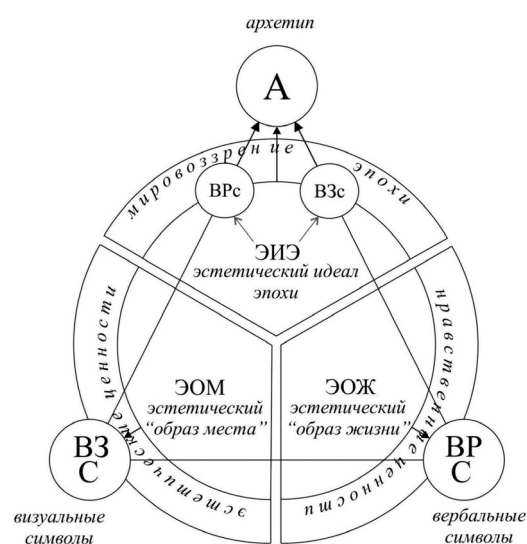

Рис. 2. Аксиологический модуль пространства культуры

Формы языковой коммуникации базовых образов также соответствуют данной иерархии — архетипические смыслы при трансляции приобретают форму вербальных и визуальных символов.

Каждый из базовых образов содержит в своей основе группу подобразов, сформированных аксиосферой пространства культуры. Подобразы при трансляции носят первичную форму коммуникации, приобретая вторичную форму в процессе трансмутации семиотической информации в границах оппозиций «визуальное-вербальное», «природное-культурное».

Таким образом, модуль, представляя собой аксиологическую концепцию, может служить культурным кодом при анализе и проектировании культурного ландшафта по принципу как «от общего к частному», так и «от частного к общему». При анализе уже сложившегося пространства культуры с достаточно изученными и чётко обозначенными характеристиками эстетического идеала эпохи, образа жизни и образа места использование иерархической структуры образов позволяет выявить генезис базовых образов исследуемого пространства культуры — структурообразующие архетипы.

При решении проектно-эстетических задач современности использование аксиологического модуля позволяет визуализировать образ предметно-пространственной среды (образ места) на основе анализа эстетического идеала и образа жизни. Следовательно, при более глубокой и детальной проработке предложенного направления использование модуля в качестве инструмента «измерения» семиотического текста может служить методологическим аппаратом при анализе различного по форме языковой коммуникации артефакта в любых пространственно-временных координатах.

Кроме того, систематизация процесса смыслообразования в виде иерархии образов в соответствии с уровнями и сферами культуры способствует более глубокому изучению эстетической ценности предметно-пространственной среды во взаимосвязи с аксиологической концепцией пространства культуры, что весьма полезно при обучении специалистов в области архитектурно-дизайнерского проектирования.

Список литературы и источников

1. *Гурин С. П.* Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты. [Электронный ресурс.] URL: http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm#_ednref1
2. *Забродина Г. Д., Кулиненко Т. В., Старостин Г. Г.* Модель пространства культуры в системе «человек-среда»: онтология эстетической ценности // «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики». — Тамбов: Грамота, 2014. — № 12, часть 3. — С. 81–87.
3. *Лавренова О. А.* Образ места и его значение в культуре провинции. [Электронный ресурс.] URL: http://www.e-reading.life/chapter.php/137716/62/Abashev_Belousov_Civ'yan_-_Geopanorama_ruskoii_kul'tury_Provinciya_ii_ee_lokal'nye_teksty.html
4. *Орлова Э. А.* Теоретическая модель образа жизни: Связь человека с социокультурной средой [Электронный ресурс.] URL: <http://www.countries.ru/library/antropology/orlova/obraz.htm>
5. *Санжеева Л. В.* Концепция модели мира в культуре (образ мира — картина мира — модель мира: соотношение понятий): учебное пособие. — СПб.: Астерион, 2010. — 45 с.

УДК 008(091)

Методы изучения визуального облика промышленной архитектуры дореволюционного Саратова

Methods of studying the visual appearance of the industrial architecture of pre-revolutionary Saratov

© Архангельская Инна Викторовна
Arkhangelskaya I.V.

ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина».

Россия, 410054, Саратов, ул. Политехническая, 77.

E-mail: anp-inna@yandex.ru

Статья поступила 31.08.2015 г.

В статье предпринята попытка создания методологического алгоритма исследования текстов промышленной архитектуры дореволюционного Саратова, который позволяет осмыслить механизм трансформации исследуемого информационного поля.

Ключевые слова: промышленная архитектура, константы, информационное поле, смыслы, эмоциональный отклик.

In article attempt of creating a methodological algorithm of research of texts of the industrial architecture of pre-revolutionary Saratov, which allows to understand the mechanism of transformation of researched information field.

Key words: industrial architecture, constants, information field, meanings, emotional response.

Постановка проблемы. Архитектурные объекты как составляющие социокультурного контекста определяют смысл городской жизни и наполняют её символическим содержанием. Интерпретации и ассоциации архитектурных форм меняются со временем, но основные архетипы содержания остаются неизменными. Объекты индустриального зодчества дореволюционного Саратова, возникшие на рубеже XIX–XX вв., представляют собой уникальные архитектурные пространства, которые создавались в период всеобщего воодушевления возникшими техническими возможностями промышленного производства и несут в себе целый спектр разнообразных смыслов. Промышленная революция, повышение производительности труда путём использования парового двигателя внесли изменения в общественную жизнь, повлияли на мышление и чувства людей. Этот период обусловил ломку традиционных представлений об архитектуре. Были созданы сооружения, которые впечатляли своими гигантскими размерами, сложными конструкциями и пространственной организацией. Машинные формы заводов выражали новые идеалы технического века, объекты промышленного зодчества занимали доминирующие позиции в системе городского пространства и отражали культуру своего времени. Представляется интересным рассмотреть механизм трансформации информационного поля промышленной архитектуры дореволюционного Саратова, которая представляет собой благодатную материальную и культурную базу для реактуализации и адаптации в современной городской среде.

Степень изученности проблемы. Определяющее значение для исследуемой работы имела работа У. Эко «Отсутствующая структура. Введение в семиологию», где автор отделяет первичное функциональное значение архитектуры от символического, называя его вторичными, коннотируемыми функциями. Предполагается провести исследование промышленной архитектуры как знаковой системы, определить её коды, которые служат инструментами считывания информации. Как пишет Ю. М. Лотман: «Основу культуры составляют семиотические механизмы, связанные, во-первых, с хранением знаков и текстов, во-вторых, с их циркуляцией и преобразованием и, в-третьих, с порождением новых знаков и новой информации» [1]. Семиотический анализ позволяет выявить смысловое наполнение объекта и механизм превращения знака в символ, проанализировать семиозис (способ функционирования знака) и выявить закономерности трансформации смыслов.

Целью статьи является описание основных культурологических подходов в исследовании визуальных форм архитектуры, на основании которых разрабатывается методологический алгоритм исследования визуального облика промышленной архитектуры дореволюционного Саратова. В нашем случае на первом этапе исследования мы определяем историческую память объекта, далее рассматриваем его коммуникативные свойства и, наконец, варианты реактуализации.

Объекты промышленной архитектуры представляют собой многослойный и семантически неоднородный текст, который обнаруживает способность накапливать информацию и продуцировать в пространство поток знаков и сигналов, а также трансформировать сообщения и вырабатывать новые. Ю. М. Лотман в статье «Текст и структура аудитории» пишет о том, что информация (текст) в процессе передачи, дешифровки, декодирования получателем деформируется, поэтому ее передача неизбежно становится и процессом рождения «новой информации», и утраты ее первичного смысла вследствие невозможности полной «переводимости» на язык приемника. В таком случае всегда мы имеем дело с процессом рождения «текста 2». Причина тому кроется в «вариативности человеческой личности, развиваемой и стимулируемой всей историей культуры» [2]. Информационный заряд исследуемых объектов, насыщенный собственной духовностью и трансформируемый в процессе передачи, имеет собственный код, выявив который мы получаем ключ к пониманию смыслов региональной культурной символики. Здесь на помощь приходят узнаваемые образы и сюжеты культурных констант, способные дать новый импульс культурным процессам в момент реактуализации и деформации. Культурные константы позволяют обнаружить основы регионального самосознания, это первоэлемент региональной культуры, её фундамент. Наиболее последовательная концепция культурных констант даётся в работах Ю. С. Степанова и С. Г. Проскурина. В работах этих авторов под константами культуры понимаются концепты, существующие долгое время. По мнению Ю. С. Степанова, «концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой обычный человек, не «творец духовных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [3]. Поддерживая определение А. Л. Жебраускаса: «слово «константа» мы употребляем в своём качественном значении — «самое значимое», «системообразующее», а не в буквальном — «непреходящее», «неизменное».[4] Исследование констант носит прикладной характер и базируется на рассмотрении культуры как открытой саморазвивающейся системы. Могут появляться новые или видоизменяться существующие константы, но всегда существуют «доминантные константы», обеспечивающие основу культуры, именно изучение «доминантных констант» обеспечивает возможность прогнозировать происходящие изменения.

Для выявления констант промышленной архитектуры Саратова необходимо проследить процесс формирования промышленного потенциала города

и губернии, который складывался под влиянием природно-климатических, социально-культурных и экономических факторов.

По словам Тарасовой Л. Г., расцвет Саратова пришёлся на конец XIX в., когда он «становится одним из крупнейших городов России, опередив по численности населения все волжские города. Этому способствовал целый ряд удачно сложившихся обстоятельств, как внешних, так и внутренних. Через Саратов прошла Тамбовско-Саратовская ветка железной дороги, развивалось пароходство» [5] Традиционными видами сельскохозяйственной деятельности для саратовской губернии были выращивание подсолнечника и пшеницы твёрдых сортов, и как следствие своё развитие получили мукомольное и маслобойное производство. «В 1895 году по количеству размалываемой муки саратовские мукомолы занимали первое место в Поволжье. В Саратове уже было 16 паровых мельниц, которые перемалывали 58950 пудов зерна в сутки. Только две мельницы Рейнике и Шмидта давали в сутки 33 тыс. пудов» [6]. Развитие мукомольного производства способствовало появлению наиболее значимых объектов промышленности Саратова — паровых мельниц Шмидтов, Рейнике и Борелей. Владельцами крупнейших мельниц были выходцы из немецких колоний, эти промышленники составляли определённый «клан», создавший своеобразный и узнаваемый «немецкий» стиль промышленной архитектуры Саратова. Самые значимые из них — паровые мельницы, которые благодаря своим масштабам и своеобразному облику заняли доминирующие позиции в системе городского пространства.

Маслобойное производство в Саратове возникло в 40–50-е гг. позапрошлого столетия, но наивысшего расцвета оно достигло в 80–90 гг., чему способствовала неистощимая сырьевая база и хорошие транспортные связи. Владельцами маслобоек были, в основном, члены известных старообрядческих купеческих фамилий Саратова — Кудасовы, Ляховы, Калашниковы. Архитектура маслобойных заводов отличалась традиционными формами и сомасштабностью по отношению к окружающей застройке. Если визуальный облик паровых мельниц, сформированный под влиянием столичных, западных и местных контекстов, отсылал нас к образу средневекового замка или крепости, то маслобойки мало чем отличались от рядовой купеческой застройки — двухэтажного дома с окнами, украшенными кирпичным декором в виде кокошников, и отражали исключительно влияния местной среды.

Следует выделить ещё два направления развития промышленной архитектуры дореволюционного Саратова — это предприятия металлообработки и объекты, построенные в стиле «промышленный модерн». Металлообрабатывающее производство — новая для Саратова того времени отрасль производства, крупнейшие представители этого направления — гвоздильно-проволочный завод Гантке и котельный завод Беринга. Архитектура этих предприятий строгая, функциональная, исключая декор и образные решения, была направлена главным образом на рациональное решение пространства. Владельцами этих заводов были подданные Германии, что определило западные влияния при формировании архитектурного облика предприятия.

В этот же период в городе появились промышленные объекты актуального тогда стиля модерн, направления в архитектуре, призванного искать новые нетрадиционные формы и образы. Эта архитектура, сложившаяся под влиянием столичных контекстов, в отличие от предприятий металлообработки стремилась к образным решениям и необычным, экстравагантным формам, обогащающим городскую среду.

Таким образом, мы можем выделить четыре константы:

«Предприятие металлообработки» — сложилась под влиянием западных контекстов.

«Промышленный модерн» — пришла к нам в город из столиц.

«Маслобойный завод» — отражает региональную культурную символику.

«Мельница» — самая масштабная и значимая, аккумулирует в себе столичные, западные и региональные влияния.

Объекты промышленности, не вошедшие ни в одну из выявленных констант, так или иначе отражают в своём облике собирательные образы региональных концептов. В основном это оригинальные визуальные решения объектов, созвучные по своим смыслам константе «Мельница», но в силу иных технологий производства, обладающих гораздо меньшими масштабами.

Промышленная архитектура, наполненная определёнными смыслами, которые, пройдя через сознание горожан, приобретают иное звучание. Представляется уместным рассмотреть константы промышленной архитектуры через призму информационного поля с целью выявления механизма трансформации их смыслов. Архитектор и заказчик создают объект, закладывая в него определённые смыслы, объект обладает свойствами эти смыслы трансформировать, оставляя при этом неизменным «ядро». Объект является носителем информационного потока, который делится на две части: семантическую и эстетическую. В нашем случае семантический поток — это значение формы, её логическое осмысление, а эстетический поток — это образ формы, её эстетическое восприятие. Эти два потока, объединяясь, вызывают у зрителя эмоциональные отклики, которые разнятся в зависимости от социально-психологического типа личности воспринимающего субъекта, но в итоге складываются в определённую систему смыслов, являющуюся определяющей на рассматриваемом историческом этапе. Наша задача — выявить ядро константы и проследить характер трансформации смыслов на различных исторических этапах.

Анализ трансформации смыслов, выявление закономерностей позволит разработать рекомендации по регуляции смыслового обогащения объектов промышленности при помощи таких методов как реанимирование и акцентирование первоначальных смыслов, восстановление участков производства с использованием традиционных технологий, организация промышленного туризма и насыщение объекта новыми функциями, способствующими его активному включению в городскую среду.

В настоящее время у нас отсутствует культура освоения архитектуры промышленного наследия. Инвесторы, так же, как и простые горожане не осознают ценности и перспектив использования этих объектов. Исследование промышленной архитектуры дореволюционного Саратова с использованием информационного подхода на основе семантического анализа послужит хорошей базой для разработки рекомендаций по восстановлению утраченных смыслов промышленной архитектуры, акцентирует внимание граждан на особенностях городской среды, что даст импульс к формированию осознания эстетической ценности промышленной архитектуры и развитию региональной культуры в целом.

Список литературы

1. *Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. — СПб.: «Искусство—СПБ», 2002. — 768 с.*
2. *Лотман Ю. М. Феномен культуры / Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. — Таллинн, 1992. — 1440 с.*
3. *Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М.: Академический Проект, 2004. — 144 с.*
4. *Жебраускас А. Л. Понятие культурных констант и поиски ориентиров постсовременности / Жебраускас А. Л. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2006. — №20. — С. 43–48.*
5. *Тарасова Л. Г. Ментальность городского социума как фактор развития города // Вопросы культурологии. — 2014. — №6. — С. 16–24.*
6. *Энциклопедия промышленности, строительства и бизнеса Саратовской области. — Саратов: Приволжское книжное издательство, 2005. — 480 с.*
7. *Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. — Milano: 1968. — 432 с.*

УДК 008.001.14

Антропологическая реальность рекламы

Anthropological reality of advertizing

© Кошетарова Людмила Николаевна
Koshetarova L.N.

ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный институт культуры».
Россия, 625000, Тюмень, ул. Республики, 19.
E-mail: ljudmila-k2002@mail.ru

Статья поступила 23.08.2015 г.

В статье анализируются различные стороны рекламной реальности. С антропологической точки зрения рассматриваются концепции виртуальной реальности. Показано, что реклама является частью антропологической реальности и подобно ей подвержена динамическим изменениям.

Ключевые слова: реклама, рекламная реальность, культурная реальность, антропологическая реальность, виртуальная реальность, человек, смысл.

The article analyzes the various aspects of the advertising reality. From an anthropological point of view, considered the concept of virtual reality. It has been shown that advertising is part of the anthropological reality, and like her is subject to dynamic changes.

Key words: advertising, advertising reality, cultural reality, anthropological reality, virtual reality, man, a sense.

Что представляет собой рекламная реальность? В философии под реальностью понимается вся существующая действительность, которая может быть как объективной (материальной), так и субъективной (нематериальной). Как объективная реальность реклама предстаёт в своём материальном проявлении (в различных рекламных средствах и формах). Субъективную реальность рекламы можно определить как явление сознания, возникающее при восприятии человеком рекламных текстов и образов.

С культурологической точки зрения существует два противопоставляемых друг другу типа реальности: реальность Природы и непосредственно созданная человеком реальность Культуры. Культура в свою очередь подразделяется на такие исторически обусловленные реальности существования человека как: реальность предметного мира, реальность образно-знаковых систем и реальность социального пространства. Основным свойством, отличающим культурную реальность от природной, является наличие в ней такого специфического атрибута, как смысл. Культура при этом предстаёт как вдохновляющий и сплачивающий людей смысловой мир, который передаётся из поколения в поколение и определяет способ бытия и мироощущения человека.

В этом контексте создаваемый человеком мир рекламной реальности представляет собой субъективно-объективную «рекламную картину мира», которую В. Т. Ганжин определяет как общее смысловое пространство действия различных участников рекламного процесса. Рекламная картина мира полностью соответствует содержанию рекламного процесса и его

информационно-знаковой и социально-коммуникативной направленности. Рекламная реальность неотделима от реального товарного мира производителей, потребительского мира покупателей, саморегулирующегося мира законодателей и рекламистов, т. к. складывается из ценностных ориентаций, профессиональных, гражданских и потребительских притязаний всех участников рекламной деятельности [2. С. 143–144].

С наступлением третьего тысячелетия в антропологической реальности всё больше места отводится виртуальной реальности, характеризующейся перемещением человека «из реальной предметной действительности в действительность знаковую — действительность рекламы, пиара, масс-медиа и различного рода технологий, которые не имеют вещного естественного референта» [6. С. 76]. Антропологическая реальность динамична, в ней находят отражение все изменения, происходящие с человеком и в человеке. В концепции энергийной антропологии С.С. Хоружего антропологическая реальность рассматривается в плане энергии, в измерении бытия-действия, где центральным понятием становится «энергийный образ» человеческого существа — меняющаяся динамичная совокупность всех его разнородных и разнонаправленных энергий [8]. Виртуальная реальность в его понимании представляет собой «недоволенную антропологическую реальность», не получившую части свойств действительной, полноценной реальности, как бы клубящуюся вокруг реальности полноценного, не виртуального опыта. В современных виртуальных стратегиях, считает он, «реализуется энергетика недоволения формостроительной и структурной ущербности» [9. С. 126–127].

Концепция виртуальной антропологии Ф.И. Гиренка строится на знании «об ускользящем бытии человека». Реально существующий человек — это конечный человек, в противовес которому выступает виртуальный «избыточный» человек (несуществующий в объективной реальности). Но в каждом реальном, конечном человеке присутствует виртуальная сторона «место для неосуществимого», которое когда-то называлось душой, а сегодня превратилось в нечто «пустое». Будучи пустым, место неосуществимого может заполняться двумя возможными способами. В первом случае, пустота души заполняется «осуществимым» — обусловленными вещами со свойствами (алкоголем, наркотиками, агрессией). Во втором, — виртуальным содержимым, основу которого составляют эффекты современных коммуникативных технологий [4]. Как коммуникация реклама является тем самым виртуальным «наполнителем», предоставляющим человеку образ чего-то недостижимого и потенциальную возможность прикоснуться к нему путём приобретения реального товара.

В современных исследованиях рекламная реальность чаще всего рассматривается именно как виртуальная реальность. Еще Ж. Бодрийяр писал о рекламе как о мире ненужного, несуществующего, мире «чистой коннотации», отмечая её способность одновременно являться и дискурсом о вещи, и собственно вещью. Всё лучше сопротивляясь рекламному императиву, отмечал он, человек делается всё чувствительней к рекламному индикативу, то есть к самому факту существования рекламы в качестве вторичного потребительского товара. В искусственной реальности рекламы мир предметов заменяется миром рекламных образов, основной функцией которых является функция устранения реального мира. Вступая в диалог с потребителем, реклама предлагает человеку не реальную вещь, а её идею, её идеальный образ, чтение же рекламного образа, отмечает Ж. Бодрийяр — «кратчайший путь отнюдь не к самой вещи, а к другому образу. И рекламные образы сменяют друг друга, словно зачаточные образы в гипногических состояниях» [1. С. 179].

Виртуальная реальность рекламы может быть определена как особое состояние человеческого сознания, возникающее в момент коммуникации

рекламных образов (содержащих в себе определённые виртуальные модели и установки) с потенциальным потребителем [7. С. 106–109]. При совпадении рекламных образов с внутренними (осознанными и неосознанными) желаниями и установками потребителя задействуется соответствующий слой виртуальной реальности человеческого сознания. Умело используя воображение потребителя (его самоидентификацию с рекламными героями и т. п.), реклама исподволь убеждает человека в том, что воспользовавшись определенным продуктом, он автоматически становится обладателем некоей символической ценности. По сути, современная реклама продвигает две структуры: образ жизни в виде типичных ситуаций и товар как незаменимый атрибут желаемого образа жизни. Отказ человека от потребления такого товара-знака равносильен его добровольному отказу от интеграции в социальную жизнь.

Современный человек живет в состоянии «пожалованной» ему свободы: свободы выбора, свободы наслаждения жизнью, свободы быть собой. В виртуальном мире рекламы эта свобода фактически означает свободу выбирать определенный стиль и образ жизни, свободу вести себя иррационально, свободу проецировать свои желания на вещи. Однако, живя в искусственной знаково-образной реальности (мире симулякров и симуляций), человек утрачивает свою сущность, глубину, желание искать подлинный смысл собственного существования.

В рекламной реальности жизнь человека уподобляется игре его образов и социальных статусов (переодеванию масок), при этом личная субъективность индивида предстает столь же изменчивой, сколь изменчивой является окружающая его искусственная реальность. Современный человек, чтобы сохранить способность ориентации в этой искусственной реальности, вынужден приспосабливаться к гетерогенности окружающих его локальных смыслов, истин и норм. Он также вынужден непрестанно адаптироваться к новому, т. к. среда его обитания, жизненный путь, ориентиры и сам смысл жизни меняются соответственно быстрым изменениям потребляемой образно-знаковой информации. В подобной антропологической реальности человек превращается в фрагментарное, лишённое своего центра, сущности и целостности существо [6. С. 77].

Непрекращающиеся гонки в достижении жизненного успеха обостряют в современном человеке интуитивное чувство ускользающей реальности и ощущение той самой пустоты, которую необходимо чем-то заполнить. Эта пустота, по словам Ф. И. Гиренка, — не то, что было изначально пустым, это след того, что было и ушло, след глубинного внутреннего плана (души). В современном человеке «нет больше глубины внутреннего, где рождались бы смыслы и куда можно было бы скрыться. Всё оказывается на поверхности. Поверхностным» [4]. Смыслы рождаются внутренним планом человека, события — внешним. Нарастивание событийного (коммуникационного) состава повседневной жизни ведёт к расширению внешнего плана человека и к замещению смыслопорождающей (глубинной) реальности виртуальной (поверхностной) реальностью. Неслучайно в своих антропологических учениях Р. Барт, Ж. Лакан, Ж. Бодрийяр и др. констатируют наступившую «смерть субъекта», смерть личностной человеческой сущности, человеческой стабильности и истинности.

Однако с тем, что в современном мире наступила «смерть субъекта» согласны далеко не все исследователи антропологической реальности. Так, Ж. Липовецки считает, что в современном мире произошло перерождение субъекта, повлекшее за собой возникновение нового антропологического типа, основными характеристиками которого становятся свобода личности, уважение инакомыслия, гедонистические ценности, свобода мнений, психологизм, раскованность, юмор и искренность. Новый антропологический тип — это новая личность, возведенная современным обществом в ранг высшей ценности, ибо

признаны её субъективное своеобразие и неповторимость, право индивида быть самим собой, наслаждаться всеми радостями бытия, жить свободно, не подвергаясь принуждению, самому выбирать свой способ существования [5. С. 20–21]. В изменяющемся обществе идеология конкуренции постепенно отступает, заменяясь «философией» личностного самоосуществления, согласно которой индивиды самореализуются в своем потреблении. В адаптациях постоянно изменяющихся стилей жизни человек ищет свою новую идентичность и индивидуальность. Новая антропологическая реальность как бы компенсирует утраченную ориентацию на высокую классику бесконечной подвижностью, бесчисленной вариативностью и многоликостью.

Подобного мнения придерживается и С.С. Хоружий, считающий, что на рубеже тысячелетий всё больше и всё очевидней «начал крупно меняться сам человек». Современный человек «уже не субстрат, а субъект, герой разыгрывающихся перемен. И это значит, что наряду с динамикой исторической, социальной, культурной существует и собственно антропологическая динамика, которая не только производна от этих знакомых видов, но именно сейчас, в эти дни, убыстряясь и нарастая, приобретает над ними приоритет. ... Налицо углубляющийся антропологический сдвиг, который захватывает всё — соматику, перцепции, интеллект...» [9. С. 131–132].

Ф.И. Гиренко также отмечает, что современный человек из обывателя превращается в «бунтовщика» — человека, полностью заданного коммуникативными структурами, раскрытого событиям и позиционирующего себя в качестве события. Бунтовщика характеризует ориентация на внешнее, на форму, с помощью которой он надеется вернуть себе смысловую обитаемость мира. Новый виртуальный человек настроен революционно, он покидает мир внутреннего, чтобы изменить предметный мир, но желает остаться на поверхности событий (не быть обывателем). Однако единственным шансом для существования и выживания этого нового человека, утратившего свой внутренний мир, может быть лишь жизнь в виртуальной реальности (частью которой является рекламная реальность), ибо только она способна заместить ему смысл, обитаемость и душу [4].

Д.Н. Боровинская делает вывод, что сегодня, на фоне существующего процесса превращения большей части общества в тотальных массовых потребителей в человеке начинает формироваться антагонистическая составляющая. Формируется существенно иная ситуация, когда развитие новой эпохи означает становление многомерного мира, характерного прежде всего тем, что интересы современного человека начинают радикально выходить за пределы, задаваемые одним лишь стремлением удовлетворить свои материальные нужды. В новых условиях проявляется тенденция формирования неэкономических ценностей, объективно востребованными становятся такие человеческие качества «как креативность, информативность и активность, которые могут способствовать прогрессивному развитию общества, сохранению и выживанию цивилизации в целом» [2. С. 65].

Как часть антропологической реальности пространство рекламы также подвержено динамическим трансформациям, однако его изменение происходит с некоторым отставанием. Основной содержательной концепцией современной рекламы пока ещё остаётся продвижение образа «Человека Потребляющего» и его неподлинного способа жизни, но этот сценарий уже устарел. Реклама помогает современному человеку адаптироваться в стремительно меняющемся мире, потоках информации, смене культурных и жизненных ориентиров, но для нового антропологического типа она уже не является алгоритмом готовых, спускаемых сверху решений, т. к. он настроен делать собственный ответственный выбор. Сегодня всё большее число прогрессивно мыслящих людей (тех, кому не безразлично ощущение целостного единства мира и собственная реализация в нём) теряет интерес к рекламе,

ориентированной на одномерного массового потребителя. Поиски новой идентичности ведут современного человека к разносторонности и многоликости, утратив одномерную цельность, он раскрепощается в своем развитии и получает возможность продолжать работу по самоконструированию своей человеческой сущности.

Чтобы «идти в ногу со временем», реклама должна улавливать динамику изменений, происходящих с современным человеком, и ставить перед собой цель удовлетворения его разумных потребностей, способствующих развитию подлинно человеческих качеств (стремлений к истине, добру, красоте, знаниям). Новая реклама должна соответствовать мировоззренческим интересам современного человека, четко отражать происходящие в нём изменения, а сам рекламный процесс должен предоставлять потребителю реальную свободу выбора и осуществляться как творчество, новация и активность, исходящие от субъекта.

Список литературы и источников

1. *Бодрийар Ж.* Система вещей. — М.: Рудомино, 2001. — 218 с.
2. *Боровинская Д. Н.* Креативно-информационная модель человека: философский анализ социальных взаимосвязей: монография. — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2010. — 128 с.
3. *Ганжин В. Т.* Основы рекламного мышления. — М.: Фонд НИМБ, 2001. — 289 с.
4. *Гиренок Ф. И.* Антропология виртуальности [Электронный ресурс.] // Полигнозис. — № 4. — 1998. — URL: <http://www.polygnozis.ru/default.asp?num=6&num2=309>
5. *Липовецки Ж.* Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. — СПб.: Владимир Даль, 2001. — 331 с.
6. *Очерки теории и истории культуры XX века / Отв. ред. Ю. В. Петров.* — Томск: Томский гос. ун-т, 2007. — 440 с.
7. *Сибин М. С.* Реклама как продуцент виртуальной реальности // Омский научный вестник. — 2009. — № 3 (78). — С. 106–109.
8. *Хоружий С. С.* Заметки к энергичной антропологии // Вопросы философии. — 1999 — №3. — С. 55–84.
9. *Хоружий С. С.* К антропологической модели третьего тысячелетия // Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. — М.: ИФ РАН — 2002. — С. 108–136.

В России разработаны рекомендации по управлению интеллектуальной собственностью в научных организациях и вузах

Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП) при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации подготовил Рекомендации по управлению интеллектуальной собственностью в российских научных организациях и организациях высшего образования.

Основная цель издания – мотивировать образовательные и научные организации использовать результаты интеллектуальной деятельности, получая от этого в том числе экономическую выгоду через механизм малых инновационных предприятий.

Рекомендации способствуют обмену опытом, распространению лучших практик, использованию инструментов интеллектуальных прав и развитию кооперации.

В Рекомендациях помимо методического материала содержатся примеры успешного управления интеллектуальной собственностью научными организациями и вузами.

Источник: <http://минобрнауки.рф/новости/7918>

УДК 377.3:7.03

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ
4/2016

Создание Школы народного искусства: взгляд из настоящего в прошлое

The foundation of the school of folk art: a view from the present to the past

© Максимович Валентина Федоровна

Maksimovich V.F.

ФГБОУ ВПО «Высшая школа народных искусств (институт)».

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 2, литера А.

E-mail: vshni@mail.ru

© Александрова Наталья Михайловна

Alexandrova N.M.

ФГБОУ ВПО «Высшая школа народных искусств (институт)».

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 2, литера А.

E-mail: profped@bk.ru

Статья поступила 25.11.2015 г.

В основу исследования вошли документы фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Российского государственного исторического архива, часть которых ранее не была опубликована. Представлены этапы и социально-образовательные условия появления в начале XX в. Школы народного искусства в Санкт-Петербурге. Охарактеризована специфика становления обучения рукоделию девочек и девушек в России, что повлияло на создание Школы народного искусства.

Ключевые слова: российская история профессионального образования, рукоделие, традиционное прикладное искусство, Школа народного искусства, Высшая школа народных искусств.

The study includes documents of funds of the Central State Historical Archive of St. Petersburg, the Russian State Historical Archive, part of which has not been previously published. The stages of social educational conditions for the appearance at the beginning of the XXth century the School of Folk Art in St. Petersburg are presented. The specific of formation of handicraft teaching of girls in Russia is characterized, which influenced the creation of the School of Folk Art.

Key words: Russian history of vocational education, handicraft, traditional applied art, School of folk art, Higher School of Folk Arts.

Достижения традиционного прикладного искусства всегда определяло образование, которое из подсадничества и ученичества в XVIII и XIX вв. развилось в государственную систему среднего и высшего профессионального образования.

В XIX и XX вв. в России возникли новые учебные заведения, готовившие профессионалов в области традиционного прикладного искусства. Среди них Школа рисования в отношении к искусствам и ремёслам — один из старейших центров художественного образования в области декоративно-прикладного искусства, основанный графом С.Г. Строгановым (с 1860 г. — Строгановское училище технического рисования).

С 1796 г. императрица Мария Федоровна, супруга императора Павла I, взяла под свое ведение воспитательные дома и Смольный институт. В 1828 г. было учреждено ведомство, названное в ее честь, где сложилась система женских учебных заведений [1. С. 83]. Искусству уделялось внимание в мариинских училищах (с 1862 г. — мариинских гимназиях) и мариинских

институтах. Мариинские женские училища составляли промежуточную ступень между начальными низшими школами и средними учебными заведениями, были предназначены для девушек низших слоев городского населения, не нуждающихся в гимназическом образовании и не имеющих доступа к простой школе грамотности. Их целью было не только формирование религиозно-нравственной воспитанности учениц, знание ими предметов, но и подготовка учениц к изучению ремесел через чистописание, рисование, черчение, рукоделие. При этом училища имели общеобразовательный, а не ремесленный характер, поэтому позволяли осваивать законченное элементарное образование. В них принимались на обучение девочки 9–11 лет за плату 30 рублей в год. Курс учения был четырехгодичный. Мариинские училища были открыты в Санкт-Петербурге, Вышнем Волочке, Симбирске, Батуме, Самарканде и других городах. В дальнейшем училища были переименованы в гимназии, в которых сохранилось обучение рукоделию. К январю 1898 г. количество женских профессиональных школ и общеобразовательных учебных заведений с преподаванием рукоделия увеличилось до 270 [2. С. 302].

Рукоделие преподавали и в школах Императорского женского патриотического общества. К началу XX в. обществом опекалось более 2000 детей и 21 учебное заведение, среди которых: Сухаревская, Алексеевская, Михайловская, Елизаветинская, Николаевская, Рождественская, Голицинская, Ларунская, Московская, Ольденбургская и другие школы.

Архивные документы свидетельствуют о тщательности подготовки к экзаменам по рукодельным выпускным предметам во всех школах, о сроках и процедуре прохождения экзаменов, серьезном анализе достижений обучаемых. Так, сохранился приказ по Императорскому женскому патриотическому обществу № 396 от 5 февраля 1911 г. о том, что условиями допуска учениц к отдельным экзаменам служат удовлетворительные отметки по рукодельным предметам не ниже «9», по рисованию — не ниже «7» и удовлетворительное состояние здоровья (отсутствие болезни глаз при вышивке, отсутствие головокружения при кройке). Экзамен по рукодельным предметам школ Императорского женского патриотического общества проходил среди учениц младших и старших классов в помещениях Зимнего дворца Санкт-Петербурга. Этапы его прохождения были четко прописаны в «правилах для устройства экзаменов, выставок и производства экзаменов». В дни экзаменов ученицы классов, не участвующих в них, обязаны были посетить выставку экзаменационных работ. По архивным документам только 28 марта экзаменовалось 166 учениц. Лучшие ученицы по поведению и в учении награждались памятными книгами.

В тех же документах сохранились списки членов Императорского женского патриотического общества, которым были посланы извещения об экзаменах по рукодельным предметам и расписание этих экзаменов. В списках значатся: принц Е. М. Ольденбургский, кн. О. П. Волконская, гр. М. Ф. Шереметьева, кн. З. Н. Юсупова, гр. В. В. Мусина-Пушкина и др. На экзамене воспитанницы представляли выполненные вручную законченные работы: вышитые изящные покрывала, золотошвейные изделия, художественно исполненные сквозные швы, вышивку по подушке и др. Оценивали работу эксперты, председатель и члены экзаменационной комиссии. После экзаменов проводилась педагогическая конференция для обсуждения результатов занятий в школах Императорского женского патриотического общества. На конференции по итогам экзаменов 1910/1911 учебного года было отмечено, что городские девочки приходят в школу совсем неподготовленными, поэтому рукоделие должно преподаваться в младших и старших классах. Рисование в большинстве школ поставлено неудовлетворительно, что не соответствует общему уровню школы.

Итак, к началу XX в. в России обучение рукоделию развивалось в ремесленных школах и школах без ремесленных классов, гимназиях. При этом общий уровень развития рукоделия не был на уровне высокопрофессионального мастера. Были этому объективные причины: например, низкий уровень подготовки учениц к ручному художественному труду. Кроме того, общеобразовательные и ремесленные школы изначально были ориентированы только на обучение вышивке, шитью, крою. Ученицы почти не изучали старинное шитье и вышивку, не познавали новые виды сложного ручного художественного труда.

Женская школа народного искусства была открыта 13 ноября 1911 г. в Санкт-Петербурге при Императорском женском патриотическом обществе по повелению императрицы Александры Федоровны. В письме императрицы указывается, что это будет «школа 2-х классная с мастерскими, в которых ученицы должны обучаться ткачеству, золотошвейству, ковровому производству и др., проходя курсы рисования и некоторые теоретические предметы, имеющие целью содействовать развитию в них художественного понимания и сознательного отношения к проявлению народного творчества. Открываемая ныне школа будет содержаться не на средства Императорского женского патриотического общества, а на субсидии, выдаваемые Ведомствами, сочувствующими развитию кустарных промыслов, на собственные средства и на средства добровольных пожертвователей» [4. С. 84–85]. Первые деньги — 2000 рублей на содержание школы были пожалованы ее Императорским Величеством Александрой Федоровной и Главным управлением землеустройства и землепользования — 11 000 рублей.

В объяснительной записке к Уставу Женской школы народного искусства И. П. Ямпольский отмечал: «Наиболее жизнеспособными для населения многих сельских местностей являются кружевное, ткацкое, ковровое, золотошвейное, вышивальное и целый ряд других производств. Изделия их носят в себе ярко выраженный отпечаток народного творчества, не могут встретить какой-либо конкуренции ни на отечественном, ни на мировом рынках, так как они ценятся и притом высоко, не в силу их утилитарного значения, но исключительно в силу той особой красоты, которая так присуща всем истинным произведениям народного искусства» [9. С. 1]. Это еще раз доказывает своевременность создания Женской школы народного искусства. В той же объяснительной записке утверждается необходимость подготавливать инструкторов, обладающих познаниями в области народного искусства и знакомых с техникой соответствующего производства.

М. А. Некрасова отмечает, что школа явилась свидетельством государственного понимания роли и места традиционной народной культуры, народного искусства в культуре современной, государственного отношения к этому вопросу [5].

По мнению Н. И. Пономаревой, с 1911 г. в Женской школе народного искусства соседствовали два направления — народные искусства и церковные искусства, поскольку императрица видела неразрывную связь между верой народа и его творчеством [7. С. 579].

В 1911 г. Женская школа народного искусства в Санкт-Петербурге временно располагалась в помещении лепной ремесленной мастерской Общества поощрения художников по Демидову переулку, д. 6. Открывшаяся школа с первых своих дней начала переживать трудности. Так, из-за неприемлемых условий найма пришлось отказаться от занятий в рисовальных классах и не посещать музей Императорского общества поощрения художников. Музей и библиотеку пришлось заменить небольшим собранием произведений народного искусства: вышивок, полотенец, головных уборов, бисерных работ, костюмов различных губерний России, тканей, а также художественной библиотекой будущей попечительницы школы В. П. Шнейдер. При

этом ученицы школы изучали произведения народного искусства в Русском музее императора Александра III, музее Академии художеств и др. музеях. В.П. Шнейдер указывала, что Школа народного искусства — это музей-школа, где собранные со всех краев лучшие мастерицы обучаются по старинным образцам, которые будут храниться в музее русского народного творчества, расположенном в самом учебном заведении [8].

Весной 1912 г. Императорская академия художеств предоставила школе во временное пользование флигель бывшей Государственной типографии на Инженерной улице, д. 2. Для переезда потребовался капитальный ремонт. В 4-х этажном здании соединили учебные мастерские и рисовальные классы с общежитием учениц, в небольшом флигеле во дворе инженером-химиком В. А. Щавинским была оборудована образцовая красильня.

Учениц для Школы народных искусств отбирали из числа уже прошедших обучение в различных школах, в том числе и в школах Императорского женского патриотического общества, а также окончивших курсы женских 2-х классных начальных школ Министерства Народного Просвещения или выдержавших испытания при школе по соответствующей программе. Так, в 1912 г. ученицами Женской школы народного искусства стали девушки из 15 губерний России, в том числе из Архангельской, Витебской, Воронежской, Калужской, Киевской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Псковской, Рязанской, Санкт-Петербургской, Тамбовской, Тверской, Черниговской. Всего на 31 декабря 1912 г. обучалось 37 учениц, из которых 13 вносили плату за обучения сами. К 1 января 1915 г. количество учениц возросло до 83 и география их прибытия увеличилась до 28 губерний.

Полный курс обучения в Школе народных искусств продолжался три года и распределялся на три класса. В программу обучения школы входило изучение художественных ремесел: ткацкого, коврового, золотшвейного и других, а также образовательных предметов: русского языка, арифметики, рисования, черчения, народного орнамента, счетоводства и основ технологии материалов.

Разнообразен был состав служащих Женской школы народного искусства. Кроме надзирательниц, учителей (рисования и гимнастики) и преподавателей (рукоделия, иконописи, пения, гигиены) были руководители (образцовой учебной красильни, рисовального класса и класса работ бисером, церковного отдела), заведующий ткацкой мастерской, лектор по истории орнамента, рисовальщица, мастерицы по коврам, по ткачеству и крашению, по вышивке; мастерица-руководительница золотшвейка; доктор по глазным болезням.

Во второй половине 1912 г. в школе открылся небольшой церковный отдел. Святейший Синод постановил отпускать в течение трех лет по 3500 рублей школе, что позволило устроить при школе небольшую иконописную мастерскую, в которой восстанавливалось старинное письмо. При школе был магазин «Народное Искусство», имеющий свой штат сотрудников (в него входили и рисовальщицы), где продавались изделия «выучениц» школы и поставщиков-кустарей. Магазин продавал кустарные изделия, выполненные в различных кустарных пунктах по образцам, выработанным мастерской образцов школы. Тем самым, школа через магазин влияла на развитие кустарных промыслов.

В 1913 г. школе было присвоено наименование «Школа народного искусства государыни императрицы Александры Федоровны».

12 ноября 1913 г. императрица Александра Федоровна одобрила доклады попечительницы Школы народного искусства В.П. Шнейдер о предполагаемой постройке здания школы с планом помещений и о назначении конкурса для выработки проекта здания. Выделенное место находилось в Михайловском саду на угловом участке, граничившем с берегом реки Мойки

и набережной Екатерининского канала. Архитектор Н. Е. Лансере в решении облика нового здания использовал стиль петровского барокко, чем «удачно смягчил диссонанс, внесенный массивным сооружением Парланда (церковь Воскресения Христова. — В. М., Н. А.) в сложившийся классический петербургский ансамбль, сделал более плавным переход от классицизма к «русскому» стилю» [10. С. 66, 69].

В мае 1914 г. с разрешения Святейшего Синода Школе народного искусства хозяйственным управлением при Храме Воскресенья был предоставлен маленький особняк — церковный домик при храме. В нем расположилось общежитие школы. В том же месяце императрица Александра Федоровна пожаловала школе дачу в г. Луге и наименовала ее «Светелкой», предполагая устроить в ней показательное усадебное хозяйство, в котором ученицы могли бы пополнять свои сведения по огородничеству, садоводству и животноводству во время практики, что обеспечивало будущих инструкторш кустарных промыслов сведениями о деревенской жизни. С начала войны в 1914 г. в Светелке был открыт лазарет, и ученицы ухаживали за ранеными и вели домашнее хозяйство лазарета.

12 июня 1914 г. является днем закладки нового здания школы. В этот день в присутствии членов императорской фамилии, духовенства, представителей власти, деятелей науки и искусства императрица Александра Федоровна собственноручно заложила краеугольный камень в стену школы. В 1915 г. было закончено строительство нового здания Школы народного искусства, проведено его освящение, а с 15 сентября начались занятия.

Школа народного искусства успешно расширяла учебную деятельность. Так, в конце 1915 г. появилась инициатива устроить класс миниатюр и класс финифти, на что было получено разрешение императрицы Александры Федоровны.

Анализ системы обучения и воспитания в Школе народного искусства позволил заключить, что школа была уникальным учебным заведением в области декоративно-прикладного искусства России с высоким уровнем подготовки, несравнимым с периферийными школами аналогичного профиля этого периода. Однако вскоре школа прекратила свое существование в связи с осложнением социально-политической ситуации в стране.

В выстроенном в 1915 г. здании по адресу наб. канала Грибоедова, д. 2, литера А только в 2003 г. по распоряжению Правительства Российской Федерации был открыт вуз — Высшая школа народных искусств (ВШНИ), реализующая непрерывное многоуровневое профессиональное образование в области традиционного прикладного искусства на уровнях среднего профессионального и высшего образования. В Высшей школе народных искусств реализуется несколько направлений подготовки художников: художественное кружевоплетение, художественная вышивка, декоративная роспись по металлу, дереву и ткани, лаковая миниатюрная живопись, иконопись, ювелирное искусство, художественная резьба по кости.

Нельзя считать, что Высшая школа народных искусств напрямую является преемником Школы народных искусств. Их принципиальное отличие друг от друга заложено в уровнях профессионального образования, статусных и нормативных документах, что исходит из результатов исторического развития профессионального образования в России. Однако сохранено историческое предназначение здания — учебное заведение для подготовки кадров, способных выполнять ручные художественные работы по кружевоплетению, вышивке и другим народным искусствам, обучать им детей и взрослых, хранить и приумножать красоту, которая присуща всем истинным произведениям народного искусства.

Достоинством существующей Высшей школы народных искусств является широкий спектр направлений подготовки высококвалифицированных

художников традиционного прикладного искусства, при этом студенты могут обучаться непосредственно в исторически сложившихся центрах народного искусства — филиалах ВШНИ. Просуществовав более 10 лет, данный вуз занял ведущее место в стране в подготовке высококвалифицированных кадров в области традиционного прикладного искусства, которые восстанавливают, сохраняют и развивают подлинное народное искусство.

Список литературы

1. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад; редкол.: М. М. Безруких, В. А. Болотов, Л. С. Глебова и др. — М.: Большая российская энциклопедия, 2003. — 527 с.
2. Энциклопедия профессионального образования: в 3-х т. / Под ред. С. Я. Батышева. — М.: АПО, 1998. — Т. 1 — А-Л. — 567 с.
3. ЦГИА СПб, ф. 535, оп. 1, ед.хр. 568, д. 45 Дело канцелярии Императорского женского патриотического общества «Об экзаменах по общеобразовательным и рукодельным предметам выпускным воспитанницам школ общества».
4. ЦГИА СПб, ф. 535, о. 1, д. 59, с. 84–85.
5. Некрасова М. А. Послесловие. Сто лет спустя. Взгляд на перспективу / Автор-составитель, научный редактор М. А. Некрасова / Народное искусство. Русская традиционная культура и православие XVIII–XXI вв. Традиции и современность. — М.: Союз дизайн, 2013. — 589 с.
6. Отчет основанной ея императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Женской Школы «Народного Искусства» за 1912 год. — С.-Петербург, 1913. — 47 с.
7. Пономарева Н. И. Опыт императрицы Александры Федоровны государственной поддержки народных художественных промыслов Основание школы народного искусства / Автор-составитель, научный редактор М. А. Некрасова / Народное искусство. Русская традиционная культура и православие XVIII–XXI вв. Традиции и современность. — М.: Союз дизайн, 2013. — С. 575–588.
8. Шнейдер В. П. Школа Народного Искусства. Объяснительная записка к общей программе в Отчете основанной ея императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Женской Школы «Народного Искусства» за 1912 год. — С.-Петербург, 1913. — С. 43–44.
9. Объяснительная записка к Уставу состоящей под покровительством ея императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны Женской Школы «Народного Искусства». — С.-Петербург, 1912. — 4 с.
10. Оль Г. А., Лансере Н. Н. Н. Е. Лансере / Г. А. Оль, Н. Н. Лансере. — Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1986. — 85 с.

Минобрнауки России приглашает образовательные и научные организации принять участие в конкурсе на получение грантов Правительства Российской Федерации

В марте стартовал очередной конкурс на получение грантов Правительства Российской Федерации. Государственную поддержку смогут получить научные исследования, проводимые под руководством ведущих ученых в российских образовательных организациях высшего образования, научных учреждениях, подведомственных ФАНО России, и государственных научных центрах России.

Принять участие в конкурсе на получение грантов смогут образовательные и научные организации совместно с российскими и иностранными ведущими учеными. Они должны занимать лидирующие позиции в естественных и точных науках, технике и технологиях, медицинских науках и науках о здоровье, сельскохозяйственных, социальных и гуманитарных науках.

Режим доступа в Интернете: <http://минобрнауки.рф/новости/7877>

УДК 069

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ
4/2016

Цифровое искусство и музей

Digital art and museum

© Карлова Анастасия Ивановна
Karlova A.I.

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет».
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.
E-mail: anastasia-karlova@mail.ru

Статья поступила 18.08.2015 г.

В статье прослеживается история музейной институционализации цифрового искусства, а также осуществляется попытка выявить проблемное поле бытования цифрового искусства в музейном контексте. Рассмотрение специфики репрезентации и коллекционирования цифрового компьютерного искусства в виртуальном и реальном музейном пространстве позволяет наметить основные характеристики и тенденции развития феномена Музея цифрового искусства.

Ключевые слова: цифровое искусство, компьютерное искусство, музей, музей цифрового искусства.

The paper traces the history of museum institutionalization of digital arts and deals with the problem field of interaction of digital art and museum context. Analysis of representation and collecting practices concerning digital arts in virtual and real museum space lets the author to define basic characteristics and tendencies of development of the Museum of digital arts as a cultural phenomenon.

Key words: digital art, computer art, museum, digital arts museum.

Еще недавно революционером в консервативном музейном мире считался Музей современного искусства, перевернувший сложившиеся представления об этой институции как тихом хранилище памятников старины. Не успели улечься споры по поводу легитимности существования музея современности, как эти эпатажные и шокировавшие зрителя учреждения стали неотъемлемой частью культурной жизни мировых столиц. Смелые архитектурные решения ускорили процесс вхождения Музея современного искусства и в массовую культуру. Само понятие музея всего за несколько десятков лет трансформировалось столь значительно, что появление идеи создания первых крупных мировых музеев цифрового искусства уже не вызывает удивления и споров. С 2011 г. в Пекине работает Китайский музей цифровых искусств. В 2014 г. объявлен конкурс на лучший проект Музея цифровых искусств в Мадриде, на 2016 г. запланировано открытие Музея цифрового искусства в Цюрихе [3]. В США, начиная с первого десятилетия XXI в., открываются небольшие галереи, которые носят название Музеев цифрового искусства: Центр Цифровых искусств в Лос-Анджелесе (2004), Музей цифрового искусства Остина (2000) и др. Параллельно в сети Интернет существуют тысячи веб-сайтов, именующих себя музеями цифрового искусства и открывающих новое поле для исследования феномена виртуального музея.

ЦИФРОВОЕ ИСКУССТВО: ВХОЖДЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВО МУЗЕЯ

Однако процесс вхождения цифрового искусства в музейное пространство начался значительно раньше, чем появилась идея создания музея цифрового

искусства. Рассматривая историю взаимоотношений компьютерного искусства и музея, можно выделить три основных этапа: первые опыты музейного экспонирования в 1960-е — 1970-е гг.; новый всплеск интереса после долгого переыва в 1990-е гг.; утверждение и активное бытование цифрового искусства в музейном пространстве с 2000-х гг. по настоящее время. Еще в конце 1960-х — начале 1970-х гг. прошла серия выставок компьютерного искусства в крупных европейских и американских музеях. В 1968 г. Институт современного искусства в Лондоне организовал ставшую впоследствии хрестоматийной выставку «Кибернетическая интуиция». Как отмечает известный британский историк цифрового искусства Ч. Гере, ее целью было показать, как компьютеры и другие современные технические устройства участвуют в создании традиционного искусства (живописи, скульптуры и т. п.) [4. С. 119]. В том же году в Еврейском музее в Нью-Йорке прошла выставка «Программное обеспечение», на которой компьютерное программирование рассматривалось как метафора концептуального искусства. В 1969 г. в Художественном музее округа Лос-Анджелес были показаны работы, созданные в рамках проекта «Искусство и технология». С середины 1970-х гг. и вплоть до начала 1990-х художественные музеи игнорировали цифровое и электронное искусство. Американский исследователь М. Трайб, один из ведущих мировых специалистов в области цифрового искусства, объясняет снижение интереса музеев к цифровому искусству тем фактом, что в этот период многие представители арт-сцены, кураторы, художники начали ассоциировать технологии с корпоративным капитализмом и войной во Вьетнаме [6. С. 21].

1990-е гг. характеризуются активным вхождением цифрового искусства в музейные залы. В американских и европейских музеях прошла серия выставок, которые объединяла тема взаимодействия искусства и технологий. Прежде всего необходимо отметить выставки: «Медиа зоны Залива» 1990 г., организованную куратором Музея современного искусства Сан-Франциско Робертом Райли, и «Виртуальная реальность: возникающие медиа» в музее Гуггенхайма, подготовленную Джоном Ипполито. Они утвердили вхождение цифрового компьютерного искусства в музейное пространство и подготовили всплеск интереса к нему в музейном и художественном мире с середины 1990-х гг. По свидетельству Р. Вольфа, первым прецедентом приобретения работы нет-арта (художественного направления, работающего с Интернетом) стала покупка американским музеем Уитни в 1995 г. произведения Дугласа Дэвиса «Первое мировое коллективное предложение» (1994) [7]. Работа представляла собой веб-сайт, на котором посетители могли добавлять свои слова к бесконечной строке текста. Затем ряд американских музеев начал реализацию программ по поддержке цифрового искусства (нью-йоркский Центр искусств Диа объявил конкурс «Сетевые проекты художников» в 1995 г., Художественный центр Уокер основал виртуальную «Галерею 9» как площадку для показа искусства новых медиа и т. д.). Наконец, крупные международные выставки современного искусства стали выделять искусство новых медиа в отдельные проекты. В 1997 г. Документа Х показала нет-арт в отдельном павильоне под названием «Гибридное пространство». Частью выставки стала акция Вука Козика, который апроприировал сайт Документы, показывая копию на своем сервере. В 2000 г. на биеннале музея Уитни было показано 9 работ нет-арта [6. С. 22].

Начиная с 2000-х гг., число музейных выставок и проектов, связанных с цифровым искусством, увеличивается многократно. Важной вехой в истории вхождения цифрового искусства в музейное пространство является приобретение работы художников Дженифер и Кевин МакКой «Каждый щелчок / Каждый эпизод» (2002) музеем Метрополитен. Таким образом к началу 2000-х гг. завершился процесс утверждения цифрового искусства в качестве музейного экспоната, что неизбежно повлекло за собой проблематизацию бытования данного вида искусства в пространстве музея.

Специфика цифрового искусства кардинально меняет подход к репрезентации, хранению, реставрации, закупочной деятельности, что, в свою очередь, оказывает влияние на восприятие самого феномена музея. Будучи нематериальным, эфемерным по своей природе, цифровое искусство ломает традиционные представления о музее вплоть до отказа от необходимости физического присутствия в музейных залах, ставя вопрос о легитимности понятия «музей без стен». Параллельно с расцветом компьютерного искусства появилось множество веб-сайтов, именующих себя музеями цифрового искусства и не нуждающихся в реальном физическом пространстве. В то же время возникла противоположная тенденция: крупные виртуальные проекты стали тяготеть к сотрудничеству с музейными институциями, а музеи стали развивать виртуальную составляющую, не только предлагая открытый доступ к репродукциям работ из фондов (что по сути является формой каталогизирования), но создавая виртуальные музеи виртуальных предметов искусства.

Одним из наиболее ярких примеров такого сотрудничества является Ризома (Rhizome.org), Интернет-проект, придуманный американским художником и теоретиком культуры Марком Трайбом в 1996 г. [5]. Основу сайта составляет архив искусства новых медиа, который пополняется, начиная с 1999 г. Здесь собраны работы художников, использующих цифровые технологии. По сути сайт является своего рода виртуальным музеем со всеми необходимыми формами работы: выставки, закупки, хранение, консервация, каталогизирование. Выставки здесь — это размещение на сайте арт-объектов в открытом доступе. Причем имеет место как принцип самозаполнения — любой желающий может разместить здесь свои материалы, так и кураторский отбор: раз в месяц подборка лучших материалов демонстрируется на сайте, остальные же стираются. Закупки — это программа поддержки художников, по которой победившие в конкурсе работы оплачиваются и сохраняются в базе данных. Консервация — это особая страница работы Ризомы. По мере устаревания компьютеров и программного обеспечения становится невозможным воспроизвести на новой технике многие цифровые работы уже через несколько лет после их создания. Сотрудники Ризомы гарантируют сохранение и адаптацию арт-объектов к новым техническим требованиям. Хранение и каталогизирование — это собственно электронный архив медиа искусства. Особенность контента — виртуальное искусство — делает Ризому, в отличие от привычных виртуальных музеев, предлагающих цифровые копии реальных музейных предметов, музеем подлинников. Ведь искусство, представленное здесь, изначально создавалось с помощью интернет-технологий и может существовать только в цифровой форме. В 2003 г. Новый музей в Нью-Йорке и Ризома — официальные партнеры, и в стенах Нового музея проходят уже реальные, а не виртуальные выставки и встречи, организованные Ризомой. Сотрудничество с Rhizome.org, внимание к искусству новых медиа (с 2000 г. в Новом музее открыта Медиа гостиная) и осознание важности отражения собственной деятельности в Сети свидетельствуют о продолжающемся стремлении музея оставаться рупором наиболее актуальных тенденций современных культуры и искусства.

Таким образом, репрезентация как одно из главных направлений музейной деятельности остается проблематизированной областью при работе с произведениями цифрового искусства не только в силу технических особенностей демонстрации работ в музейных залах, но и более широко — в контексте вытеснения виртуальными музеями репрезентационной функции музея реального. Насколько допустимо восприятие виртуального музея в качестве музея оригиналов, а не только сайта с репродукциями? Различие подходов к этой проблеме обусловлено размытостью понятия цифрового искусства в современной художественной критике и теории искусства. Искусство новых технологий, искусство

новых медиа, цифровое искусство, компьютерное искусство, — эти и другие термины используются исследователями для обозначения того многообразия художественных высказываний, которые создаются сегодня с помощью новейших технических средств — прежде всего, связанных с культурой мультимедиа. При этом степень использования этих средств, материал, в котором предлагается для восприятия конечный продукт художественного творчества, часто не принимаются во внимание. Подробную классификацию произведений цифрового искусства на основе определения технологии создания и основной среды существования предложил один из крупнейших отечественных исследователей в области компьютерного искусства С. В. Ерохин [1. С. 99]. Действительно, то, что мы называем цифровым компьютерным искусством, часто на предварительном этапе создается не на компьютере, и лишь на конечном этапе превращается в цифровую работу. Например, в том случае, когда художник в конце творческого акта фотографирует объект своего творчества и произведением называет именно эту фотографию, а созданное в реальном мире — предварительными эскизами и подготовительными материалами. Или, наоборот, художник работает на компьютере, но результатом творческого акта, то есть собственно произведением, считает не диск с цифровой записью, а распечатанное изображение. Нередко встречаются и более сложные, смешанные формы. Только в результате тщательного анализа используемых технологий можно определить, какую среду можно считать основной для данного произведения (реальную или виртуальную), а в какой среде существует оригинал.

Если произведение создавалось исключительно с использованием цифровых технологий и результатом автор также называет цифровую форму, то, безусловно, такая работа может существовать только в виртуальном пространстве. Сайт, представляющий подобные работы и именующий себя музеем цифрового искусства, имеет для этого основания, так как руководствуется общепринятым представлением о музее как пространстве, где хранятся оригиналы. Пусть эти оригиналы в силу своей цифровой природы открыты для создания сколь угодно большого числа копий и в силу этого не могут претендовать на уникальность (второе неотъемлемое качество предметов художественного музея), но и помещение их в традиционное физическое пространство музея не наделило бы их уникальностью.

ОРИГИНАЛ ИЛИ КОПИЯ:

ПРОБЛЕМА КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ И ХРАНЕНИЯ ЦИФРОВОГО ИСКУССТВА В МУЗЕЕ

Тема оригинала и копии, уникальности и тиражируемости — одна из наиболее актуальных в контексте изучения цифрового искусства. Как исследователи, так и сами художники неоднократно пытались осмыслить природу цифрового искусства. Как отметил А. С. Завьялов, «Лёгкость копирования и актуализация предыдущего культурного опыта в цифровом виде поднимает проблему плагиата, причём плагиат или копирование чужих идей становится художественным приёмом» [2. С. 32]. Работы многих цифровых художников основываются на принципе копирования и обыгрывают тему подлинности, что, впрочем, уже не раз практиковалось художниками на протяжении XX–XXI вв. Если Энди Уорхол многократно повторял образы массовой культуры в медийных техниках своего времени (шелкография и др.), то цифровые художники апроприируют веб-сайты, компьютерные игры или работы других художников. Яркий пример — «Облака Супер Марио» цифрового художника Кори Аркейнджела. Работа представляет собой пример использования известной видеоигры 1985 г. «Супер Марио», которую Аркейнджел «взломал» и стер там все визуальные элементы, оставив только облака. Таким образом и сам художественный подход цифровых художников, и отсутствие различия копии и оригинала в случае тиражирования цифрового искусства подрывают базовые представления о музее как хранилище подлинников и уникальных объектов. Ставится под

вопрос ценность таких работ для музея и необходимость их приобретения в коллекцию.

Более того, приобретая такие работы, музей задается вопросом: что именно он приобретает — устройство памяти, на котором хранится цифровая работа (дискета, флэш-карта и т. п.), эксклюзивные права на использование данной работы (по аналогии с покупкой лицензионной музыкальной или видео продукции) или, возможно, это лишь символический жест, инициирующий вхождение данного произведения в музейное пространство? В последнем случае приобретение в коллекцию цифровой работы становится формой материальной поддержки автора, не имея отношения к традиционным отношениям купли-продажи. Система поддержки искусства новых технологий действительно широко практикуется в мире, начиная с середины 1990-х гг., принимая форму правительственных культурных программ или проектов частных фондов. Однако вопрос об экономическом статусе цифровых работ в музейных коллекциях остается открытым. По мнению А. С. Завьялова, такая тенденция несет в себе значительный потенциал в отношении модификации музейного подхода к таким базовым понятиям, как уникальность и единичность: «Возникает потребность в разработке новой модели монетизации произведений цифрового искусства, так как сформировавшийся ранее рынок произведений утрачивает одну из своих основ — единичность оригинала. Все те институты, создающие рынок на основе единичности оригинала, в ближайшее время могут оказаться невос требованными» [2. С. 32].

Хранение цифрового искусства является постоянной темой научных дискуссий в музейной среде, начиная с конца 1990-х гг., когда выяснилось, что многие работы раннего периода компьютерного искусства (конца 1950-х — 1960-х гг.) стали недоступны и фактически перестали существовать. Технический прогресс, стремительное устаревание техники и ее быстрое замещение новыми современными устройствами делает невозможным воспроизведение многих работ, записанных на старые носители информации. В связи с этим в некоторых мировых музеях (в Новом музее и музее Уитни в Нью-Йорке) отделы искусства новых медиа планируют начало несвойственной художественному музею деятельности по закупке, реставрации и хранению устаревших образцов техники, открывая новую страницу в истории музейного дела, знаменующую слияние искусства и техники.

Музей цифрового искусства, отрицающий традиционные представления о таких ключевых музейных понятиях, как оригинал и подлинник, непосредственно опирающийся на технику и технический прогресс, допускающий свое существование в виртуальном пространстве в качестве основной среды бытования, представляет собой новую музейную форму, будущее которой остается открытым. Реализация объявленных проектов создания музеев цифрового искусства в европейских городах неизбежно повлияет на понимание сущности музея как социокультурного института и потребует пересмотра его базовых характеристик.

Список литературы и источников

1. *Ерохин С. В.* Цифровое компьютерное искусство. — СПб., 2011. — 188 с. — (Цифровое искусство).
2. *Завьялов А. С.* Произведение цифрового искусства и общество // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — № 3. — М., 2014. — С. 28–33.
3. *Catala L.* MuDA: The new digital art museum in Zurich // Digitalarti: International Magazine. 16.07.2015. [Электронный ресурс.] URL: http://www.digitalarti.com/blog/digitalarti_mag/muda_the_new_digital_art_museum_in_zurich. (Дата обращения: 2 августа 2015.)

4. Gere Ch. Minicomputer Experimentalism in the United Kingdom from the 1950 s to 1980 s. // Mainframe experimentalism: Early digital computing in the experimental arts. — University of California Press, 2012.
5. Rhizome [Электронный ресурс.] URL: <http://www.rhizome.org> (Дата обращения: 2 августа 2015.)
6. Tribe M., Jana R., Grosenick U. New Media Art. — Taschen GmbH, 2006.
7. Wolff R. Keeping New Media Art: Conserving High-Tech Art // ArtNews (New York). [Электронный ресурс.] URL: <http://www.artnews.com/2013/10/23/keeping-new-media-new> (Дата обращения: 2 августа 2015.)

ФАКТОГРАФ

РАЕХ (Эксперт РА) подготовил второй рейтинг 200 лучших школ России

Рейтинговое агентство РАЕХ (Эксперт РА) во второй раз подготовило рейтинг 200 лучших школ России. Рейтинг оценивает школы по результатам поступления выпускников в лучшие вузы России — университеты из топ-20 рейтинга вузов РАЕХ (Эксперт РА).

«В этом году мы стали учитывать данные сразу двух приемных кампаний (2015 и 2014 годов), что дает более сбалансированный результат, — комментирует особенности подготовки рейтинга Алексей Ходырев, исполнительный директор направления «Рейтинги вузов» РАЕХ (Эксперт РА). — Кроме того, массивы информации о зачислении, напрямую передаваемые вузами рейтинговому агентству, стали более выверенными и полными. Всего нами были обработаны сведения о поступлении свыше 87 тысяч выпускников из 15 тысяч российских школ».

Согласно исследованию, шесть лидеров рейтинга школ 2015 г. подтвердили свои лидерские амбиции и в 2016 г. Наибольшее количество выпускников, успешно поступающих в ведущие университеты, готовят базовые учебные заведения при вузах: первое место в рейтинге второй год подряд занял Лицей № 1580 при МГТУ им. Баумана, второе — СУНЦ МГУ им. Ломоносова, замкнул тройку лучших Лицей № 1502 при МЭИ.

Аналитики отмечают, что большинство расположившихся на верхних строчках рейтинга школ имеют физико-математический или естественнонаучный уклон: только в 5 из топ-20 школ гуманитарные направления представлены в равной степени с техническими либо преобладают. В топ-5 рейтинга вошли 4 школы с физико-математическим уклоном, их выпускники успешно поступают не только в технические вузы, но и в экономические университеты. 8% выпускников этих школ были зачислены в НИУ ВШЭ, 2% — в Финансовый университет и МГИМО.

По данным исследования, среди поступивших в 10 столичных вузов в 2015 г. только 35% выпускников немосковских школ (65% — Москва и область). При этом Санкт-Петербург в борьбе за талантливых иногородних абитуриентов с явным преимуществом обыгрывает Москву. Среди зачисленных в лучшие вузы Санкт-Петербурга доля выпускников школ других регионов составляет 57%.

Таблица. Топ-15 лучших школ для поступления в ведущие вузы России (2016 г.)

Место в рейтинге	Название	Город	Балл
1	Лицей № 1580 при МГТУ имени Н.Э. Баумана	Москва	166,84
2	СУНЦ школа-интернат им. А.Н. Колмогорова МГУ им. М.В. Ломоносова	Москва	123,48
3	Предуниверситарий НИЯУ МИФИ	Москва	110,38
4	Лицей № 1502 при МЭИ	Москва	91,91
5	Лицей № 1535	Москва	87,81
6	СУНЦ УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина	Екатеринбург	85,29
7	Президентский физико-математический лицей № 239	Санкт-Петербург	70,30
8	Лицей при ТПУ	Томск	66,61
9	Школа 179 МИОО	Москва	65,07
10	Лицей "Вторая школа"	Москва	57,91
11	Лицей № 1581	Москва	52,62
12	Центр образования № 57 "Пятьдесят седьмая школа"	Москва	52,20
13	Санкт-Петербургский губернаторский физико-математический лицей № 30	Санкт-Петербург	49,33
14	Академическая гимназия имени Д.К. Фаддеева Санкт-Петербургского государственного университета	Санкт-Петербург	47,36
15	Многопрофильный лицей № 1799	Москва	47,05

Источник: РАЕХ (Эксперт РА) по данным выборки вузов

УДК 130.2

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ
4/2016

Отечественная культура для России и мира: размышления о книге А. С. Запесоцкого «Культура: взгляд из России»

National culture for Russia and the world: reflections on the book by A. S. Zapesotsky "Culture: a view from Russia"

© Житенёв Сергей Юрьевич
Zhitenev S. Yu.

ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва».
Россия, 129366, Москва, ул. Космонавтов, 2.
E-mail: info@heritage-institute.ru

Статья поступила 03.03.2016 г.

В статье изложены размышления автора о наиболее важных и актуальных вопросах и проблемах российской культуры и культурологии, представленных в книге известного отечественного учёного, члена-корреспондента РАН А. С. Запесоцкого. Автор статьи старался в сжатой форме отразить многогранные научные интересы А. С. Запесоцкого в сфере культуры и образования.

Ключевые слова: культура, образование, культурология, философия культуры, культурное наследие, культурная политика, универсалии культуры.

The article presents the author's reflections about the most important and relevant issues and problems of Russian culture and cultural studies presented in the book by the famous Russian scientist, corresponding member of RAS A. S. Zapesotsky. The author tried in compressed form to reflect the multifaceted research interests of A. S. Zapesotsky in the field of culture and education.

Key words: culture, education, cultural studies, philosophy of culture, cultural heritage, cultural policy, universal culture.

Выход сборника трудов известного русского учёного-культуролога, члена-корреспондента РАН А. С. Запесоцкого стал, безусловно, значимым событием научной жизни культурологического сообщества России. В сборнике собраны и системно изложены многочисленные работы автора в сфере культурологии и философии культуры, написанные им за последние тридцать лет. По сути дела, книга является энциклопедией культурологии, представленной в динамике становления этой отрасли научных знаний за последнюю четверть века, которые совпали с коренными изменениями в жизни российского общества. Рассматривая культурологию в очень широком масштабе, автор представляет её в качестве «метанауки», которая при всём разнообразии своих составных частей является целостным научным явлением. А. С. Запесоцкий, анализируя

историю становления науки о культуре и основные концепции её составляющие, подчёркивает «чрезвычайную сложность и многомерность объекта познания культурологии: она изучает культуру как целое, а также её различные элементы, явления, но обязательно в контексте целого, в системных взаимосвязях» [1].

Представляя проблемное поле культурологии, автор книги выделяет существенные ракурсы, составляющие жизнь культуры как феномена человека и человеческого сообщества. Среди этих ракурсов наиболее существенными являются вопросы соотношения процессов сохранения и изменения, традиций и новаций, а также цивилизационные измерения в культуре. В этой связи Александр Сергеевич представляет различные подходы формирования общественных отношений и государственной политики в сфере культуры, осмысливая их в ходе междисциплинарных научных исследований. При этом культурология как наука играет важную роль в формировании и развитии педагогики, а также образования как комплексной государственной и общественной системы в нашей стране на современном этапе.

Мощное развитие культурологии в России как науки и образовательной дисциплины, чему справедливости ради надо отметить, способствовал во многом автор книги, является, по его мнению, «российским научным приоритетом, имеющим теоретическое и практическое значение» [2] в нашей стране и за рубежом.

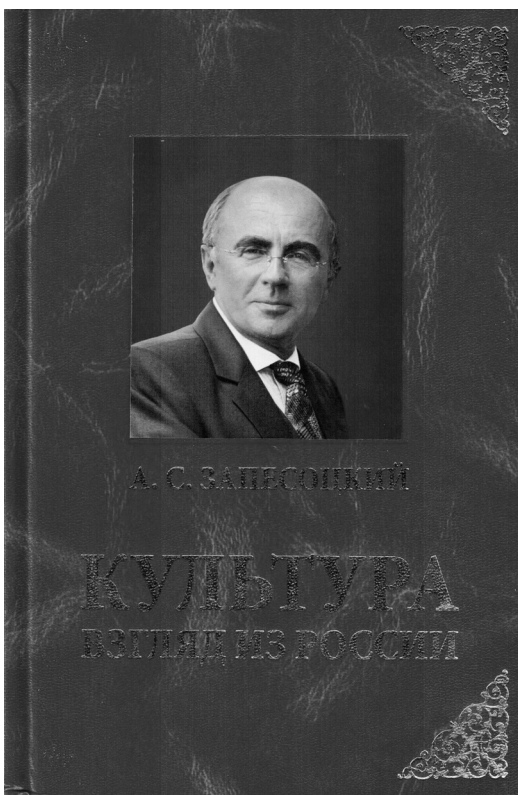
А. С. Запесоцкий, рассматривая предмет культурологии, считает, что необходимо «перспективно понимать культурологию не как отдельную частную науку, а в качестве интегративного междисциплинарного знания» [3], которое является целостной гуманитарной дисциплиной. Однако гуманитарность культурологии, по его мнению, связана не только с характером научных дисциплин её составляющих, а также глубинностью качества знаний и по предмету, и по методологии исследований.

Оценивая вклад академика Д. С. Лихачёва в развитие отечественной гуманитарной науки, А. С. Запесоцкий выделяет из его обширного наследия, прежде всего, теорию экологии культуры в качестве нового фундаментального направления в культурологии. Смысл теории экологии культуры Д. С. Лихачёва заключается в том, что без сохранения и освоения духовных традиций и исторической памяти невозможно полноценное и качественное развитие культуры в современном обществе. «В качестве органического момента в экологию культуры входит традиция и память. Учёный доказывал, что историческая память культуры, незримая связь с прошлым — это и есть в каком-то смысле сама культура» [4].

А. С. Запесоцкий определяет наиболее важные и общие черты российской культурологии, которая:

- представляет собой интегративное и междисциплинарное теоретическое знание, гуманитарное по своей сущности и природе;

- является промежуточным звеном, своего рода «посредником», между теоретическим философским знанием и научными прикладными исследованиями;

— «понимается не столько как отдельная, частная наука, существующая «в дополнение» к уже имеющимся, а как парадигма знания, горизонт поиска, направление исследования» [5].

Особое внимание А. С. Запесоцкий уделяет вопросам, связанным с культурными правами человека как очень важной, фундаментальной и неотъемлемой частью гражданских свобод всех жителей нашей страны. «Культурные права — это участие человека в создании материальной и духовной среды обитания, распространение и воспроизводстве норм и ценностей, способствующих гуманизации общества, взаимному уважению людей, солидарности общества, основанных на нравственности и достоинстве человека. Без подлинной реализации культурных прав невозможно создание правового социального государства, нравственное измерение экономических процессов, установление новых параметров отношений между человеком, обществом и государством» [6].

А. С. Запесоцкий внимательно анализирует международное законодательство [7] в сфере прав человека, обращая внимание на то, что в этих основополагающих документах особое значение уделяется правам граждан на участие в культурной жизни и на пользование достижениями и ценностями культуры. Автор книги также обращает внимание на то, что такой же подход провозглашается в Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на участие в культурной жизни и использование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям» [8]. При этом в современном обществе, с одной стороны, происходит рост значения обеспечения и реализации культурных прав человека, без которых невозможно социально-экономическое развитие, а с другой стороны, «следует признать, что современная культурная жизнь России далеко не в полной мере отвечает этим вызовам времени. Об этом свидетельствует и то, что тема культурных прав относится к числу мало разработанных и в теории, и на практике» [9]. Это справедливое замечание является чрезвычайно актуальным в настоящее время и имеет отношение, и к органам государственной власти, отвечающим за реализацию политики в сфере культуры, и к культурологам, учёным-теоретикам и специалистам-практикам.

Культурные права человека, по мысли А. С. Запесоцкого, напрямую связаны с доступом к объектам материального и нематериального наследия, которые необходимо выявить, сохранить и представить обществу для изучения и освоения. Не менее важно в этой связи обеспечить широкий доступ людям к достижениям, ценностям и благам современной культуры. Такой подход должен обеспечить существенное повышение культурного потенциала конкретного человека и общества в целом, что является важной составляющей «социального качества жизни».

Для реализации этих важнейших положений в середине 1990-х гг. был разработан концептуальный документ «Декларация прав культуры», инициатором создания, которого стал академик Д. С. Лихачёв. Одним из авторов Декларации стал А. С. Запесоцкий, а также известные учёные и деятели культуры Санкт-Петербурга. «Концепция культуры, воплощённая в «Декларации прав культуры», исходит из её широкого понимания. Культура — сотворённая человеком материальная и духовная среда обитания, а также процессы создания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества. Концепция определяет основные структурные составляющие культуры:

а) культурно-историческое наследие как форму закрепления и передачи совокупного духовного опыта человечества <...>;

б) социальные институты и культурные процессы, порождающие и воспроизводящие духовные и материальные ценности <...>;

в) инфраструктуру культуры как систему условий создания, сохранения, экспонирования, трансляции и воспроизводства культурных ценностей, развития культурной жизни и творчества <...>» [10].

Авторы Декларации ввели понятие «гуманитарной культуры», которая ориентирована на развитие в человеке и обществе высоких нравственных и художественных норм, вызывающих в человеке созидательные возвышающие устремления и чувства. Идея гуманитарной культуры возникла как антитеза, культивируемой многими зарубежными профессиональными и художественными сообществами, антигуманным явлениям и произведениям массовой культуры, экспансия которых во всемирном масштабе в настоящее время угрожает существованию традиционных классических и национальных культур многих стран и народов. Поэтому в Декларации особо подчеркнута, что культура каждого народа, большого и малочисленного, имеет право на сохранение своего уникального и самобытного наследия, а также развития на своей традиционной основе.

Декларация определяет обязанности и гарантии государства, связанные с соблюдением культурных прав человека:

- государство несёт юридические и моральные обязательства по сохранению и использованию наследия всех народов и этносов, проживающих на его территории;

- «государство обеспечивает равенство возможностей и условий развития всех граждан, определяет направления, содержание и формы государственной поддержки культуры с учётом национальных традиций, уровня политического и экономического развития общества;

- государственная политика в сфере культуры должна строиться на уважении человеческого достоинства, обеспечении свободы выбора каждым членом общества форм участия в культурной жизни и творчестве» [11].

Авторы Декларации считают, что государство должно выступать в качестве гаранта сохранения, освоения и правильного использования культурного наследия. Для исполнения этой важнейшей функции государственные органы власти и управления всех уровней должны считать своими приоритетными задачами следующие направления деятельности:

- сохранение и правильное использование культурного наследия с целью передачи его будущим поколениям через систему воспитания и образования как социальному институту преемственности в деле наследования культуры;

- содействие воспитанию и формированию у граждан страны любви, заинтересованности и уважения к национальному культурному наследию, а также культуре народов всех стран;

- обеспечение художественного и эстетического воспитания и образования молодого поколения, целенаправленная поддержка юных талантов, «воспроизводство творческой элиты» страны;

- способствование сохранению и интеграции культуры каждого народа и этноса в духовную жизнь страны;

- организация и проведение всех необходимых мероприятий по сохранению и правильному использованию объектов историко-культурного наследия, нуждающихся в охране, консервации, реставрации, музеефикации и других действий по их поддержанию и развитию;

- осуществление финансовой и организационной поддержки в издании каталогов музейных и архивных фондов, а также небольших частных коллекций;

- привлечение к реставрации и работе с историко-культурными объектами наследия высококвалифицированных специалистов, в том числе с международного уровня;

- привлечение «к судебной ответственности виновных за уничтожение, искажение или нанесение какого-либо ущерба произведениям, предметам и объектам, имеющим культурную ценность» [12];

- осуществление выявления, учёта и охраны культурных ценностей от незаконного ввоза, вывоза и передачи на них прав собственности;

- обеспечение охраны от разрушения комплексных материальных недвижимых объектов наследия, созданных как единое целое, среди которых

исторические центры городов, ансамбли архитектурных памятников (дворянские усадьбы, монастыри, фабрики и промыслы), а также движимых объектов наследия (алтари, деисусы, диптихи, триптихи, гарнитуры мебели, библиотеки, коллекции и т.д.);

— обеспечение стабильного местонахождения произведений культуры и допускать их перемещение в исключительных случаях, носящих культурный характер;

— сохранение исторических городов и поселений как единое культурное и стилевое целое.

В Декларации указывается необходимость постоянного совершенствования законодательной и нормативной базы сферы культуры, наращивания потенциала культуры, в том числе развития науки и образования. Особое внимание в документе уделено деятельности общественных и неправительственных организаций в сфере культуры и искусства, активного участия в их работе граждан из всех слоёв общества, развития благотворительности и социальной деятельности в сфере культуры. Декларация подробно рассматривает вопросы международного культурного сотрудничества на основе признания права культуры каждого народа и этноса на самобытность и целостность. «Развитие культуры — основа духовной безопасности народа, базовая предпосылка и критерий выработки моделей общественных преобразований. Главная цель национальной культурной политики — создание системы экономических, правовых, организационных и иных условий, способствующих спасению, сохранению и развитию культуры как духовной основы существования народа и предпосылки воплощения личностного потенциала каждого гражданина; обеспечение сохранения национальной культуры как гармоничной целостности и информирования общественности о возможных негативных последствиях для духовного здоровья нации утраты даже отдельных её явлений и объектов» [13].

В 1995 г. работа над проектом Декларации, которая проводилась под научным руководством академика Д. С. Лихачёва, была завершена и он был передан в ЮНЕСКО, где документ, к сожалению, не получил своего дальнейшего развития и поддержки. «В 1996 году академик Д. С. Лихачёв сказал: «Культура является главным смыслом и главной ценностью существования человечества. Спасибо моим друзьям, благодаря которым «Декларация прав культуры» увидела свет. Давайте объединим наши усилия, чтобы заложенные в ней идеи были реализованы» [14]. В этой связи необходимо отметить, что важнейшие положения Декларации так или иначе в дальнейшем получили своё отражение в российском законодательстве и базовых нормативных документах, регулирующих сферу культуры. «Декларация прав культуры» как документ, отражающий опыт, знания и позицию отечественных учёных и деятелей культуры, несомненно, стал важнейшим документом российской культурологической мысли и практики конца XX в.

Размышляя над фундаментальными и животрепещущими проблемами отечественной культуры, А. С. Запесоцкий обращается к идейному наследию многих учёных и, в первую очередь, академика Д. С. Лихачёва, считая его одним из основоположников российской культурологии и «великим русским культурологом». «Дмитрий Сергеевич Лихачёв являл собой фактически забытый к XX веку тип учёного-энциклопедиста, продуктивно работавшего практически во всех областях гуманитарного знания: литературоведение и искусствоведение, этика и эстетика, краеведение и педагогика... Труды учёного сегодня представляют широкий фронт исследований для философов и специалистов по методологии науки. Однако наибольшее внимание привлекают его достижения в теории и истории культуры» [15]. Одной из важнейших характеристик культурологического наследия великого учёного является его гуманистический подход к теории и истории культуры, через которые он ставил проблему положения человека в обществе.

А. С. Запесоцкий в своей книге доказательно утверждает, что академик Д. С. Лихачёв стоял у истоков российской культурологии и является «создателем собственной теории культуры — самобытной, оригинальной и вместе с тем органически вписывающейся в сегодняшние дискуссии о содержании этой науки. Почеркнём сразу: учитывая мировой научный опыт, Д. С. Лихачёв развивал именно российскую культурологию, неразрывно связанную с особенностями отечественного исторического развития» [16]. В своей книге А. С. Запесоцкий неоднократно возвращается к позиции Д. С. Лихачёва по проблеме своеобразия России и русского культурно-исторического пути, подчёркивая европейский характер отечественной культуры. Рассматривая культурологические взгляды Д. С. Лихачёва, автор книги выделяет тот факт, что академик обосновал самоопределение культурологии как особой сферы знания, которое со временем всё более актуализируется. При этом он трактует знание «как результат специфической методологии, упорядочивающей, понимающей и интерпретирующей информацию, полученную о культуре другими науками» [17]. Особое внимание Дмитрий Сергеевич уделял в своём творчестве вопросам традиций и традиционности в культуре и искусстве. Он развивал фундаментальную мысль о том, что культурную традицию надо рассматривать в развитии, а не как застывшее явление. Таким образом, Д. С. Лихачёв представляет культурные традиции и соответственно наследие нужными и актуальными в современную эпоху. Автор книги делает важный акцент в своём анализе научного наследия Д. С. Лихачёва, связанный с нравственной темой в культурологическом дискурсе и вытекающий из высокой ответственности учёных за результаты своей деятельности.

В 2016 г. отечественная и мировая наука будут отмечать 110-летие со дня рождения выдающегося русского учёного академика Д. С. Лихачёва. В этой связи уместно будет заметить, что анализ его научной деятельности как культуролога-энциклопедиста, проведённый А. С. Запесоцким, стал лучшим способом увековечивания памяти Дмитрия Сергеевича Лихачёва.

В своём научном труде А. С. Запесоцкий уделяет особое внимание системе теоретических взглядов на культуру академика В. С. Стёпина, известного современного философа и организатора науки. «Академик Стёпин определяет культуру как «систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех её основных проявлениях» [18]. Вячеслав Семёнович считает, что надбиологические программы отражают всё разнообразие деятельности человека и общества в сфере культуры, представляя собой все пласты социокультурного опыта человечества. А. С. Запесоцкий вполне обоснованно считает, что идеи о надбиологических программах в деятельности людей являются базовыми в системе научных взглядов академика В. С. Стёпина. Смысл этого подхода заключается в том, что академик творчески применяет в анализе социокультурных процессов подходы, существующие в биологии и технике. Культура при таком подходе выступает как аналог генетических кодов, сохраняя знания и традиции различных народов и цивилизаций, закреплённых в определённых семиотических системах. Таким образом, коды культуры позволяют человеческому сообществу успешно эволюционировать, опираясь на социокультурный опыт предшествующих поколений и воспроизводя его каждый раз на новых этапах развития. «Дело в том, что «простым» переносом В. С. Стёпин создаёт новую методологию онтологизации мира культуры. Как только прозвучало слово «программа» — набор не совсем понятно как связанных между собою явлений начинает в нашем сознании по-иному сочетаться, образует новую иерархию и структуру, проявляет ранее невидимые или недостаточно изученные, зафиксированные взаимосвязи» [19].

Представляя и комментируя систему взглядов на культуру академика В. С. Стёпина, Александр Сергеевич обращает внимание читателя на то, что стремительное развитие компьютерных и других электронных видов информационных

технологий, широко доступных в настоящее время практически всем людям, привело к изменению традиционных форм коммуникации. При этом новые формы коммуникации, в свою очередь, изменили состояние и структуру социальных групп и институтов, что приводит к появлению новых программ деятельности в сфере культуры.

А. С. Запесоцкий подробно анализирует такое важнейшее понятие в теории академика В. С. Стёпина, как универсалии культуры, являющиеся фундаментальными основаниями всей социокультурной сферы. «Системообразующим фактором выступают предельные основания каждой исторически определённой культуры. Они представлены мировоззренческими универсалиями (категориями культуры), которые в своём взаимодействии создают целостный обобщённый образ человеческого мира» [20]. А. С. Запесоцкий справедливо считает, что теория универсалий культуры имеет чрезвычайно важное значение и для теоретической, и для прикладной культурологии. Поэтому эта концепция должна стать практическим механизмом для программ и проектов, формирующих социокультурную деятельность современного общества. Рассматривая вопросы преемственности, сохранения и динамики эволюции культуры в интерпретации В. С. Стёпина, а также отдавая должное глубине сделанного им анализа этих направлений, А. С. Запесоцкий обращает внимание на то, что эти проблемы требуют дальнейших исследований со стороны отечественных культурологов.

Анализируя подходы В. С. Стёпина к цивилизационной теории, А. С. Запесоцкий отмечает, что «в понимании академика традиционалистский и техногенный типы цивилизаций — два основных способа существования культуры, два отличающихся способа построения и функционирования культурных систем, воспроизводства и развития социальной жизни» [21]. Автора книги чрезвычайно волнует тот факт, что современная техногенная цивилизация, которая достигла в своём развитии многих достижений, но при этом породила глобальные кризисы, которые могут привести к самоликвидации человечества. А. С. Запесоцкий солидарен с В. С. Стёпиным в том, что современное так называемое постиндустриальное общество представляет собой промежуточный этап к новому типу цивилизационного развития, который сможет решить накопившиеся планетарные проблемы техногенной цивилизации. Если же человечество пойдёт дальше по пути развития техногенной цивилизации, то его может ожидать катастрофический конец.

А. С. Запесоцкий в своей книге рассматривает комплекс важнейших вопросов, связанных с взаимодействием культурологии с классическими отраслями знания, такими как: история, философия, литература, языкознание, искусствознание, экономика и другие. При этом он представляет и анализирует теории и концепции российских и зарубежных учёных самого разного профиля и направлений научных исследований. Являясь одним из известных деятелей отечественного образования в сфере культуры, А. С. Запесоцкий значительную часть своей книги уделил вопросам преподавания культурологии, философским вопросам образовательной деятельности, проблемам взаимосвязи педагогики и культурологии, формированию современного поколения интеллигенции, реформам в образовательной сфере. Патриотическая и гражданская позиция автора книги особенно проявляется, когда он пишет на близкие для него темы народного образования, поэтому кипит его мысль и горит его сердце о проблемах отечественной образовательной действительности, которая его не устраивает, и с созданным положением он не хочет и не может мириться.

А. С. Запесоцкий констатирует, что процессы преемственности и наследования культуры в системе современного образования всех уровней находятся на недопустимо низком уровне. Сама сфера образования требует важнейших содержательных и коренных изменений, иначе, по его мнению, реальная модернизация экономики и общественной жизни будет невозможна. «Изменение сложившегося

положения и направления трансформации образования и культуры может иметь место лишь при смене сложившейся парадигмы государственного управления» [22] в этой сфере, которую необходимо развивать, опираясь на положительный опыт российского дореволюционного и советского образования, с применением современных коммуникационных и электронных технологий.

Книга А. С. Запесоцкого завершается галереей портретов выдающихся наших современников, которые сотрудничали с автором или были гостями Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, который он возглавляет много лет. В этой портретной галерее присутствуют известные российские учёные, историки и философы, писатели, композиторы, режиссёры, одним словом, деятели науки и культуры. Рассказы и размышления А. С. Запесоцкого об этих людях, оценка их научного и художественного творчества достойно представили современную российскую культуру во всей её многообразной палитре и глубине.

Примечания

1. *Запесоцкий А. С.* Культура: взгляд из России. — СПб.: СПбГУП; М.: Наука, 2015. — С. 14–15.

2. *Запесоцкий А. С.* Там же. С. 17.

3. *Запесоцкий А. С.* Там же. С. 34.

4. *Запесоцкий А. С.* Там же. С. 40.

5. *Запесоцкий А. С.* Там же. С. 40.

6. *Запесоцкий А. С.* Там же. С. 42.

7. Всеобщая декларация прав человека // Международно-правовые документы по вопросам культуры. Сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. — СПб.: СПбГУП, 1996.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Международно-правовые документы по вопросам культуры. Сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. — СПб.: СПбГУП, 1996.

Декларация принципов международного культурного сотрудничества, провозглашённая 4 ноября 1966 г. Генеральной конференцией ООН // Международно-правовые документы по вопросам культуры. Сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. — СПб.: СПбГУП, 1996.

Устав Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры, принятый 16 ноября 1945 г. в Лондоне // Международно-правовые документы по вопросам культуры. Сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. — СПб.: СПбГУП, 1996.

8. Конституция Российской Федерации. Глава 2. Статья 44. — М., 2010. — С. 10.

9. *Запесоцкий А. С.* Культура: взгляд из России. — СПб.: СПбГУП; М.: Наука, 2015. — С. 44.

10. *Запесоцкий А. С.* Там же. С. 46.

11. *Запесоцкий А. С.* Там же. С. 48.

12. *Запесоцкий А. С.* Там же. С. 48.

13. *Запесоцкий А. С.* Там же. С. 48.

14. *Запесоцкий А. С.* Там же. С. 50.

15. *Запесоцкий А. С.* Там же. С. 64.

16. *Запесоцкий А. С.* Там же. С. 73.

17. *Запесоцкий А. С.* Там же. С. 73.

18. *Запесоцкий А. С.* Там же. С. 113.

19. *Запесоцкий А. С.* Там же. С. 118.

20. *Стёпин В. С.* Философия и универсалии культуры. — СПб.: СПбГУП, 2000. — С. 12.

21. *Запесоцкий А. С.* Там же. С. 142.

22. *Запесоцкий А. С.* Там же. С. 612.

АКАДЕМИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС

ПО ВЫБОРАМ НА ВАКАНСИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ И ЧЛЕНОВ-КОРРЕСПОНДЕНТОВ АКАДЕМИИ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(условия конкурса опубликованы на сайте www.АОЭН.РФ)

Право выдвижения кандидатов в действительные члены и члены-корреспонденты Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности (АОЭНиПД) предоставляется саморегулируемым организациям, предприятиям и организациям, добившимся высоких результатов в научной и производственной деятельности, а также действительным членам академии.

При выдвижении кандидаты представляют в конкурсную комиссию до 1 декабря 2016 г. следующие документы:

1. Заявление — 1 экз.
2. Представление выдвигающих организаций или членов АОЭНиПД — 1 экз.
3. Личный листок по учету кадров — 1 экз.
4. Копии дипломов о высшем образовании, дипломов о присуждении ученых степеней и аттестатов о присвоении ученых званий — 1 экз.
5. Список научных трудов и публикаций — 1 экз.

Материалы представляются в конкурсную комиссию Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности:

— лично по адресу: Москва, Бумажный проезд, д. 14, стр. 2;

— по почте: 125040, г. Москва, а/я 1, ИД «ПАНОРАМА».

Справки по e-mail: afna@panor.ru.

СТРУКТУРА

Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности

1. Отделениями Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности являются:

- Отделение общественно-экономических наук.
- Отделение предпринимательской деятельности.
- Отделение бухгалтерского учета, аудита и анализа финансово-хозяйственной деятельности.
- Отделение налогов и налогообложения.

Отделения являются структурными подразделениями Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности и объединяют ученых одного или нескольких смежных направлений науки и научных работников научных организаций академии, научно-методическое и научно-организационное руководство которыми осуществляет отделение академии.

Отделение Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности объединяет научные организации академии по профилю отделения академии, осуществляет научно-методическое и научно-организационное руководство их деятельностью.

Каждое отделение состоит из секций, занимающихся одним или несколькими смежными направлениями экономической науки. Задачи и функции секций, их права и обязанности определяются положением об отделении Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности.

2. Основной задачей отделений Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности является их координация, а также анализ и прогноз состояния и развития отечественной и мировой экономической науки, публикация научных обзоров в отечественных и зарубежных изданиях. Отделения Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности содействуют укреплению и развитию научных направлений академии, объединенных отделением академии, их кадрового состава, научной базы, их связей с научными организациями и учеными различных ведомств и высших учебных заведений.

3. Отделение Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности отчитывается о своей работе перед общим собранием отделения академии и президиумом академии.

4. По соглашению с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и организациями отделение Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности может принимать на себя научно-методическое руководство иными научными организациями. Соответствующее решение принимается общим собранием отделения академии по представлению бюро отделения академии и утверждается президиумом академии.

5. Высшим органом управления отделения Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности является общее собрание отделения академии.

Членами общего собрания отделения академии являются действительные члены (академики) Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности и члены-корреспонденты Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности по данному отделению академии.

6. Общее собрание отделения Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности заслушивает и утверждает отчет о работе бюро отделения академии, избирает бюро отделения академии, в которое входят академик-секретарь, заместители академика-секретаря и члены бюро, выдвигает кандидатов в действительные члены (академики) Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности и члены-корреспонденты Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности, кандидатов в иностранные члены Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности, а также кандидатов на присвоение почетных званий.

7. Действительные члены (академики) Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности и члены-корреспонденты Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности имеют право решающего голоса на общих собраниях отделений академии, в которых они состоят, за исключением права принятия решений, когда в соответствии с уставом право решающего голоса имеют только действительные члены (академики) Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности.

8. На общем собрании отделения Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности вопросы решаются большинством голосов (более 50 процентов) присутствующих, имеющих право решающего голоса, за исключением вопросов, предусмотренных положением об отделении академии, когда для принятия решения требуется большинство голосов (не менее двух третей) присутствующих на общем собрании отделения академии.

9. Коллегиальным органом управления отделения Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности является бюро отделения академии, избираемое общим собранием отделения академии путем тайного голосования большинством голосов (более 50 процентов) из числа членов отделения академии сроком на пять лет. В состав бюро отделения академии входят академик-секретарь, заместители академика-секретаря (по направлениям общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности) и члены бюро отделения в количестве, устанавливаемом общим собранием отделения академии, но не более 15 процентов общего количества членов отделения академии. Выборы бюро отделения академии проводят действительные члены (академики) Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности и члены-корреспонденты Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности по данному отделению академии.

Цели и задачи отделения Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности, полномочия общего собрания отделения академии, бюро отделения академии и академика-секретаря отделения академии определяются положением об отделении Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности, утвержденным президиумом Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности.

Справки о работе Академии общественно-экономических наук и предпринимательской деятельности — по e-mail: afina@panor.ru

Профессиональные праздники и памятные даты

1 мая

Праздник труда (День труда). В этот день в 1886 г. социалистические организации США и Канады устроили демонстрации, выдвинув требование 8-часового рабочего дня. Забастовка и сопутствующая демонстрация закончились кровопролитным столкновением с полицией. В память об этом конгресс II Интернационала объявил 1 мая Днем солидарности рабочих мира. В СССР праздник именовался Днем солидарности трудящихся, а в Российской Федерации — Праздником весны и труда.

Пасха. Древнейший христианский праздник установлен в честь Воскресения Иисуса Христа. Русская православная церковь отмечает день по юлианскому календарю. В последние годы Светлое Христово Воскресение стало значительным праздником.

3 мая

Всемирный день свободной печати. Провозглашен Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 1993 г. по инициативе ЮНЕСКО. Тематика праздника связана со свободным доступом к информации, безопасностью и расширением прав журналистов.

5 мая

День водолаза. 5 мая 1882 г. указом императора Александра III в Кронштадте была основана первая в мире водолазная школа. В 2002 г. указом Президента РФ В. Путина этот день официально объявлен Днем водолаза.

Международный день борьбы за права инвалидов. В этот день в 1992 г. люди с ограниченными возможностями из 17 стран провели первые общеевропейские акции в борьбе за равные права. В России сегодня проживают около 13 млн граждан, нуждающихся в особом внимании.

7 мая

День радио. Согласно отечественной версии, 7 мая 1895 г. русский физик Александр Попов сконструировал первый радиоприемник и осуществил сеанс связи. Впервые дата отмечалась в СССР в 1925 г., а спустя 20 лет согласно постановлению Совнаркома приобрела праздничный статус.

День создания Вооруженных сил РФ. 7 мая 1992 г. Президентом РФ было подписано распоряжение о создании Министерства обороны и Вооруженных сил Российской Федерации.

8 мая

Международный день Красного Креста и Красного Полумесяца. Дата отмечается в день рождения швейцарского гуманиста Анри Дюнана. В 1863 г. по его инициативе была созвана конференция, положившая начало международному обществу Красного Креста. Название организации было видоизменено в 1986 г. Задачи МККК — помочь раненым, больным и военнопленным.

9 мая

День Победы. 9 мая в 0:43 по московскому времени представители немецкого командования подписали Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Исторический документ доставил в Москву самолет «Ли-2» экипажа А. И. Семенова. День Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне — один из самых почитаемых праздников во многих странах.

12 мая

Всемирный день медицинской сестры. Дата отмечается с 1965 г. под эгидой Международного совета медсестер (ICN). 12 мая — день рождения Флоренс Найтингейл, основательницы службы сестер милосердия и общественного деятеля Великобритании.

13 мая

День Черноморского флота. В этот день в 1783 г. в Ахтиарскую бухту Черного моря вошли 11 кораблей Азовской флотилии под командованием адмирала Федота Клокачева. Вскоре на берегах бухты началось строительство города Севастополя. В календаре современной России праздник узаконен в 1996 г.

14 мая

День фрилансера. В этот день в 2005 г. была образована одна из первых российских бирж фрилансеров — работников, самостоятельно выбирающих себе заказчиков. День помогает объединиться тем, кто зарабатывает в Интернете.

15 мая

Международный день семьи. Дата учреждена Генеральной Ассамблеей ООН в 1993 г. Цель проводимых мероприятий — защитить права семьи как основного элемента общества и хранительницы человеческих ценностей.

17 мая

Всемирный день информационного общества. Профессиональный праздник программистов и IT-специалистов учрежден на Генеральной Ассамблее ООН в 2006 г. Корни бывшего Международного дня электросвязи уходят к 17 мая 1865 г., когда в Париже был основан Международный телеграфный союз.

Поздравим друзей и нужных людей!

18 мая

День Балтийского флота. В этот день в 1703 г. флотилия с солдатами Преображенского и Семеновского полков под командованием Петра I одержала первую победу, захватив в устье Невы два шведских военных судна. Сегодня в состав старейшего флота России входят более 100 боевых кораблей.

Международный день музеев. Праздник появился в 1977 г., когда на заседании Международного совета музеев (ICOM) было принято предложение российской организации об учреждении этой даты. Цель праздника — пропаганда научной и образовательно-воспитательной работы музеев мира.

20 мая

Всемирный день метролога. Праздник учрежден Международным комитетом мер и весов в октябре 1999 г. — в ознаменование подписания в 1875 г. знаменитой «Метрической конвенции». Одним из ее разработчиков был выдающийся русский ученый Д. И. Менделеев.

21 мая

День Тихоокеанского флота. 21 мая 1731 г. «для защиты земель, морских торговых путей и промыслов» Сенатом России был учрежден Охотский военный порт. Он стал первой военноморской единицей страны на Дальнем Востоке. Сегодня Тихоокеанский флот — оплот безопасности страны во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

День полярника. Новый праздник отмечается в России с 2013 г. по указу Президента РФ В. Путина. 21 мая 1937 г. начала свою работу первая научно-исследовательская экспедиция полярной дрейфующей станции «Северный полюс — 1», руководил которой Иван Папанин.

24 мая

День славянской письменности и культуры. В 1863 г. Российский Святейший Синод определил день празднования тысячелетия Моравской миссии святых Кирилла и Мефодия — 11 мая (24 по новому стилю). В IX веке византиец Константин (Кирилл) создал основы нашей письменности. В богоугодном деле образования славянских народов ему помогал старший брат Мефодий.

День кадровика. В этот день в 1835 г. в царской России вышло постановление «Об отношении между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму». Дата отмечается с 2005 г. по инициативе Всероссийского кадрового конгресса.

25 мая

День филолога. Праздник отмечается в России и ряде стран. Это день выпускников филологических факультетов, преподавателей профильных вузов, библиотекарей, учителей русского языка и литературы и всех любителей словесности.

26 мая

День российского предпринимательства. Новый профессиональный праздник введен в 2007 г. указом Президента РФ В. Путина. Основополагающий Закон «О предприятиях и предпринимательской деятельности» появился в 1991 г. Он закрепил право граждан вести предпринимательскую деятельность как индивидуально, так и с привлечением наемных работников.

27 мая

Всероссийский день библиотек. В этот день в 1795 г. была основана первая в России общедоступная Императорская публичная библиотека. Спустя ровно два века указ Президента РФ Б. Ельцина придал празднику отечественного библиотекаря официальный статус.

28 мая

День пограничника. 28 мая 1918 г. Декретом Совнаркома была учреждена Пограничная охрана РСФСР. Правопреемником этой структуры стала Федеральная пограничная служба России, созданная Указом Президента РФ в 1993 г. Праздник защитников границ Отечества в этот день отмечают и в ряде республик бывшего СССР.

29 мая

День военного автомобилиста. 29 мая 1910 г. в Санкт-Петербурге была образована первая учебная автомобильная рота, явившаяся прообразом автомобильной службы Вооруженных сил. Праздник военных автомобилистов учрежден приказом министра обороны РФ в 2000 г.

День химика. Профессиональный праздник работников химической промышленности отмечается в последнее воскресенье мая. При этом в 1966 г. в МГУ зародилась традиция отмечать каждый День химика под знаком химических элементов Периодической системы.

31 мая

День российской адвокатуры. 31 мая 2002 г. Президент РФ В. Путин подписал Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Профессиональный праздник учрежден 8 апреля 2005 г. на втором Всероссийском съезде адвокатов.

ПОДПИСКА 2016

на 2-е полугодие года

www.panor.pf Издательский Дом
www.panor.ru ПАНОРАМА
НАУКА И ПРАКТИКА

качество журналов неизменно!

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Свыше 20 лет мы издаем для вас журналы. Более 100 деловых, научных и познавательных журналов 10 издательств крупнейшего в России Издательского Дома «ПАНОРАМА» читают во всем мире более 1 миллиона специалистов.

Вместе с вами мы делаем наши журналы лучше и предлагаем удобные вам варианты оформления подписки на журналы Издательского Дома «ПАНОРАМА».

1 ПОДПИСКА НА ПОЧТЕ

- По «Каталогу российской прессы».
- По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы».

Подписные цены во всех каталогах одинаковы для подписчиков, поэтому не важно, по какому каталогу вы оформите подписку. Оформляйте подписку по тому каталогу, который есть в наличии в отделении почтовой связи (или который вам больше понравится). Подписной индекс на каждое издание ИД «ПАНОРАМА» можно уточнить в выходных данных журналов или в самом каталоге. Ориентироваться в каждом каталоге проще по разделам «Алфавитный указатель» или «Тематический указатель».

2 ПОДПИСКА НА САЙТЕ

Для оформления подписки зайдите на наш сайт www.panor.ru. Там вы сможете распечатать счет для оплаты подписки с расчетного счета юридического лица или квитанцию для оплаты подписки наличными в любом филиале Сбербанка РФ.

3 ПОДПИСКА ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ

Для оформления подписки позвоните по тел. (495) 664-2761, (495) 685-9368 или отправьте заявку в произвольной форме на адрес: podpiska@panor.ru

В заявке укажите название журнала, на который вы хотите оформить подписку, наименование вашей компании и банковские реквизиты, Ф.И.О. получателя, телефон и e-mail для связи.

Вас интересует международная подписка, прямая доставка в офис по Москве или оплата кредитной картой? Просто позвоните по указанным ниже телефонам или отправьте e-mail по адресу podpiska@panor.ru.

Уважаемые подписчики! Обращаем ваше внимание на то, что в стоимость РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ уже включены затраты по обработке, упаковке и отправке выписанных журналов бандеролями по почте. Все эти затраты ИД «ПАНОРАМА» берет на себя, что делает подписку через редакцию особенно выгодной!

Также сообщаем о возможности покупки электронных версий уже вышедших номеров журналов ИД «ПАНОРАМА» СО СКИДКОЙ 30% на сайте www.panor.ru

ПОДРОБНАЯ ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ: телефоны: (495) 664-2761, (495) 685-9368; факс: (495) 664-2761; e-mail: podpiska@panor.ru; www.panor.ru

На правах рекламы

ПОДПИСКА НА 2-Е ПОЛУГОДИЕ 2016 ГОДА

ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ
ЗАПОЛНИТЕ ФОРМУ ПД-4, УКАЖИТЕ ТАМ:

- ✓ название журнала
- ✓ период подписки
- ✓ подписную цену
- ✓ адрес для доставки журнала (с указанием индекса)
- ✓ Ф.И.О получателя

Оплатите в любом филиале Сбербанка РФ.
Копию оплаченной формы ПД-4
отправьте факсу (495) 664-27-61,
на e-mail: podpiska@panor.ru
или по адресу: 152040, г. Москва, а/я 1

ФОРМА ПД-4

для оплаты подписки через редакцию наличными в любом отделении **Сбербанка РФ**

<p>Извещение</p>	<p style="text-align: right;">Форма № ПД-4</p> <p>Общество с ограниченной ответственностью Издательский Дом "ПАНОРАМА" кпп 772901001 <small>(наименование получателя платежа)</small></p> <p>7729601370 407028110601600002598 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small></p> <p>в АО "АЛЬФА-БАНК" Г. МОСКВА БИК 044525593 <small>(наименование банка получателя платежа)</small></p> <p>Номер кор./сч. банка получателя платежа 3011018110200000000593</p> <p>журнал «Вопросы культурологии» (6 мес.) <small>(наименование платежа) (номер лицевого счета (код) плательщика)</small></p> <p>Ф.И.О плательщика _____</p> <p>Адрес плательщика <i>(с почтовым индексом)</i> _____</p> <p>Сумма платежа 4620 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп. « _____ » _____ 20 _____ г. С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.</p> <p style="text-align: right;">Подпись плательщика _____</p>
<p>Квитанция</p> <p>Кассир</p>	<p style="text-align: right;">Форма № ПД-4</p> <p>Общество с ограниченной ответственностью Издательский Дом "ПАНОРАМА" кпп 772901001 <small>(наименование получателя платежа)</small></p> <p>7729601370 407028110601600002598 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small></p> <p>в АО "АЛЬФА-БАНК" Г. МОСКВА БИК 044525593 <small>(наименование банка получателя платежа)</small></p> <p>Номер кор./сч. банка получателя платежа 3011018110200000000593</p> <p>журнал «Вопросы культурологии» (6 мес.) <small>(наименование платежа) (номер лицевого счета (код) плательщика)</small></p> <p>Ф.И.О плательщика _____</p> <p>Адрес плательщика <i>(с почтовым индексом)</i> _____</p> <p>Сумма платежа 4620 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого _____ руб. _____ коп. « _____ » _____ 20 _____ г. С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.</p> <p style="text-align: right;">Подпись плательщика _____</p>

Оформить подписку на журнал можно через Сбербанк. Для этого заполните форму ПД-4, и оплатите ее в любом филиале Сбербанка РФ. В форме ПД-4 обязательно укажите адрес доставки. Подробнее о подписке: тел. (495) 664-27-61, e-mail: podpiska@panor.ru

Подписка **НА 2-Е ПОЛУГОДИЕ 2016 ГОДА ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ**

Почтовый адрес: 125040, Москва, а/я 1
 По всем вопросам, связанным с подпиской, обращайтесь по тел.:
(495) 664-2761, 685-9368, тел./факс: (495) 664-2761, или по e-mail: podpiska@panor.ru

ПОЛУЧАТЕЛЬ:

ООО «Издательский дом «Панорама»

ИНН 7729601370	КПП 772901001	р/сч. № 40702810601600002598	АО "АЛЬФА-БАНК" Г. МОСКВА
----------------	---------------	------------------------------	---------------------------

БАНК ПОЛУЧАТЕЛЯ:

БИК 044525593	к/сч. № 30101810200000000593	АО "АЛЬФА-БАНК" Г. МОСКВА
---------------	------------------------------	---------------------------

СЧЕТ № 2ЖК2016 от « _____ » _____ 201__

Покупатель:
 Расчетный счет №:
 Адрес, тел.:

№№ п/п	Предмет счета (наименование издания)	Кол-во	Ставка НДС, %	Сумма с учетом НДС, руб.
1	Вопросы культурологии (подписка на 2-е полугодие 2016 года)	6	10	4620
2				
3				
ИТОГО:				
ВСЕГО К ОПЛАТЕ:				

Генеральный директор

К.А. Москаленко

К.А. Москаленко

Главный бухгалтер

М.П.

Л.В. Москаленко

ВНИМАНИЮ БУХГАЛТЕРИИ!

ОПЛАТА ДОСТАВКИ ЖУРНАЛОВ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ. ДОСТАВКА ИЗДАНИЙ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО ПОЧТЕ ЗАКАЗНЫМИ БАНДЕРОЛЯМИ ЗА СЧЕТ РЕДАКЦИИ. В СЛУЧАЕ ВОЗВРАТА ЖУРНАЛОВ ОТПРАВИТЕЛЮ, ПОЛУЧАТЕЛЬ ОПЛАЧИВАЕТ СТОИМОСТЬ ПОЧТОВОЙ УСЛУГИ ПО ВОЗВРАТУ И ДОСЫЛУ ИЗДАНИЙ ПО ИСТЕЧЕНИИ 15 ДНЕЙ.

В ГРАФЕ «НАЗНАЧЕНИЕ ПЛАТЕЖА» ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЗЫВАТЬ ТОЧНЫЙ АДРЕС ДОСТАВКИ ЛИТЕРАТУРЫ (С ИНДЕКСОМ) И ПЕРЕЧЕНЬ ЗАКАЗЫВАЕМЫХ ЖУРНАЛОВ.

ДАННЫЙ СЧЕТ ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ОПЛАТЫ ПОДПИСКИ НА ИЗДАНИЯ ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ И ЗАПОЛНЯЕТСЯ ПОДПИСЧИКОМ. СЧЕТ НЕ ОТПРАВЛЯТЬ В АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА.

ОПЛАТА ДАННОГО СЧЕТА-ОФЕРТЫ (СТ. 432 ГК РФ) СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О ЗАКЛЮЧЕНИИ СДЕЛКИ КУПЛИ-ПРОДАЖИ В ПИСЬМЕННОЙ ФОРМЕ (П. 3 СТ. 434 И П. 3 СТ. 438 ГК РФ).

ПОДПИСКА НА ПОЧТЕ
по подписному каталогу
Агентства «Роспечать»
(стоимость подписки на журнал
указана в каталогах)

ПОДПИСКА НА ПОЧТЕ
по «Каталогу российской прессы»
(стоимость подписки на журнал
указана в каталогах)

ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на _____
журнал _____

46310
(индекс издания)

Вопросы культурологии
(наименование издания) | Количество комплектов:

на 20 16 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес) _____

Кому _____
(фамилия, инициалы) _____

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на _____
журнал _____

46310
(индекс издания)

Вопросы культурологии
(наименование издания)

Стоимость подписки руб. _____ коп. _____
Стоимость переадресовки руб. _____ коп. _____

на 20 16 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес) _____

Кому _____
(фамилия, инициалы) _____

ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на _____
журнал _____

24192
(индекс издания)

Вопросы культурологии
(наименование издания) | Количество комплектов:

на 20 16 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес) _____

Кому _____
(фамилия, инициалы) _____

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на _____
журнал _____

24192
(индекс издания)

Вопросы культурологии
(наименование издания)

Стоимость подписки руб. _____ коп. _____
Стоимость переадресовки руб. _____ коп. _____

на 20 16 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес) _____

Кому _____
(фамилия, инициалы) _____

**ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ
ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!**

На абонементе должен быть проставлен отгиск кассовой машины.

При оформлении подписки (передпресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется отгиск календарного штемпеля отделеция связи.

В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (передпресовки).

**ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ
ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!**

На абонементе должен быть проставлен отгиск кассовой машины.

При оформлении подписки (передпресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется отгиск календарного штемпеля отделеция связи.

В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (передпресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для передпресовки издания бланк абонемента с доставкойной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в подписных каталогах.

Заполнение месячных клеток при передпресовки издания, а также клетки «ПВ-МЕСТО» пронумовлятся работниками предприяий связи и подписных агентств.

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для передпресовки издания бланк абонемента с доставкойной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в подписных каталогах.

Заполнение месячных клеток при передпресовки издания, а также клетки «ПВ-МЕСТО» пронумовлятся работниками предприяий связи и подписных агентств.